Российская национальная библиотека

ВОСПОМИНАНИЯ:
из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи

Санкт-Петербург
Издательство «Российская национальная библиотека»
2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52,013
В 77

Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А. В. Лихоманов.— СПб.: РНБ, 2009.— 228 с.: ил.

Первое в России переиздание воспоминаний государственного деятеля С. Е. Крыжановского (1862—1935), вышедших в берлинском издательстве «Петрополис» в 1938 г. и представляющих большой исторический и политический интерес. Автор с 1896 г. служил в МВД, в 1906—1911 гг.— товарищем министра внутренних дел, был правой рукой П. А. Столыпина. С 1911 г. по март 1917 г. он занимал должность государственного секретаря. Крыжановский был составителем законов об учреждении Государственной думы и положений о выборах в нее, о преобразовании Государственного совета и многих других, руководил организацией выборов в Государственную думу I, II и III созывов.

Мемуарист был талантливым человеком, высококвалифицированным юристом, что признавали его противники и соратники: «голова Столыпина» (С. Ю. Витте), «маг и волшебник конституционного права» (П. Н. Милюков), «человек большого ума, автор хитрых инструкций» (И. В. Гессен) и др. На страницах своих мемуаров Крыжановский рассказывает о своих встречах с Николаем II, императрицей Александрой Федоровной, о совместной службе с министрами внутренних дел П. А. Столыпиным, Д. С. Сипягиным, П. Н. Дурново и В. К. Плеве. Помимо обширного фактического материала воспоминания Крыжановского содержат чрезвычайно интересные сведения о «политическом закулисье» Российской империи, нравах, царящих в министерствах и ведомствах.

Печатается по изданию: Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин: Петрополис, 1938. 221 с.

Подписано к печати 04.03.09. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0. Уч. изд. л. 15,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 7742.

Издательство «Российская национальная библиотека»
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.
Отпечатано в типографии «Экстрапринт».
197101, Санкт-Петербург, Кронверкская ул., 21.

ISBN 978-5-8192-0351-4

© Российская национальная библиотека, 2009
© Лихоманов А. В., подгот. текста, вступление и коммент., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лихоманов А. В. С. Е. Крыжановский и его воспоминания 4

Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи

Биография 46
Вступление 50
Государственная дума 52
Закон 3-го июня 1907 года 99
Император Николай II 129
Моя встреча с императрицей Александрой Федоровной 143
Сипягин 158
П. А. Столыпин 170

Приложение: рецензия П. Н. Милюкова 178
Примечания 182
Именной указатель 202

Сергей Ефимович Крыжановский и его воспоминания

В 1938 г. в Берлине увидели свет мемуары видного государственного деятеля дореволюционной России С. Е. Крыжановского (1862—1935). В рецензии на них, написанной П. Н. Милюковым и опубликованной в парижском эмигрантском журнале «Русские записки», которая полностью приводится в данном издании, справедливо отмечалось, что мемуарист — «лицо, гораздо менее известное широкой публике, чем он того заслуживает», а сами мемуары содержат в себе «богатейший материал, значения которого автор не мог не понимать»[1]. До настоящего времени воспоминания Крыжановского, не без основания утверждавшего, что «старый строй не имел от него тайн» — важнейший исторический источник. Однако их ценность состоит не только в этом. Многие вопросы, которые Крыжановский рассматривал в своих воспоминаниях, представляют актуальность и сегодня: какие социальные слои должны представлять страну в парламенте, в какой степени допустимо использовать «административный ресурс» во время проведения выборов, должно ли государство финансировать деятельность отдельных политических партий и, наконец, какой должна быть система управления государством, гарантирующая страну от революционных потрясений.

Крыжановский начал работать над мемуарами в 1912 г., в которых, как он указывал, «под свежим впечатлением недавнего прошлого... описал то, чему был свидетелем в годы перелома русской государственной жизни в 1904—1907 гг.». Затем, уже во время Первой мировой войны, он подготовил более подробный вариант воспоминаний, приложив к нему различные официальные документы. В первые дни Февральской революции бывший государственный секретарь сжег свой архив, вклю-

чая мемуары, написанные в 1914—1917 гг., но два экземпляра первоначальных набросков воспоминаний, случайно не попавшие в печь, были конфискованы во время обыска в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. и оказались в распоряжении Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После Октябрьской революции Крыжановскому удалось вернуть и уничтожить первый экземпляр набросков, но его копия сохранилась в архиве следственной комиссии, позже этот документ был включен в фонды Государственного архива Российской Федерации. В 1997 г. первоначальный вариант воспоминаний под названием «Заметки русского консерватора» был опубликован С. В. Пронкиным в журнале «Вопросы истории». В комментариях к нему использованы многочисленные выдержки из книги воспоминаний Крыжановского, а также полностью воспроизведена глава о Д. С. Сипягине[2].

После эмиграции во Францию Крыжановский сумел частично восстановить свои заметки и продолжил работу над мемуарами, которые, уже после смерти автора, были изданы в Германии.

Если сравнивать текст опубликованных воспоминаний и первоначальные наброски мемуаров, написанные в 1912 г., то следует отметить, что в первом случае Крыжановский значительно подробнее описывает происходившие события, а их авторская оценка дана уже с позиции эмигранта, размышляющего о причинах крушения Российской империи, тогда как во втором — мы имеем дело с заметками, которые были сделаны под непосредственным впечатлением недавнего прошлого. Кроме того, в первоначальном варианте мемуаров была глава о В. К. Плеве, не вошедшая в книгу воспоминаний. Хронологические рамки «Заметок русского консерватора» — 1904—1911 гг., а опубликованных воспоминаний — с начала XX в. до 1917 гг.

«Воспоминания» С. Е. Крыжановского были изданы 70 лет назад очень маленьким тиражом и сразу после выхода в свет стали библиографической редкостью, экземпляры этой книги имеются лишь в нескольких библиотеках Российской Федерации, до конца 1980-х гг. они нахо-

дились в «спецхране» и доступ к ним был возможен только при наличии специального разрешения.

Предлагаемое вашему вниманию переиздание — первая публикация в России этих мемуаров.

Сергей Ефимович Крыжановский родился 29 августа 1862 г. в Киеве. Фамильное предание гласило, что однажды казаки нашли на дороге умирающего от голода мальчика, выходили его, крестили по-православному, и вышел из хлопчика бравый казак — прапрапрадед автора мемуаров. Дед Крыжановского был оседлым казаком и только в зрелом возрасте стал священником в деревне Купиеватая Липовецкого уезда Киевской губернии, где он жил. Отец С. Е. Крыжановского — Ефим Михайлович родился в 1831 г. Закончив в 1857 г. Киевскую духовную академию, он преподавал сначала в Киевской духовной семинарии, а с 1862 г. в Киевской духовной академии. После подавления в 1863 г. польского восстания на территории Царства Польского, началась реформа системы образования, которая была призвана «оживить русское народное сознание, приглохшее под гнетом и лестью латино-польской пропаганды», для чего было образовано 10 учебных дирекций[3]. Возглавить учебную дирекцию Седлецкой губернии главный директор Комиссии по народному просвещению в Царстве Польском Ф. Ф. Витте предложил Е. М. Крыжановскому — лицу с высшим богословским образованием, имеющему опыт преподавания и хорошо знакомому с церковной историей края. В 1864—1871 гг. он жил в Седлеце, а в 1871 г. переехал в Варшаву, где до 1883 г. был директором I варшавской классической гимназии. В 1878 г. Е. М. Крыжановский получил классный чин, дающий право на потомственное дворянство,— был произведен в действительные статские советники. С 1883 г. до своей смерти в 1888 г. он жил в Петербурге, являлся членом Учебного комитета Синода, выполнял различные поручения главы ведомства К. П. Победоносцева, связанные с изучением положения православного населения в тех местах империи, где оно не составляло большинства. Победоносцев высоко ценил Крыжа-

новского и после его смерти писал о нем как о «русском человеке, духом горящим и исполненным любви к своему народу», который «чуял сердцем живую правду и умел отыскивать ее в истории и в организации всякого русского дела»[4]. Ефим Михайлович был автором многочисленных работ, посвященных русской церковной истории, вопросам образования, и бытовых очерков, которые после его смерти были изданы в Киеве в 1890 г.[5] в виде трехтомного собрания сочинений.

Мать С. Е. Крыжановского — Надежда Наркисовна Новицкая была дочерью житомирского кафедрального протоирея, в 1860 г. она с золотой медалью закончила Киевский институт благородных девиц. В 1867 г., когда сыну было 5 лет, Надежда Наркисовна умерла от чахотки. В 1872 г. Е. М. Крыжановский женился на Марии Степановне Громеко — дочери седлецкого губернатора С. С. Громеко. Один из друзей юности С. Е. Крыжановского, И. М. Гревс, писал, что «по-видимому, внутренним уютом он пригрет в родной семье не был. Мать его рано умерла. Отец бывший директор гимназии в Варшаве <...> окончил жизнь службой в Синоде, где был близок к Победоносцеву. Может быть, из отчего дома С[ергей] Е[фимович] вынес уже недоверие к людям вообще, к людской природе, в центре которой видел зло»[6].

В 1880 г. Крыжановский закончил I варшавскую классическую гимназию, которую называли «русской» поскольку все предметы преподавались на русском языке, в отличие от некоторых других городских гимназий, где до 1869 г. часть дисциплин преподавалась по-польски. «Русской» гимназия также называлась потому, что она была специально открыта для детей русских чиновников и офицеров. Руководивший этим учебным заведением отец мемуариста Е. М. Крыжановский был противником господствующей в то время системы «классического» образования, когда большая часть учебного времени отводилась изучению латыни и греческого языка, хотя и не заявлял об этом открыто. Как вспоминал современник, он «чувствовал себя довольно прочно на своем месте, не дрожал за него и не лебезил перед начальством, не распинал-

ся за классическую систему, и в сущности порядочно распустил свою гимназию»[7].

Как свидетельствовал в своих мемуарах соученик Крыжановского, будущий видный деятель кадетской партии А. А. Корнилов, гимназистов «не забивали донельзя классическими языками и не приучали к низкопоклонству, наушничеству и другим прелестям», правда, обстановка «казацкой вольницы», царящая в стенах гимназии, не способствовала глубокому изучению предметов[8]. «Ближе всего я сошелся с директорским сыном Сергеем Крыжановским,— писал Корнилов,— из всех моих товарищей он по возрасту и по живости своего характера подходил мне более других. Сидя с ним на одной скамейке и будучи младшими в классе, мы являлись обыкновенно затевалами всяких гимназических шалостей, к которым наш класс проявлял излишнее стремление»[9]. Сравнительно невысокий уровень преподавания и отсутствие дисциплины компенсировались здоровой нравственной атмосферой.

После окончания гимназии Крыжановский поступил на математический факультет Московского университета. Выбор факультета был связан с тем, что он и его гимназические друзья А. А. Корнилов, Н. В. Харламов и Л. А. Обольянинов приняли коллективное решение учиться именно на математическом факультете, как наиболее, по их мнению, соответствующим возможной военной карьере,— сказывалось юношеское увлечение русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Крыжановский стал студентом Московского университета, Корнилов — Петербургского, а Харламов и Обольянинов — Варшавского.

Собравшись летом 1881 г. в Москве, друзья, успевшие разочароваться в точных науках, приняли решение переехать в столицу, где Крыжановский, Корнилов и Харламов стали учиться на юридическом факультете, а Обольянинов — на естественном отделении математического факультета Петербургского университета. Жили они все вместе на одной квартире. Следует отметить, что Крыжановский еще в Московском университете перешел с математического на юридический факультет[10].

Осенью 1881 г. друзья объединились с другими бывшими выпускниками варшавских гимназий — братьями Сергеем и Федором Ольденбургами и князем Д. И. Шаховским, образовав кружок, ставший называться «ольденбурговским», который вскоре оказался во главе либерального движения в университете. Сами члены кружка не считали себя либералами, они проповедовали «воздержание от политики, во имя накопления сил и знаний», при этом подразумевалась не индифферентность «косной массы», а аполитизм активный, противопоставляющий себя «как революционным, так и реакционным тенденциям»[11].

Члены «ольденбурговского кружка» приняли участие в работе университетского студенческого научно-литературного общества, организованного в начале 1882 г. и руководимого профессором О. Ф. Миллером. Студенты писали рефераты, лучшие из них допускались к публичному чтению, обществу разрешалось издавать свои труды, выписывать журналы и приобретать книги для совместного чтения. «Ольденбурговцы» смогли фактически возглавить работу общества, при этом они активно выступали против студенческих волнений, вспыхнувших в университете осенью 1882 г. Когда предотвратить запрещенную властями студенческую сходку не удалось, друзья приняли в ней участие, чтобы разделить ответственность за происходящее со своими товарищами. В день сходки, 10 ноября 1882 г., Крыжановский, единственный из членов кружка, был арестован и провел несколько суток в полицейском участке, правда, его друзья могли общаться с ним благодаря благосклонному отношению полиции к студентам [12].

Вскоре к кружку примкнули В. И. Вернадский, И. М. Гревс, В. В. Водовозов, Б. Б. Глинский и другие.

«Ольденбурговцы» пытались найти свое место в жизни, цель которой видели в служении науке и человечеству. Отвергая революционный террор, они стремились, прежде всего, к развитию просвещения, культуры и демократического самоуправления, полагая, что они приведут к изменению российского государственного строя. Не случайно, что в

дальнейшем многие из них оказались видными деятелями кадетской партии[13].

Крыжановский избрал иной путь. «Усматривая очевидную нелепость всяких теоретических взглядов,— писал в 1887 г. Д. И. Шаховской о Крыжановском,— он никаких взглядов не может придерживаться, видя чепуху всякой деятельности при теперешних порядках»[14]. Другой «ольденбурговец», И. М. Гревс, отмечал, что постепенно Крыжановский «разочаровался в идеалистических построениях» и «критический реализм завладел им»[15]. В. И. Вернадский вспоминал: «Умный, энергичный, честолюбивый, он был от природы добрый. Хороший товарищ <...> Элементы цинизма и правильного скептицизма в моральной силе окружающих, больше того, у него было недоверие в добрую природу человека, которое характеризует и Победоносцева, и Витте... Резкий — неожиданный для нас отход его от нашего кружка»[16].

Стремление сделать карьеру, достичь высоких должностей несомненно было одной из важнейших задач, которую ставил себе Крыжановский. Еще учась в Московском университете, он подписал одно из писем Корнилову так: «юрист 1-го курса — будущий министр юстиции»[17]. Друзья все больше замечали в нем «корень жесткого скептицизма и зерно сильного честолюбия». Стремление к власти, как отмечал Гревс, «пересилило все остальное: „когда я буду царем“ сделалось в его устах повторяющимся символом. Он отдал свой выдающийся ум и редкую трудоспособность на служение порядку (даже порядкам), могшему его возвеличить»[18]. Судьба распорядилась так, что Крыжановский, мечтавший дослужиться до министра, никогда не занимал министерского поста, а его друзья — С. Ф. Ольденбург и Д. И. Шаховской, правда, совсем не долго, были министрами Временного правительства: первый возглавлял министерство народного просвещения, а второй — министерство государственного призрения.

Крыжановский не был убежденным консерватором, его отход от идей «служения народу» вполне понятен. Государственная служба, а Крыжановский начинал ее в эпоху «контрреформ» и жесткого преследования

не только революционеров-террористов, но и тех, кто принадлежал к либеральному лагерю, не могла сочетаться с посещением полуподпольных кружков молодежи, в которых господствовали оппозиционные настроения. Это могло разрушить его мечту сделать блестящую карьеру.

Судьба в этом отношении дала Крыжановскому серьезное предупреждение. В феврале 1887 г. он был привлечен к уголовной ответственности по делу В. В. Водовозова, предпринявшего неудачную попытку нелегально издать в Петербурге сочинение немецкого профессора А. Туна «История революционного движения в России». Водовозов — университетский соученик Крыжановского и член «ольденбурговского кружка», попросил его для приложения к книге перевести с польского несколько отрывков «из какого-то нелегального журнала,— как вспоминал впоследствии Водовозов,— касавшихся истории русского революционного движения»[19].

Рукопись перевода была найдена жандармами при обыске у Водовозова, автор определен при сличении почерков перевода и писем Крыжановского, изъятых при обыске у Ф. Ф. Ольденбурга. Крыжановского приговорили к двум неделям тюремного заключения, которого он, впрочем, сумел избежать[20]. Водовозов был выслан на пять лет в Архангельскую губернию. Вспомним, что в том же 1887 г. студент юридического факультета Петербургского университета А. И. Ульянов был казнен за организацию покушения на Александра III.

Крыжановский постепенно прекратил общение с прежними друзьями-единомышленниками: сказывалось различие в оценке политической ситуации в стране. «У нас с ним уже давно происходили политические споры насчет земских начальников и относительно тогдашнего правительства, иной раз довольно острые»,— вспоминал А. А. Корнилов[21]. В то же время, когда в январе 1906 г. за революционную деятельность был арестован сын В. И. Вернадского Георгий, великий ученый срочно приехал из Москвы в Петербург и обратился за помощью к Крыжановскому. Старый друг немедленно помог: «Он очень сердечно и хорошо ко всему отнесся»,— писал Вернадский жене[22]. Крыжановский «через Дурново

быстро освободил Георгия. Он до известной степени поручился за него — „грехи молодости“,— что в действительности и было»,— вспоминал впоследствии Вернадский[23].

В 1884 г. Крыжановский закончил университет, и в апреле 1885 г. начал службу в Петербургском окружном суде, где в течение четырех лет занимал различные должности: помощник секретаря отделения, заведующий следственным участком и т. д. В феврале 1889 г. он стал судебным следователем Валдайского уездного округа Новгородского окружного суда, в сентябре 1891 г. получил назначение товарищем (заместителем) прокурора Великолуцкого, а в июле 1893 г.— Рижского окружного суда. С октября 1895 г. по апрель 1896 г.— являлся товарищем прокурора Петербургского окружного суда.

Служба в судебном ведомстве, где Крыжановский занимался уголовными делами, в известной степени усилила в нем недоверие к людям. «Суровое отношение к „человеку“,— вспоминал один из современников,— мрачно характерно выражалось у него, когда он стал служить в Прибалтийском крае, в его эскизах психологии населения. Он отметил племенные особенности преступлений; он говорил: „латыш — вор, эстонец — убийца“»[24].

То, как начиналась служба Крыжановского, красноречиво говорит об отсутствии у него влиятельных покровителей. В то время, как представители аристократических семейств, получившие высшее юридическое образование, благополучно «оседали» в Государственной канцелярии, Сенате, различных министерствах и ведомствах, других «теплых» местах, гарантирующих им необременительную службу, своевременные повышения и другие блага, Крыжановский сначала находился на низких должностях в следственной части столичного суда, а затем, получив повышение, исполнял свои обязанности в провинции. В то же время служба вдали от Петербурга позволила молодому чиновнику, проведшему детство и юность в Царстве Польском, ближе увидеть жизнь и быт русского и прибалтийского крестьянства, провинциальную жизнь в целом, что, безусловно, пригодилось ему в дальнейшем.

В апреле 1896 г. в карьере Крыжановского происходит резкий поворот: он оставляет пост товарища прокурора Петербургского окружного суда и переводится в Хозяйственный департамент министерства внутренних дел (МВД) на должность начальника отделения, ведающего земскими и городскими делами в империи.

Это было смелое решение. После 11 лет службы в судебном ведомстве Крыжановский стал заниматься вопросами, которые никогда раньше не входили в круг его компетенции. Хозяйственный департамент был важным подразделением МВД, курирующим местное самоуправление, общественное благополучие, транспорт, пути сообщения, тарифную политику и т. д. Достаточно привести названия межведомственных совещаний, в которых Крыжановский представлял МВД: «О принятии мер к оздоровлению г. Астрахани», «Об упорядочении казенных минеральных вод», «О сооружении в Петербурге круговой железной дороги», «Об управлении торговыми портами», «О мерах по сокращению случаев пожаров в городах и селах», «О значении тотализатора в деле развития отечественного коннозаводства», «Об обеспечении г. Владивостока водой», «Об установлении в доход г. Москвы сбора с товаров», «О внесении изменений в постановления о правах жительства евреев», «Для пересмотра Устава о паспортах» и т. д.

Естественно, переход в МВД произошел не случайно. По-видимому, он был связан с приглашением А. А. Хвостова, ставшего в декабре 1895 г. правителем канцелярии только что назначенного министром внутренних дел И. Л. Горемыкина.

После ухода в 1899 г. Горемыкина из МВД, А. А. Хвостов в апреле 1900 г. возглавил Хозяйственный департамент. За два месяца до этого Крыжановский был утвержден вице-директором этого подразделения. Их совместная служба в департаменте была недолгой: в январе 1901 г. Хвостов вернулся в министерство юстиции, а Крыжановский продолжил работу в МВД на прежней должности.

Связка Хвостов — Крыжановский «сработала» и в 1905 г., когда ставший товарищем министра юстиции Хвостов пригласил Крыжанов-

ского на ранее занимаемую первым должность директора I департамента министерства юстиции.

Когда Крыжановский стал чиновником МВД, ему, кроме текущей работы, было поручено составление проекта Положения о введении земских учреждений в западных и некоторых окраинных губерниях Российской империи, обосновывать необходимость его принятия в процессе согласования в министерствах. Горемыкин придавал расширению земств большое значение, в течение нескольких лет стремился реализовать задуманное, но, встретив серьезное сопротивление группы консервативно настроенных сановников, а также министра финансов Витте, в конце концов был вынужден уйти в отставку. Этот проект был первым реформаторским документом, составленным автором воспоминаний.

В октябре 1899 г. министром внутренних дел стал Д. С. Сипягин, которому в воспоминаниях Крыжановского посвящена отдельная глава. По свидетельству мемуариста, Сипягин, которого современники называли «последним боярином Московской Руси»[25], стремился занять при Николае II положение первого министра, его идеалом, вспоминал Крыжановский, «был век царя Алексея Михайловича и главной мечтой — стать „ближним боярином" при царе, посредником между страною и монархом, ближайшим его советником и носителем дум и ближайшим же их исполнителем»[26].

Крыжановский указывает, что Сипягин не жалел времени для работы, занимался до глубокой ночи, но «образование его было очень поверхностное и отвлеченная или непривычная мысль давалась ему с трудом»[27], «под веселую руку» он признавался подчиненным, что из художественной литературы не прочел ни одной страницы, даже Тургенева[28]. По свидетельству Витте Победоносцев открыто называл Сипягина дураком и не скрывал своего мнения от Николая II. Несмотря на эти качества Сипягин возглавлял крупнейшее министерство и пользовался доверием императора[29].

Сипягин хотел ознакомиться с делами на местах, Крыжановский был одним из сопровождающих его чиновников, в первой и, как оказалось,

последней поездке по стране в качестве министра, главной целью которой было ознакомление с положением рабочего класса. Весьма колоритно мемуарист описывает «потемкинские деревни», устроенные по всему пути следования Сипягина: «Мы плыли на пароходе вдоль берегов, усеянных народом, проезжали длинной вереницей экипажей по деревням, расцвеченным флагами, входили в храмы и фабрики и выходили из них при радостных криках толпы»[30]. Но это был парадный фасад.

Крыжановский пишет, что «плохое в общем, а на фабриках старозаветных купцов, например бр[атьев] Моргуновых,— даже отвратительное положение рабочих, хмурые лица, местами косые взгляды, придавали неприятный оттенок многим впечатлениям <...> „собачья свадьба“,— крикнул кто-то из толпы вслед нашему каравану, когда мы проезжали через какой-то фабричный поселок»[31]. Общее впечатление от увиденного Сипягин суммировал одной фразой — «Мы стоим на вулкане». «Слова эти,— пишет автор воспоминаний,— тогда показались нам большим преувеличением, но теперь вижу, что он правильнее нас расценивал положение»[32].

Сипягину не удалось реализовать задуманные планы, 2 апреля 1902 г. его смертельно ранил эсер-террорист С. В. Балмашев, протестующий против отдачи в армию студентов, участвовавших в антиправительственных выступлениях.

Способность Крыжановского четко и ясно формулировать те или иные вопросы, легкое перо и, конечно же, хорошая юридическая подготовка позволили ему успешно проходить службу в МВД. В своих воспоминаниях он отмечал: «Министры подкапывали друг друга у престола, поносили в обществе, обменивались полемическими трактатами и даже переносили свои распри на страницы периодической печати. В министерствах особо ценились чиновники, искусившиеся в междуведомственных препирательствах, мастера изготовлять в любезной форме уничижительные послания от одного министра к другому. Многие на этом делали карьеру (не скрою, что я принадлежал к их числу)»[33].

При допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Крыжановский не без гордости говорил: «Я пишу недурно... при условии того времени требовалось хорошее перо, приглашались лица, которые умели хорошо излагать <...> я умел излагать и без всякой отделки достаточно гладко»[34]. Во время службы в Хозяйственном департаменте он подготовил ряд законопроектов: «Положение об устройстве вечных чиншевиков в городах и местечках Западного края» (1896), проект «Положений о введении земских учреждений в Западных и Восточных губерниях империи» (1897) и ряд других, которые, правда, не были тогда реализованы[35].

Важным документом, разработанным Крыжановским, было «Положение об общественном управлении гор[ода] Санкт-Петербурга», утвержденное в 1903 г. В этот период городское хозяйство столицы находилось в критическом состоянии, особенно канализация и водоснабжение. Взявшийся за наведение порядка министр внутренних дел В. К. Плеве, вскоре понявший, сколь сложная задача стоит перед ним, стремился каким-то образом «выйти из игры», не уронив собственный авторитет. Претворение в жизнь задуманных планов оказалось малореальным из-за явной нехватки средств. В этой ситуации министр требовал от подчиненных «сделать что-либо, непременно сделать», чтобы не оказаться обвиненным в прожектерстве. В течение всего двух недель Крыжановский подготовил новое Городское положение, которое, как он сам признавал, «улучшило кое-какие технические потребности городского управления, но мало изменило дело»[36].

В 1904 г. Плеве провел реорганизацию Хозяйственного департамента, которое было преобразовано в Главное управление по делам местного хозяйства, а Крыжановский в апреле 1904 г. стал помощником его начальника. Он был автором положения об этом подразделении МВД, а также о Совете по делам местного хозяйства[37].

Причиной привлечения Крыжановского к составлению важнейших документов являлось не только умение разрабатывать законопроекты, готовить доклады, справки и т. п., но и высокая работоспособность, хо-

рошая юридическая подготовка. «Он любил серьезный умственный труд и занимался с большой энергией,— вспоминал Гревс, хорошо знавший Крыжановского в студенческие годы,— я познакомился с ним раньше, чем с Ольденбургами <...> и часто встречал его в Публичной библиотеке, где он постоянно работал. Он сам собрал себе хорошую юридическую, отчасти историческую библиотеку»[38].

В январе 1904 г. началась русско-японская война, с первых дней оказавшаяся неудачной для России. Летом 1904 г. был убит террористом и один из ее главных идеологов — министр внутренних дел В. К. Плеве, считавший, что «маленькая победоносная война» сможет отвлечь русское общество от обостряющихся социально-экономических и социально-политических противоречий. Обеспокоенный военными поражениями, подогревавшими оппозиционные настроения, Николай II назначил новым министром внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского, который, в отличие от своего предшественника, жестоко подавлявшего любые антиправительственные выступления, объявил о новом курсе — «эпохе доверия» между правительством и либеральным лагерем, требовавшим преобразования государственного устройства.

В ноябре 1904 г. Святополк-Мирский решил предложить царю собственную программу реформ. Для ее составления в виде доклада Николаю II он, по рекомендации князя А. Д. Оболенского, служившего в 1897—1902 гг. товарищем министра внутренних дел, пригласил Крыжановского. Именно с этого момента 42-летний помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства С. Е. Крыжановский оказался привлечен к разработке важнейших государственных актов, во многом определивших дальнейшую судьбу Российской империи, чему и посвящена основная часть его мемуаров. 4 ноября 1904 г. Крыжановский был вызван к министру: «Князь Мирский долго и много говорил о трудном положении, в котором очутилась государственная власть, исчерпавшая все доступные ей способы борьбы с нарастающим революционным движением, и о необходимости пойти навстречу пожеланиям умеренной части оппозиции и сделать уступки, которые совместимы с

сохранением существующего государственного строя и способны были бы оторвать либеральные элементы общества от революционных»,— вспоминал Крыжановский, также отмечавший, что министр внутренних дел одновременно «хотел, чтобы в докладе было проявлено самое осторожное отношение к существующему порядку вещей и была заранее отражена возможность нападок, основанных на несоответствии намечаемых мер началам нашего государственного строя»[39]. Крыжановскому было предписано «избегать всего, что могло бы подать повод к неправильному истолкованию его (Святополк-Мирского.— *А. Л.*) намерений», не употреблять в докладе слов, которых не любил император, включая термин «интеллигенция», а также «не касаться без крайности сословного строя и, в особенности, дворянства и земских начальников».

Автор воспоминаний свидетельствует, что «слова князя были довольно сбивчивы, а мысли несколько туманны»[40]. В первоначальных набросках воспоминаний Крыжановский писал, что основные идеи «были высказаны отрывочно и в значительной части в виде ответов на вопросы»[41].

Один из сослуживцев мемуариста по МВД В. И. Гурко подчеркивал, что в «министерстве внутренних дел привыкли составлять записки и всеподданнейшие доклады на основании общих, не отличающихся определенностью указаний высшего начальства, привыкли расшифровывать эти указания или, вернее, применять их общий дух к тем конкретным вопросам, которые в данное время были злободневными, выдвигались жизнью и волновали общественность»[42].

Тем не менее секретное поручение, данное Крыжановскому, было особо ответственным и его не мог выполнить любой чиновник МВД. Он должен был не просто собрать и обработать материал по какому-либо конкретному вопросу, а по сути дела подготовить обширную программу государственных преобразований и притом в форме доклада императору. «Поручение было трудное, но интересное,— писал Крыжановский. Я был молод и наивен, а потому принялся за дело с особым увлечением.

Весь вечер пробродил я по набережной Невы, размышляя, с какого конца приступить к делу, чувствуя себя едва ли не новым Сперанским»[43].

Через две недели — столь короткий срок дал Крыжановскому Святополк-Мирский для подготовки документа — доклад был готов. Как признает автор воспоминаний, доклад не содержал «ничего оригинального, а были лишь сведены в систему те указанные князем Мирским положения, которые последнее время, так сказать, висели в воздухе». По своей инициативе Крыжановский лишь внес пункт о необходимости скорейшей замены общественного землевладения частной собственностью на землю[44].

Важнейшее из проектировавшихся нововведений касалось включения в состав Государственного совета «на равных основаниях с членами по высочайшему назначению, представителей от губернских земских собраний и городских дум более крупных городов», что, так или иначе, означало введение представительства в России[45].

А. Д. Арбузов, занимавший в то время пост вице-директора департамента общих дел МВД и принимавший участие в работе над несколькими преобразовательными проектами, называл доклад Мирского «одним из важнейших произведений нашей реформаторской литературы последних годов», и считал, что, «если бы тогда меры, в нем проектируемые, увидели свет, то многое пошло бы иным ходом, чем случилось в действительности»[46].

К докладу Крыжановский приложил проект манифеста, «возвещавшего намечаемые меры и устанавливающего порядок разработки соответствующих законоположений». Интересно отметить, что Святополк-Мирский не читал доклад: составитель зачитывал весь текст министру, как при первоначальном, так и при последующем рассмотрении[47].

После внесения незначительных изменений в первую редакцию доклада он в двадцатых числах ноября 1904 г. был представлен Николаю II. В дальнейшем «доклад Мирского» был рассмотрен на специальном совещании под председательством императора, на котором предложение о привлечении выборных в Государственный совет было подвергнуто

резкой критике, а реализация содержащихся в нем мер передана из МВД в Комитет министров, возглавляемый С. Ю. Витте. Часть предложений из «доклада Мирского» содержалась в указе от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»,— запоздалой попытке правительства предотвратить надвигающуюся революцию.

Вне всякого сомнения Крыжановский был сильно разочарован таким поворотом дела. Проделанная им масштабная работа не получила высочайшего одобрения, и реализация намеченных реформ оказалась поручена не МВД, а Комитету министров. В этих условиях он принимает предложение А. А. Хвостова, только что назначенного товарищем министра юстиции, возглавить I департамент этого ведомства.

Служба в министерстве юстиции, продолжалась недолго: с 7 февраля по 11 марта 1905 г. Она сразу разочаровала Крыжановского: «После привольной жизни в министерстве внутренних дел с его широкими интересами, ведомство юстиции, от которого я успел уже за десять лет отвыкнуть, с его мелочной формальной казуистикой, показалось мне убийственно скучным»,— писал он.

Крыжановский ярко рисует портрет министра юстиции С. С. Манухина, «прекрасного человека, превосходного юриста и очень приятного начальника», который однако «обладал крайне мелочным и нерешительным характером, страшно боялся провиниться пред другими более сильными ведомствами, и этим доводил своих подчиненных нередко до отчаяния». Мемуарист приводит пример, когда в первые дни руководства департаментом из МВД пришел запрос по малозначительному вопросу, на который был подготовлен отрицательный ответ. Несмотря на очевидность дела, С. С. Манухин колебался, оставил бумаги у себя, затем созвал у себя совещание, пригласив руководителей министерства, на котором правильность ответа не вызвала сомнений. Вернувшись домой, Крыжановский был вызван на квартиру к министру, где в расширенном составе было созвано новое совещание по тому же поводу, подтвердившее обоснованность ранее принятых решений. Тем не менее бумага

была подписана только после беседы Манухина с министром внутренних дел, заявившего, что не имеет никаких претензий. «Такие случаи повторялись очень часто»,— писал мемуарист; также отмечая, что «другим скучным занятием было составление для министра всеподданнейшего доклада», когда приходилось отбирать несколько дел о помиловании, которые Манухин представлял императору. Министр требовал, чтобы эти дела были «не слишком сложными или длинными», при этом в них обязательно должно было быть нечто, способное «вызвать улыбку своим содержанием или какими-либо забавными созвучиями». Он постоянно колебался, какое дело пустить вперед, и «ужасно радовался, когда попадались смешные фамилии обвиненных или потерпевших»[48].

Крыжановскому, еще недавно готовившему важнейшие документы о проведении реформ, не нравилось «копаться во всей этой трухе». Он чувствовал себя сидящим «в глубоком погребе», за стенами которого «гремит и сверкает жизнь», и через пять недель вернулся в МВД на свое прежнее место, которое «по счастью оставалось незамещенным и, заслужив тем в глазах солидных людей репутацию человека вздорного и легкомысленного»[49].

Заметим, что Крыжановский, 12 марта 1905 г. пересевший из кресла директора I департамента министерства юстиции на ранее занимаемую должность помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, не был столь легкомысленным, как представляет себя в мемуарах. Дело в том, что 18 февраля 1905 г. Николай II издал рескрипт, возлагавший на нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина организацию Особого совещания для обсуждения «путей осуществления» выраженной императором воли «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей, к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предложений»[50], которое стали называть «булыгинским». Иначе говоря, речь шла о разработке проекта создания законосовещательного представительства, и Крыжановский, уже имевший опыт подготовки «доклада Мирского», понимал, что «это было предложение исторической работы»

и, как он писал в первоначальных набросках воспоминаний, надеялся «пристроиться к ней»[51].

Расчеты мемуариста оказались верными. Вскоре его вызвал Булыгин и сообщил о назначении членом совещания, ответственным за делопроизводство. Министр также добавил, что Крыжановский включен в его состав по совету Витте, хорошо знакомого с «докладом Мирского»: реализацией содержащихся в нем предложений он в то время занимался.

Свидетельства Крыжановского, одного из немногочисленных участников булыгинского совещания представляют большую историческую ценность. «Начались длинные и нудные разговоры,— пишет мемуарист. Булыгин к возложенному на него поручению относился с видимой неохотой, как бы не допуская мысли, что из всего этого может нечто выйти, и не знал с чего начать». Через некоторое время Крыжановский получил поручение министра составить Положение об учреждении Государственной думы[52]. «Стараясь связаться с традицией и, по возможности, избегать упрека в копировании с западных образцов, я взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный в свое время М. М. Сперанским, с его довольно сложной регламентацией и подразделениями»,— отмечает автор воспоминаний. После того как Крыжановский выполнил возложенное на него поручение, и обсуждения проекта, им было подготовлено и Положение о выборах в Думу. Оба документа затем были представлены Николаю II, который, в свою очередь, поручил рассматривать их специальному совещанию под руководством председателя Государственного совета графа Д. М. Сольского.

С едким сарказмом описывает Крыжановский заседания совещания графа Сольского, члены которого «понимали, что дело идет к фактическому ограничению самодержавия, но делали вид, что этого не замечают»: Булыгин «поглаживая, по обычаю своему, желудок, молчал и никаких разъяснений по возникавшим суждениям не делал», а суждения членов совещания, малознакомых с существом дела, «носили совершенно случайный характер», они «спорили об отдельных статьях, о мелочах,

принимали поправки, совершенно не согласованные с предшествующими решениями»[53].

Справедливости ради следует сказать, что, действительно, такие вопросы, как организация и функционирование представительных учреждений, парламентский опыт других стран были абсолютно неведомы высшим сановникам, заседавшим в совещании. Одним из последствий этого явилось решение, дающее двойное представительство крестьянам, которые получали право избирать членов Думы сразу по двум разрядам. Попытки Крыжановского указать на опасность такого положения, что подтвердилось при выборах I и II Государственной дум, остались без внимания[54].

Пытаясь понять, почему совещание, которое рассматривало важнейшие вопросы государственного устройства России, «оставило впечатление полной растерянности» и не «проявило ни внимания, ни прозорливости, ни сознания всей важности предпринятого дела», а его члены «плыли, как бы по течению и только», Крыжановский указывает, что «в этом случае, как и во всех других, ярко сказалась основная язва нашего старого бюрократического строя,— засилье на вершинах власти старцев»[55].

«На повороте государственной жизни судьба важнейшего дела,— свидетельствует Крыжановский,— находилась в руках расслабленного старика Сольского, также как впоследствии <...> когда погибала Россия, судьба ее аппарата находилась в руках других, печальной памяти, бессильных старцев — Горемыкина, Штюрмера, князя Голицына»[56].

6 августа 1905 г. Николай II утвердил «Учреждение Государственной думы» и Положение о выборах в нее. Создаваемая согласно этим документам «булыгинская дума», как она сразу стала именоваться в обществе, не удовлетворила ни левых, ни правых. Первых не устраивали законосовещательные, а не законодательные права Думы, а вторые «относились явно враждебно к новорожденному учреждению, усматривая в нем, не без оснований, переходную ступень к конституционному, а затем

и парламентскому строю»,— вспоминал Крыжановский и с сожалением добавлял — «и все ругали»[57].

Автор воспоминаний отмечает, что в то время мало кто понимал, что, собственно, должна представлять из себя Дума, чем заниматься и кто должен входить в ее состав. «Красноречивые статьи Меньшикова (ведущего публициста газеты «Новое время».— *А. Л.*),— писал мемуарист,— увлекали многих, а он хотел видеть в будущей Государственной думе какой-то ареопаг мудрецов, в котором непременно заседали бы Лев Толстой, Короленко и т. п.».

К этому времени информация о том, кто основной автор вышеупомянутых государственных актов, стала достаточно хорошо известна вне стен МВД. 21 апреля 1905 г. хозяйка петербургского консервативного салона А. В. Богданович записала в своем дневнике: «У Булыгина persona grata Крыжановский». 22 мая она фиксирует принесенные слухи: «Вчера Штюрмер, а затем Зиновьев сказали, что вчера Булыгин поднес „конституцию" царю, которая была выработана Крыжановским по поручению Булыгина», и, наконец, 26 мая: «Булыгин поспешил внести в Совет министров конституцию, написанную поляком-анархистом Крыжановским, все меры которой блещут отсутствием ума»[58]. В последней записи отразилось недовольство столичных консервативных кругов подготовкой каких бы то ни было изменений в государственном устройстве, которая, не лишне заметить, велась по поручению Николая II. Оно распространялось не только на причастных к «конституционной» работе высших сановников, но и на разработчиков проектов данных документов. Есть все основания предполагать, что представление о Крыжановском как «демократе» и «анархисте» начало складываться в консервативно-придворных сферах именно в это время, что, в конечном счете, сказалось на его карьере.

После 6 августа 1905 г. Крыжановский возглавил подготовку к выборам в Думу, для чего в МВД было создано Особое делопроизводство. С некоторыми оговорками, можно назвать Крыжановского первым председателем Центральной избирательной комиссии, в подчинении, которого,

в отличие от сегодняшнего дня, находилось всего несколько человек. Организация первых в истории России выборов в парламент потребовала колоссальных усилий. «В этом ограниченном составе мы,— писал Крыжановский,— принуждены были вести всю огромную работу по распоряжениям о составлении списков избирателей и по даче разъяснений на запросы, сыпавшиеся с мест градом. Булыгин ни во что не входил ограничивался подписанием подносимых ему бумаг и распоряжением о полном невмешательстве губернских и уездных властей в ход выборов»[59]. Следует отметить, что, из-за отсутствия всякого опыта и уверенности в лояльности крестьянства, власть, действительно, не вела никакой агитации за угодных ей кандидатов в депутаты и практически не использовала «административный ресурс». «Все было предоставлено собственному течению и поле оставалось открытым для деятельности враждебных правительству партий, ибо партии консервативные тогда еще не организовались»,— констатировал автор воспоминаний[60].

Начальник канцелярии министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов вспоминал, что сторонники конституционного образа правления из числа высшего чиновничества и аристократии «не имели ни малейшего понятия о порядке выборов в представительные учреждения и создании работоспособного большинства. Все заявляли, что это деталь и об этом позаботился уже Сергей Ефимович (Крыжановский)», который, по словам Мосолова «пользовался в сферах репутацией тонкого юриста»[61].

Подъем революционных событий осенью 1905 г. заставил Николая II пойти на дальнейшие уступки обществу: 17 октября находящийся в Петергофе император, лишенный по причине всеобщей забастовки в столице даже возможности пользоваться железной дорогой, подписал манифест, гарантирующий обеспечение гражданских прав, преобразовывающий Государственную думу из законосовещательного учреждения в законодательное, а также предоставляющий избирательные права тем разрядам населения, которые по закону 6 августа 1905 г. были их лише-

ны. Реализация этих мер была возможна на реорганизованный Совет министров во главе с С. Ю. Витте.

Как вспоминает Крыжановский, 17 октября 1905 г. около одиннадцати часов вечера он был вызван на дом к Витте, «шагающему из угла в угол с озабоченным видом», и получил от него поручение срочно начать пересмотр правил о выборах в Думу «в смысле возможно большего приближения последней к народным массам». Мемуарист оказался свидетелем, как Витте и присутствующий в его кабинете князь А. Д. Оболенский, который, напомним, в свое время рекомендовал Крыжановского князю Святополк-Мирскому для составления доклада царю с проектом реформ, обсуждали, какую систему выборов следует использовать. Из этого разговора Крыжановский быстро понял, что собеседники имеют более чем приблизительное представление о том, каким образом могут проходить выборы в парламент: «Вышел я от графа в довольно удрученном настроении. В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить и никакого определенного плана действий»,— писал он[62].

В этот же вечер Крыжановский впервые почувствовал непрочность существующей власти, ее историческую обреченность: «На обратном пути (из особняка графа Витте на Каменноостровском проспекте в центр города.— *А. Л.*), проезжая Марсово Поле, я встретил первых манифестантов. Толпа каких-то людей несла флаги и что-то кричала о белом царе... И какие-то неясные предчувствия, какая-то тоска захватывали сердце, что-то словно треснуло в нашей жизни и поползло лавиной, надвигалась какая-то неясная чужая сила и невольно приходило на ум: „Прости Святая Русь...“»[63].

Подготовленные Крыжановским за несколько дней изменения в избирательный закон в начале ноября 1905 г. обсуждались Витте на совещаниях с представителями либеральной оппозиции. Их участником был и мемуарист, не скрывавший в своих воспоминаниях отрицательного отношения ни к «безответственной» общественности, ни к предложениям либералов о прямых и всеобщих выборах.

Приглашенный в июле 1917 г. на допрос в Чрезвычайную следственную комиссию, Крыжановский, касаясь вопроса о представительстве крестьян в Думе, заявил: «...Я человек грешный, держался того мнения, что люди неграмотные, не имеющие умственного развития, будучи в Думе в лучшем случае будут бесполезны»[64].

Вместе с тем, в обстановке политической нестабильности, Крыжановский вел себя очень осторожно и не стремился афишировать свое мнение. Посетившему его по совету Витте видному земскому деятелю Д. Н. Шипову он сказал, что «сочувствует» составленному общественными деятелями проекту закона о выборах в Государственную думу, но в тоже время не уверен ни в искренности Витте, взявшего сторону либералов, ни в прочности положения самого Витте, который «имеет многочисленных противников среди влиятельных лиц, многие им недовольны, особенно за Манифест 17 октября». Крыжановский объяснил Шипову, что он не хотел бы «в случае падения графа Витте составлять еще третий проект закона о выборах в Думу»[65].

В связи с этим небезынтересно отметить, что в условиях существовавшей политической нестабильности некоторые представители высшего чиновничества переходили в лагерь оппозиции. Крыжановский приводит интересный эпизод, когда друг его юности Ф. Ф. Ольденбург, духовный лидер уже упоминавшегося «ольденбурговского кружка» убеждал старого друга, что тот делает глупость «оставаясь у знамени правительства, когда все умные люди перешли уже в оппозицию». «Посмотри,— говорил Ольденбург Крыжановскому,— на Кутлера, вот действительно умный и прозорливый человек. Он тотчас перешел на сторону общественности и жалеть не будет, так как обеспечил себе политическую карьеру. А ты со своим упрямством пропадаешь»[66]. Однако Крыжановский не внял этому совету.

После обсуждения проекта изменений в избирательном законе в Совете министров, этот вопрос был поставлен на повестку дня совещания под председательством Николая II. Предварительно, в начале декабря, Витте поехал к императору с докладом, взяв с собой в Царское Село

Крыжановского, на случай, если потребуются пояснения. Зайдя первым в кабинет императора, Витте через несколько минут пригласил Крыжановского, который затем подробно ввел Николая II в суть проектирующихся изменений[67].

Крыжановский считал эту поездку в Царское Село роковой для своей карьеры. В это время отношения между Николаем II и возглавлявшим Совет министров Витте обострились, да и сама тема встречи — обсуждение устройства Государственной думы, ограничивающей права монарха, была мало приятна для императора. Мемуарист указывает, что «по-видимому, государь вынес впечатление, что я являюсь доверенным человеком графа,— чего в действительности не было, и перенес на меня часть своего нерасположения к последнему. Этим я объясняю себе <...> то личное неблаговоление или недоверие ко мне, которое потом неизменно проявлял государь, как в разных мелких случаях, так и всякий раз, когда заходила речь о предоставлении мне более широкого круга деятельности»[68].

Весьма колоритно Крыжановский описывает состоявшиеся через несколько дней в Царском Селе совещание под председательством Николая II, в котором, кроме высших сановников, участвовали представители либеральной оппозиции. Он показывает, что те и другие наивно верили в политическую консервативность крестьянства и видели в нем опору престола, и, по мнению Крыжановского, не понимали, что «за десятину земли крестьянин продаст царя и бога»[69].

После издания 11 декабря 1905 г. изменений в избирательный закон, предоставивший право рабочим быть избранными в Думу, а также увеличивающий число лиц, имеющих право голосовать по городской курии, Крыжановский подготовил проект реформирования Государственного совета, который из высшего законосовещательного органа Российской империи преобразовывался в верхнюю палату создаваемого парламента (государственная дума при этом становилась нижней палатой.— *А. Л.*).

2 апреля 1906 г. Крыжановский был назначен товарищем министра внутренних дел, курирующим департамент общих дел, главное врачеб-

ное управление, ветеринарную, статистическую и техническую части, департамент духовных дел, в его обязанности также входило взаимодействие МВД с создаваемыми Государственной думой и Государственным советом и производство выборов в эти учреждения. Своим назначением он был обязан П. Н. Дурново, который оценил способности Крыжановского и сделал его одним из своих заместителей.

Через две недели, 16 апреля 1906 г., уже упоминавшаяся А. В. Богданович записывает в своем дневнике: «Из разговора Лауница про Дурново (министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте.— *А. Л.*) сделала заключение, что у него не все творится, как бы следовало, что его взял в руки Крыжановский, его товарищ, верноподданный Витте, который действует только согласно приказаниям Витте», а 5 мая она фиксирует настроения консервативного лагеря: «Насчет выборов единогласно все того мнения, что Дурново сделал большую ошибку, утвердив проект выборов, разработанный Крыжановским, который писал и всю нашу теперешнюю конституцию»[70].

Постепенно в придворно-чиновничьих кругах утвердилось мнение о том, что Крыжановский — один из виновников ненавистных для правых изменений в государственном устройстве, ограничивающих самодержавие императора.

27 мая 1906 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца прошла церемония торжественного открытия Государственной думы. Присутствующий на ней Крыжановский отметил, что на фоне блеска придворных мундиров высшего чиновничества «толпа депутатов, кто в пиджаках и косоворотках, кто в поддевках, нестриженные и даже немытые, немногие в сюртуках, один-два во фраках — являлась резким и вызывающим контрастом <...> Косые хмурые взгляды ответили на речь государя, полную доверия к призванным от России людям». После завершения церемонии,— продолжает он, все «разошлись в тягостном молчании. Сразу стало видно, что между старой и новой Россией перебросить мост едва ли удастся»[71].

Автор проекта избирательного закона 6 августа 1905 г. и последующих дополнений к нему имел возможность видеть, к чему привели сделанные в нем, в процессе многочисленных совещаний, изменения, предоставлявшие крестьянам преимущества при выборах в Думу. «Казалось,— писал Крыжановский о первых впечатлениях от визитов в Таврический дворец,— что русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы <...> интеллигенция в Думе была сравнительно малочисленна и явно пасовала перед кипучей энергией черной массы». Упования на политическую консервативность крестьянства привела, по его мнению, к тому, что большинство депутатов в Думе «лишено было самого элементарного образования и воспитания, а многие не умели ни читать, ни писать и способны были действовать лишь в путях инстинкта»[72].

Крыжановский в своих мемуарах свидетельствовал, что депутаты-крестьяне проводили уличные демонстрации, пьянствовали по трактирам, устраивали скандалы и по прибытии полиции ссылались на свою неприкосновенность, а также использовали свое пребывание в Петербурге для увеличения своего благосостояния[73]. Интересно отметить, что когда первоначальные наброски воспоминаний Крыжановского попали в Чрезвычайную следственную комиссию, он полностью подтвердил свое негативное отношение к крестьянским депутатам I Думы, а на вопрос, откуда ему стали известны факты о поступлении депутатов в дворники, швейцары, продаже ими входных билетов в Таврический дворец и т. п., ответил, что об этом ему говорил Столыпин[74].

Правительство не смогло наладить взаимодействие с I Думой и распустило ее в июле 1906 г., объявив новые выборы, организацией которых занимался Крыжановский. Первые недели работы с вновь избранной II Думой убедили правительство в необходимости подготовки нового избирательного закона. П. А. Столыпин, к тому времени являвшийся председателем Совета министров и министром внутренних дел, в марте 1907 г. поручил Крыжановскому составить «набросок такого изменения закона, которое, не нарушая общей схемы выборов, обеспечивало бы

прохождение в Думу более состоятельных, а, следовательно, более культурных слоев». Записку по этому поводу в мае 1906 г. Крыжановский уже готовил по поручению И. Л. Горемыкина — тогдашнего главы Совета министров [75].

Крыжановский быстро представил три варианта изменений. Один из них, который и был впоследствии принят, опирался на уже имеющийся избирательный закон, суть которого заключалась «в перераспределении количества выборщиков между отдельными разрядами избирателей, дававшем перевес более крупному владению, и в перераспределении членов Думы между губерниями и областями, дававшем численное преимущество местностям более культурным». Кроме того, он предусматривал «ряд несколько искусственных мер, в виде права министра внутренних дел разделять избирательные съезды на отделения по местностям или по разрядам цензов, что открывало для правительства возможность комбинаций, обеспечивающих от проникновения в Думу в слишком большом количестве, нежелательных ему элементов» [76].

Эта схема была названа «бесстыжей», столь большие преимущества она давала имущим классам. По свидетельству Крыжановского, Николай II, ознакомившийся с ней, сказал Столыпину: «Я тоже за бесстыжую» [77].

Когда подготовка изменений в избирательный закон подходила к концу, император потребовал срочно форсировать работу и прислал Столыпину записку, где говорилось: «пора треснуть». Дело в том, что, объявляя о роспуске II Думы, правительство планировало опубликовать новый избирательный закон. Два дня и две ночи Крыжановский и еще два чиновника и два переписчика, «на молчаливость которых можно было вполне положиться», завершали подготовку документа, производили необходимые расчеты, и «совершенно распухшие от напряжения и бессонницы», представили окончательный вариант, который немедленно был обсужден в Совете министров, этим же вечером утвержден императором [78].

Новый избирательный закон, получивший название «закона 3 июня», был издан в нарушение положений Манифеста 17 октября и Основных законов Российской империи, которые требовали, чтобы любой закон принимался не иначе как после одобрения Государственной думой и Государственным советом. Однако, почувствовав, что революционное движение заметно ослабло, Николай II пренебрег этим. День 3 июня 1907 г. считается формальной датой окончания Первой русской революции.

Хотя инициатором издания этого государственного акта был не Крыжановский, но на него, как на составителя закона, обрушился шквал критики, прежде всего, со стороны левых партий. Пытаясь оправдать себя, он в своих воспоминаниях обосновывал своевременность и правильность принятия нового избирательного закона.

По мнению Крыжановского, революция была вызвана тем, что «огонь социальной зависти, таившийся в недрах России, в ее полуобразованных слоях, прорвался тут наружу, угрожая испепелить самое здание государственности», и единственным выходом для власти было «прикрыть отдушину, закупорить ее в надежде, что огонь притухнет и даст время к подсечению его корней и к укреплению правительственного аппарата»[79].

Надо отметить, что до 1905 г. в России вообще не было политических партий, и власть, соответственно, не имела опыта взаимодействия с ними. В арсенале средств, используемых для борьбы с общественным мнением, правительство имело только жесткую цензуру и субсидирование немногочисленных органов печати. В условиях сосуществования с Государственной думой правительство только постепенно набирало опыт как в проведении выборов с заданным результатом, так и формах, методах взаимодействия с депутатским корпусом.

Следует подчеркнуть, что заслуга Крыжановского перед правительством заключалась даже не в том, что он подготовил новый избирательный закон, менявший социальный состав Думы, а в том, что с помощью многочисленных инструкций, разъяснений и других подзаконных актов

он создал систему, позволяющую властям без формального нарушения закона во многом предопределять персональный состав будущей Думы, а, значит и распределение мест по партийным фракциям в желательных для правительства пропорциях.

Не случайно лидер кадетской партии П. Н. Милюков называл Крыжановского «магом и волшебником конституционного права»[80], сумевшим в интересах правящих кругов «изготовить очень хитро составленные акты бесправия»[81]. Другой видный деятель конституционно-демократической партии И. В. Гессен писал о нем как о «бюрократе выдающегося ума и широкого образования», который «сплел искусственную сеть разъяснений и инструкций, значительно ограничивших круг избирателей»[82].

Как товарищ министра внутренних дел, курирующий выборы в Думу, Крыжановский контролировал негласную выдачу средств политическим партиям и отдельным лицам, деятельность которых поддерживалось правительством. Ежегодно на эти цели расходовалось до 3 млн руб.[83] Деньги правым организациям выдавались как через губернаторов или А. И. Дубровина и В. М. Пуришкевича — руководителей черносотенного «Союза русского народа», так и непосредственно конкретным лицам. Большая часть средств направлялась на поддержку правой печати: «Правительство,— писал Крыжановский,— содержало более тридцати газет в разных местностях России, расходуя на это крупные суммы, но, должен признаться без успеха», поскольку в правых партиях «менее образованных, если не считать немногочисленных талантливых лиц, вообще не было людей, умевших держать перо в руках»[84].

Как лицо, ведающее особым секретным денежным фондом, предназначенным для поддержки правых организаций, Крыжановский находился в сложном положении: он принимал лиц, которым Столыпин в общих чертах уже обещал помощь, и должен был «входить в рассмотрение каждого отдельного случая по существу, расценивать обстоятельства и людей, торговаться с ними, нередко отказывать в выдаче денег», что вызывало жалобы на него, иногда доходящие до Николая II. Так лидер

«Союза русского народа» Дубровин, недовольный тем, что часть денег, обещанных его газете «Русское знамя», стала направляться другим правым организациям, через ближайших лиц царского окружения жаловался на Крыжановского, изображая его «чуть ли не революционером и понося всячески в своей газете»[85].

Крыжановский, в свою очередь, весьма низко оценивал деятельность крайне правых организаций, которые, как он писал, использовали те же демагогические пропагандистские приемы, что и революционеры, с той разницей, что первые обещали массам «насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»[86].

Часть средств из особого секретного фонда использовалась для подкупа во время выборов. Московский губернатор В. Ф. Джунковский вспоминал, как перед выборами в III Думу, которые проходили уже по «закону 3 июня», его вызвал Крыжановский и предложил для проведения нужных кандидатов выдать «любую сумму, лишь бы только достигнуть результатов», а затем «он при мне открыл железный шкаф, вделанный тут же в стене его кабинета, и я увидел обе полки туго набитые пачками кредитных билетов»[87].

Большое место в деятельности Крыжановского на посту товарища министра внутренних дел занимала работа в Совете по делам местного хозяйства, заместителем председателя которого он был. Через этот орган, созданный еще в 1904 г., но фактически начавший функционировать в 1908 г., проводились законопроекты о преобразовании местного самоуправления, предполагавшиеся к обсуждению в Государственной думе. Участвующие в заседаниях Совета, которые «проходили,— как вспоминал мемуарист,— в обстановке товарищеского общения», представители земских и городских управ имели возможность решать свои вопросы, для помощи им было создано специальное справочное бюро,

при МВД начал издаваться журнал «Вестник земского и городского хозяйства»[88].

После смерти Столыпина и ухода Крыжановского из МВД деятельность Совета стала ослабевать, на заседаниях, по свидетельству одного из его членов, в уже «не чувствовалось того подъема настроения, того оживленного обмена мнениями, которыми отличались прежние сессии»[89].

В ряду важнейших реформ, которые следовало бы провести в России, Крыжановский считал преобразование местного управления, функционировавшего к началу XX в. «на патриархальных основаниях, совершенно не соответствовавших изменившимся условиям государства», когда «аппарата управления на местах не существовало, а были только чиновники разных ведомств, ничем между собою неспаянные или исполнительные органы разного рода самоуправлений, зависимые более от избирателей, чем от правительства»[90]. Сложность проведения такой реформы, так и не осуществленной, заключалось в том, что при ее реализации дворянство неизбежно утратило бы свое лидирующее положение на местах, которое оно занимало. Характерно, что Крыжановский, выходец из разночинной интеллигенции, без сожаления писал о превращении дворянства «из элемента, поддерживающего престол», в положение «государственно призреваемого» и «тунеядца», но все еще играющего главную роль в местном управлении и «оттесняющего другие классы населения, поднявшиеся на степень реальной силы»[91].

Более пяти лет, с мая 1906 г. по сентябрь 1911 г., Крыжановский служил под руководством П. А. Столыпина, бывшего в эти годы председателем Совета министров и министром внутренних дел, и посвятил ему в своих воспоминаниях отдельную главу.

Оценка деятельности Столыпина, данная в этих мемуарах, несколько расходится с той, которая содержится в некоторых современных исследованиях, принадлежащих иногда непрофессиональным историкам, а также в публицистических работах, идеализирующих образ Столыпина[92].

Среди свидетельств современников Столыпина, заслуживших доверия, приоритет, безусловно, принадлежит Крыжановскому. Отдавая должное заслугам Столыпина, который «примирил общество, если не все, то значительную часть его с режимом», «вдохнул жизнь в завещанную прошлым программу устроения России», «укрепил нравственные устои престола и дал мощный толчок развитию национального сознания» и в лице которого «сошел в могилу последний крупный борец за русское великодержавие»[93], Крыжановский, на протяжении 5 лет являясь его заместителем, не мог не видеть и слабых сторон своего шефа. Среди них он отмечает непоследовательность Столыпина при проведении важнейших реформ, когда он «отступил при первом же сопротивлении, угрожавшем его положению у престола, от первоначально усвоенной программы», в то же время, вследствие «слабости, которую он питал к аплодисментам», занимался «выигрышными вопросами, не имевшими действительного государственного значения»[94].

Крыжановский ставит в вину своему бывшему руководителю «боязнь пойти вразрез с настроениями Думы», что, в частности, выразилось в отказе от проведения реформ переустройства полиции, которую Столыпин «нашел на своем письменном столе в день вступления в управление министерством внутренних дел», в результате чего численность полиции в России была в 5 раз меньше, чем во Франции, в 7 раз — чем в Англии, и «при первом порыве революционной бури столица оказалась во власти безоружных почти толп запасных солдат и черни, и в наступившем параличе власти рушился весь государственный строй»[95].

Интересно отметить, что многие современники считали, что Крыжановский во многом направляет деятельность министра внутренних дел, руководит его действиями. Так, С. Ю. Витте называл его «головой Столыпина, и головой хитрой»[96], В. Ф. Джунковский — «правой рукой Столыпина», человеком «отлично знавшим все слабые стороны характера Столыпина» и «на голову выше его по уму»[97], «звездой Столыпина» — управляющий канцелярией министерства земледелия И. И. Тхоржевский[98].

5 сентября 1911 г. вследствие полученного ранения, нанесенного террористом Д. Богровым в зале Киевского оперного театра, Столыпин скончался. Назначенный председателем Совета министров министр финансов В. Н. Коковцов предложил поставить во главе МВД Крыжановского, но получил отказ Николая II, который заявил: «Я не имею основания доверять этому лицу и не могу назначить его министром внутренних дел, потому что мало его знаю, без этого условия мне трудно решиться на такое назначение»[99].

Как указывалось выше, Крыжановский считал причиной своей немилости при дворе свое сотрудничество с Витте, хотя некоторые современники видели в этом следствие нелюбви Николая II и императрицы Александры Федоровны к Столыпину, которая была перенесена «по наследству» и на его ближайшего помощника[100].

Автор воспоминаний, находящийся во время покушения на Столыпина за границей, был вызван в Петербург и короткое время руководил МВД, пока министром не был назначен государственный секретарь А. А. Макаров, в 1906—1909 гг. служивший одним из товарищей министра внутренних дел. Работать с Макаровым мемуарист отказывался. В результате усилий Коковцова, считавшего Крыжановского «человеком очень ловким, способным и могущем при известных условиях принести большую пользу», последний 15 октября 1911 г. был утвержден государственным секретарем вместо Макарова[101].

Должность государственного секретаря, который руководил текущей работой Государственного совета, преобразованного в 1906 г. из высшего законосовещательного органа в верхнюю палату парламента, считалась в государственном аппарате Российской империи весьма престижной. Многие чиновники могли только мечтать о ней, как вершине своей карьеры. Но не Крыжановский, хотевший большего.

В главах, посвященных Николаю II и императрице Александре Федоровне, Крыжановский, в числе других, касается вопроса о причинах своего неназначения в 1915 г. и в 1916 г. на пост министра внутренних дел.

В сентябре 1915 г. председатель Совета министров И. Л. Горемыкин пригласил Крыжановского к себе и сообщил, что будет просить Николая II назначить его министром внутренних дел. Горемыкин отмел сомнения Крыжановского, ссылавшегося на «недоверительное отношение государя», и не только получил согласие государственного секретаря, но и брался представить императору перечень мер, которые считает необходимым предпринять кандидат в министры. Назначение не состоялось [102]. Александра Федоровна, узнавшая от Горемыкина о его намерениях, телеграфировала мужу в Ставку 29 августа: «Горемыкин хотел предложить Крыжановского, но я ответила, что ты никогда не согласишься», а 17 октября она добавляет: Гр. (Григорий Распутин) «страшно перепугался», узнав о идее поручить руководство МВД Крыжановскому, и напоминает Николаю II: «он очень дурной человек, он тебе всегда сильно не нравился. Я это сказала старику (И. Л. Горемыкину.— *А. Л.*). Сохрани бог, чтобы он не вздумал советовать взять его опять!». В ответ была получена телеграмма императора: «Это правда, что старик называл Крыжановского, но я отверг его» [103]. В конечном счете министром внутренних дел стал рекомендованный Распутиным А. Н. Хвостов.

В ноябре 1916 г. кандидатура Крыжановского как возможного главы МВД и председателя Совета министров вновь рассматривалась в придворных кругах, но обязательным условием была предварительная встреча с Распутиным, от которой он предпочел уклониться. Несколько позже близкий к царской семье митрополит Питирим беседовал с Крыжановским об условиях, при которых он мог бы стать не только министром внутренних дел, но и главой правительства. В числе этих условий Крыжановский называл удаление из столицы Распутина, вывод из Петербурга запасных частей гарнизона, усиление полиции и т. д. Под предлогом изучения вопроса о создании ведомства по делам благотворительности его вызывала Александра Федоровна и долго беседовала с ним [104]. Никаких последствий эта встреча не имела, и Крыжановский встретил Февральскую революцию в прежней должности.

Справедливости ради, надо сказать, что Крыжановский не мог жаловаться на недооценку своей службы, которая регулярно отмечалась орденами, медалями и высочайшими благодарностями. В апреле 1907 г. он получил чин тайного советника и одновременно был назначен сенатором (с оставлением в должности товарища министра внутренних дел), в январе 1916 г. ему было пожаловано звание статс-секретаря его величества, а с января 1917 г. Крыжановский стал членом Государственного совета, оставаясь государственным секретарем. Правда, как он свидетельствовал Чрезвычайной следственной комиссии, этот пост должен был сохраниться за ним только до мая 1917 г.[105].

1 марта 1917 г. Крыжановский был арестован, во время нескольких обысков у него были изъяты многочисленные документы, квартира подверглась разгрому. После допроса он был отпущен, а 10 июля того же года предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, которая должна была решить судьбу бывших царских сановников. Допрос продолжался почти весь день. Присутствующий на нем А. А. Блок, состоявший редактором материалов комиссии, делал следующие краткие заметки о Крыжановском. «Самолюбивый и нерусский (из Западного края) <...> говорит, складно, умно, ровно, на жизнь смотрит эволюционно. Злится, когда его прерывают (самодовольный, высокого мнения о своем уме, себе вообще)», о внешности: «лысина, виски редкие, но только чуть седеющие <...> умные серые глаза <...> уши красные». «В Крыжановском,— пишет Блок,— есть твердая жила, сухая логика», «немного презирает Витте», «не с особенной симпатией относился к Столыпину»,— отмечает он по ходу допроса[106].

Как писал И. В. Гессен, состоящий в комиссии, «Крыжановский оказался единственным сановником, имевшим мужество не отрекаться от того строя, которому он служил»[107]. Подтвердив, что он является автором всех проектов учреждения Государственной думы, Крыжановский характеризовал свою роль только как «техника»: «чин, осуществляющий известную мысль, есть техник, а не ответственный автор этой

мысли»,— подчеркивал он[108]. В то же время он показал, что считает правильным сокращение количества крестьян и рабочих в Думе, произведенное в рамках закона 3 июня 1907 г., так как «подготовка широких народных масс к уразумению широких государственных задач — дело столетий»[109]. Отвечая на вопрос о финансировании правых партий, Крыжановский назвал себя «обер-кассиром», который лишь выполнял указания Столыпина[110], а также сообщил комиссии, что «вообще никогда никаких партий не признавал» и характеризовал черносотенцев как «сумасшедших»[111]. Когда его спросили о том, имел ли он отношение к деятельности Департамента полиции, Крыжановский ответил, что «за всю 15-летнюю службу я от этих сфер отделялся каменной стеной»[112].

Касаясь отношений со Столыпиным, Крыжановский заявил: «Я не особенно симпатично относился к Столыпину, два раза, будучи товарищем министра подавал в отставку, хотел с ним развязаться, держался в отношениях личных далеко, хотя и пользовался его доверием», характеризовал своего бывшего начальника как человека «несколько наивного, невзирая на все данные», «доверчивого», остающегося под впечатлением «последнего говорившего»[113].

После октября 1917 г. Крыжановский, живший в Петрограде, подвергался обыскам, в начале 1918 г. он переехал в Финляндию, в июле того же года перебрался в Киев, где входил в «Совет государственного объединения России», получил личное приглашение гетмана П. П. Скоропадского участвовать в его правительстве, но ответил отказом. В том же году направил А. И. Деникину записку, в которой указывал на необходимость солидаризироваться со всеми антибольшевистскими силами, включая партию эсеров. В 1919 г. перед занятием Киева большевиками выехал в Одессу, а оттуда — в Константинополь.

В 1920 г. палубным пассажиром на корабле, заполненном французскими солдатами, Крыжановский с женой перебрался в Марсель, а оттуда в Париж, где перебивался случайными заработками, в частности, в 1921—1925 гг. редактировал исторический сборник «Русская летопись», давал юридические консультации. Был одним из учредителей

и председателем правления «Союза ревнителей памяти Николая II»[114]. Его жена зарабатывала преподаванием языков. В 1929 г. семья открыла русский чайный салон, в котором 70-летний Крыжановский работал управляющим, а «фактически поваром и посудомоем». В 1931 г. салон разорился[115].

Крыжановский был женат на Марии Ипполитовне Щербатской, дочери действительного статского советника И. Ф. Щербатского. Детей не имел. Скончался 12 января 1935 г. в Париже.

Текст публикуется в соответствии с современными правилами русского языка, явные опечатки исправлены без оговорок. Вставленные составителем слоги или пропущенные слова заключены в квадратные скобки.

Примечания

[1] Милюков П. Н. Рец. на кн.: С. Е. Крыжановский: воспоминания // Русские записки. 1938. № 8/9. С. 199—200.

[2] Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 115—130; № 3. С. 121—139; № 4 С. 107—126.

[3] Крыжановский Е. М. Соб. соч. Киев, 1890. Т. 1. С. XIV.

[4] Там же. С. XLVIII.

[5] Крыжановский Е. М. Соб. соч. Киев, 1890. Т. 1—3.

[6] Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем: автобиографическое и эпистолярное наследие И. М. Гревса (1860—1941). СПб., 2004. С. 177.

[7] Кузьмина И. В., Лубков А. В. Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008. С. 28.

[8] Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М., 1982. С. 9.

[9] Кузьмина И. В., Лубков А. В. Князь Шаховской: путь русского либерала... С. 29.

[10] Левандовский А. А. Из истории кризиса русской... С. 10.

[11] Там же. С. 11.

[12] Шаховской Д. И. Избранные статьи и письма. 1881—1895. М., 2002. С. 25—28.

[13] Каганович Б. С. С. Ф. Ольденбург: опыт биографии. СПб., 2006. С. 15.

[14] Шаховской Д. И. Письма о братстве // Звенья: исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 191.

[15] Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем... С. 183.

[16] Шаховской Д. И. Письма о братстве... С. 288.
[17] Там же.
[18] Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем... С. 183.
[19] Водовозов В. В. Историческая библиография // Былое. 1906. № 7. С. 307.
[20] Там же. С. 309.
[21] Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 147.
[22] Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской, 1901—1908. М.: Наука, 2003. С. 206.
[23] Сорокина М. Ю. Вернадский глазами царской охранки // Природа. 2003. № 11. С. 5.
[24] Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем... С. 183.
[25] Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, 1938. С. 189—190.
[26] Там же. С. 192.
[27] Там же. С. 202.
[28] Там же. С. 203.
[29] Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 36.
[30] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 194.
[31] Там же. С. 198—199.
[32] Там же. С. 201.
[33] Там же. С. 205.
[34] Падение царского режима: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 386.
[35] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 7.
[36] Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 133.
[37] Там же. № 2. С. 118.
[38] Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем... С. 183.
[39] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 17—18.
[40] Там же. С. 18.
[41] Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 119.
[42] Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 361.
[43] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 19.
[44] Там же.
[45] Там же. С. 20—22.
[46] Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 465.
[47] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 22—24.
[48] Там же. С. 28—31.
[49] Там же. С. 31.

[50] Высочайший рескрипт, данный на имя министра внутренних дел // Правительственный вестник. 19 февраля 1905 г.
[51] Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 121.
[52] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 33—34.
[53] Там же. С. 41.
[54] Там же. С. 44—46.
[55] Там же. С. 47.
[56] Там же.
[57] Там же. С. 49.
[58] Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 342, 350.
[59] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 52.
[60] Там же. С. 53.
[61] Мосолов А. А. При дворе последнего императора: записки начальника канцелярии министерства двора. СПб., 1992. С. 54.
[62] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 53—56.
[63] Там же. С. 56.
[64] Падение царского режима... Т. 5. С. 392.
[65] Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 370.
[66] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 63.
[67] Там же. С. 65—66.
[68] Там же. С. 65.
[69] Там же. С. 70.
[70] Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 383, 388.
[71] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 81.
[72] Там же. С. 83.
[73] Там же. С. 80—86.
[74] Падение царского режима... Т. 5. С. 400.
[75] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 107—108.
[76] Там же. С. 108—109.
[77] Там же. С. 111.
[78] Там же. С. 111—112.
[79] Там же. С. 116—117.
[80] Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 352.
[81] Там же. С. 304.
[82] Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т. 22. С. 141.
[83] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 104.
[84] Там же. С. 101—102.
[85] Там же. С. 156—157.
[86] Там же. С. 153.

[87] Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1998. Т. I. С. 243.

[88] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 105—106.

[89] Джунковский В. Ф. Воспоминания... С. 633.

[90] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 98—99.

[91] Там же. С. 138.

[92] См., напр.: Федоров Б. Г. Петр Аркадьевич Столыпин. М., 2002. 696 с.

[93] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 220—221.

[94] Там же. С. 218—219.

[95] Там же. С. 216—217.

[96] Витте С. Ю. Воспоминания... Т. 3. С. 569.

[97] Джунковский В. Ф. Воспоминания... С. 242.

[98] Тхоржевский И. И. Последний Петербург: воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 91.

[99] Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания. М., 1992. Т. I. С. 412.

[100] Тхоржевский И. И. Последний Петербург ... С. 91.

[101] Коковцов В. Н. Из моего прошлого... С. 426.

[102] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 159—160.

[103] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 283, 360, 372.

[104] Крыжановский С. Е. Воспоминания... С. 172—188.

[105] Падение царского режима... Т. 5. С. 377.

Отметим, что государственному секретарю полагалось жалование 16 тыс. руб. в год, а члену Государственного совета — 18 тыс. руб.

[106] Блок А. А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 374—376.

[107] Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет... Т. 22. С. 141.

[108] Падение царского режима... Т. 5. С. 385.

[109] Там же. С. 390.

[110] Там же. С. 411.

[111] Там же. С. 435.

[112] Там же. С. 416.

[113] Там же. С. 421.

[114] Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений 1802—1917: библиографический справочник. СПб., 2002. С. 379.

[115] О характере государственного строя в России (из записок С. Е. Крыжановского 1926 г.) / публ. К. И. Могилевский, К. А. Соловьев // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 5.

ВОСПОМИНАНИЯ

БИОГРАФИЯ

Сергей Ефимович Крыжановский, сын небезызвестного западнорусского деятеля и писателя Е. М. Крыжановского, родился в Киеве 29 августа 1862 года и провел детство и молодость частью в Подольской губернии, частью в Седлеце, и в Варшаве, где служил его отец, частью в Холмщине[1], где семья его владела небольшим имением. По окончании курса юридических наук в Петербургском университете, поступил на службу по судебному ведомству, где занимал должности судебного следователя в округе Новгородского суда и товарища прокурора при судах Великолуцком, Рижском и Петербургском[2]. В 1896 г. перешел на службу в министерство внутренних дел на должность начальника отделения Хозяйственного департамента, ведавшего земскими и городскими делами; затем был чиновником особых поручений и вице-директором, а в 1904 г., после преобразования департамента в Главное управление по делам местного хозяйства, занял в нем должность помощника начальника. В 1905 г. состоял короткое время директором I-го департамента Министерства юстиции, а в 1906 г., в бытность министром внутренних дел П. Н. Дурново, был назначен товарищем министра внутренних дел, каковую должность занимал и при П. А. Столыпине. После смерти последнего, был назначен государственным секретарем, а в 1917 г., с оставлением в занимаемой должности,— членом Государственного совета. С 1907 г. состоял в звании сенатора, а 1-го января 1916 г. был пожалован званием статс-секретаря его императорского величества.

За время службы в министерстве внутренних дел занимался главным образом делами местного хозяйственного управления — земского и городского — а впоследствии — вопросами народного представительства

и связанными с ними; в качестве товарища министра ведал, помимо сего, делами общего управления, медицинской, ветеринарной, статистической и технически-строительной частями, равно как духовными делами иностранных исповеданий.

Специальностью его являлись дела законодательного свойства. Его перу принадлежат: Положение об устройстве вечных чиншевиков[3] в городах и местечках Западного края (1896 г.), часть которого получила законодательное утверждение лишь в 1915 г. под именем закона «о праве застройки», 2) проекты Положений о введении земских учреждений в Западных и Восточных губерниях империи (1897), не получившие осуществления вследствие принципиальной оппозиции С. Ю. Витте, в то время министра финансов, 3) известная записка И. Л. Горемыкина по вопросу о совместимости городского и земского самоуправления с самодержавным строем империи[4], являвшаяся ответом на записку С. Ю. Витте (составленную проф. Демидовского юридического лицея М.), в которой доказывалась невозможность совмещения этих двух начал, 4) Положение об общественном управлении гор[ода] Петербурга, утвержденное в законодательном порядке в 1903 году, 5) Положение о Главном управлении и о Совете по делам местного хозяйства и Положение об управлении Главного врачебного инспектора и о Медицинском совете, утвержденные в 1904 г.[5], 6) всеподданнейший доклад мин[истра] вн[утренних] дел кн[язя] Святополк-Мирского о намечавшихся им изменениях в государственном строе империи (1904, отвергнутый по настояниям С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева, 7) Положение о Государственной думе и выборах в Думу, высочайше утвержденные 26 августа 1905 г., 8) Проекты изменения правил о выборах в Думу, высочайше утвержденные в декабре 1905 г., 9) Положение о преобразовании Государственного совета, 10) Положение о старообрядческих и сектантских общинах, изданное в порядке статьи 87 Основ законов и впоследствии утвержденное в законодательном порядке, 11) Закон 7-го июня 1907 г. о выборах в Государственную думу, 12) Проект положения о введении в империи областного управления (1908 г.), не получивший

движения, 13) Положение о выделении Холмского края из административных пределов Польши, утвержденное в законодательном порядке в 1912 г., и разные другие меньшего значения.

В бытность государственным секретарем, состоял председателем высочайше учрежденной комиссии по вопросу о выделении некоторых местностей из состава Финляндии, разрешенном комиссией в отрицательном смысле (1912—1913 г.), председательствовал, заменяя И. Л. Горемыкина, в высочайше образованном в 1915 г. совещании русских и польских членов законодательных палат об устройстве управления Царством Польским по окончании войны, выработавшем проект, не получивший осуществления за изменением политических обстоятельств, и, наконец, был председателем высочайше образованной комиссии по пересмотру перечня дел, восходящих на высочайшее благовоззрение, заключения которой были высочайше утверждены и обращены к исполнению в 1916 г. Состоял также председателем отдела Верховного Совета по призрению пострадавших в войне с Германией и членом Совещаний по обороне.

После революции проживал в Финляндии, а затем в июле 1918 г., проехал в Киев, откуда перед занятием его большевиками — в Одессу, затем,— в порядке эвакуации — в Константинополь, и наконец в 1920 г. переехал в Париж. Оставшись без всяких средств к существованию, зарабатывал свой хлеб разной канцелярской работой, редактировал в Париже исторический сборник «Русская Летопись» (1921—1925), посвященный литературной защите старой, дореволюционной России и ее деятелей; составил в Париже довольно обширные записки о событиях, которым был свидетелем за время своей службы, и был одним из учредителей и председателем правления «Союза ревнителей памяти императора Николая II».

Стойкий националист и по убеждениям, и по семейным традициям, верный слуга престола, в котором он видел единственно возможную в современной ему России форму правления, С[ергей] Е[фимович] был всегда сторонником умеренных течений политической мысли и врагом всяких привилегий, не оправдываемых пользой государства. Он был ли-

берал и демократ в том смысле, что никогда в своих отношениях не делал разницы между людьми по их происхождению или положению; консерватор и аристократ — в том, что не признавал возможным ставить судьбу государства в зависимость от голосования толпы, а полагал, что для участия в управлении необходимы наличность умственного и делового ценза и приверженность исторической традиции. Его не любили крайние правые и терпеть не могли левые.

С[ергей] Е[фимович] не имел никаких связей, ни наследственных, ни благоприобретенных, и всем служебным движением был обязан самому себе. Всю жизнь он чуждался того, что называется «светом» и «обществом», сторонился от кругов и лиц, которые имели или которым приписывали закулисное влияние на судьбу людей и их служебную карьеру. Он не посещал ни одного из петербургских политических салонов, не был ни у графини Игнатьевой, ни у графини Клейнмихель, ни у генерала Богдановича, ни у других, им подобных. Никогда не видел ни князя В. Мещерского, ни Григория Распутина, ни даже А. А. Вырубовой. Никогда не водил знакомства и не поддерживал отношений с представителями печати. Никогда не переступил порога ни одного клуба.

Пользуясь нерасположением придворных кругов, которые почему-то считали его революционером, яркой враждебностью евреев, либеральной печати, князя Мещерского, доктора Дубровина и кадетской партии, С[ергей] Е[фимович] имел много врагов и очень мало друзей. Но ни то, ни другое его не смущало. По врожденной веселости характера, а отчасти и по свойственному ему легкомыслию, он не видел в том беды. Любил он только свою жену и Россию и немногих близких, но всегда был верным другом и добрым товарищем. Из благ жизни он ценил только книги и охоту, а шуму городов всегда предпочитал деревенский простор, лесную глушь и общество простых людей.

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор настоящих заметок служил императорской России, верным сыном которой был и ныне остается; благоговейную память о ней он унесет с собой в могилу.

В порядке государственной службы он не поднимался выше положений второстепенных, но по ряду занятий близко знал всех заметных деятелей последнего царствования, во многих событиях принимал участие и многое видел. И если впечатления его, человека перегруженного служебной работой, могли быть во многом односторонни и случайны, то старый строй не имел от него тайн и в этом ценность его воспоминаний.

В 1912 году, под свежим впечатлением недавнего прошлого, он описал то, чему был свидетелем в годы перелома русской государственной жизни в 1904—1907 гг. Позднее он обработал эти записи на основе обширного, недоступного другим документального материала и изменил во многом некоторые из первоначально высказанных суждений. К прискорбию, и труд этот, и документы, на коих он был основан, погибли, когда в ночь на 2-ое марта 1917 года ему пришлось сжечь свой архив из опасения, чтобы он не попал в руки революционеров. Случайно, по недосмотру исполнителей, остался не уничтоженным в числе немногих других бумаг отдельно хранившийся, первоначальный набросок заметок, который и был захвачен при обыске агентами Временного правительства. Набросок этот попал в Чрезвычайную следственную комиссию [6], откуда автору удалось извлечь его после захвата власти большевиками; он остался в России и был впоследствии уничтожен.

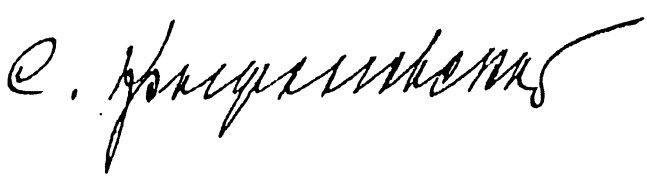
Находясь в беженстве во Франции, автор попытался воспроизвести свои записи по памяти, придав им более широкие рамки повести о прожи-

том; в чем мог, автор пополнил их общими соображениями и выводами, какие вытекали для него из опыта жизни. За отсутствием погибших, в большинстве не восстановимых документов, заметки эти в фактической их части приближаются к редакции первоначального наброска с некоторыми последующими изменениями в характеристике лиц и событий.

Особые условия беженского существования в непрерывных заботах о куске хлеба, почти не оставлявших досуга, отразились невольно бессвязностью повествования и отсутствием надлежащей отделки записанного. Сознавая эти недостатки, автор не может ставить их себе в упрек.

За что автор любит императорскую Россию?

За что мы любим близких своих? За то, что они совершенны? Конечно нет. Если разобрать, то в каждом найдутся и недостатки, и смешные стороны, и даже пороки. Тем не менее мы их любим, потому что они наши, они свои, они дороги нам, и жить с другими мы не хотим. Но в привязанности автора к старому есть и другое, есть убеждение, что этот строй, по существу своему, независимо от лиц, был единственный обеспечивавший России силу и благоденствие и в настоящем и в ближайшем будущем. Он был Россия, а с его падением, ее не стало.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

В 1904 году я состоял в должности помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства и в начале осени ездил в Крым разбирать распри, возникшие между городским управлением и Комиссией, восстанавливавшей линию обороны Севастополя в войну 1854—1855 гг. Вернувшись в Петербург в конце сентября, я застал большие перемены. Министром внутренних дел был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский, уже объявивший к тому времени «эру доверия», а два товарища министра — Н. А. Зиновьев и А. С. Стишинский — были назначены, к их крайнему огорчению, в Государственный совет. Нового министра внутренних дел я совершенно не знал.

Кажется, 4-го ноября я был неожиданно вызван к князю Мирскому, который сообщил, что ему указали на меня, как на лицо, могущее оказать содействие к составлению всеподданнейшего доклада, в котором он предполагает изложить, в развитие преподанных ему высочайших предначертаний, программу преобразования внутреннего строя империи. Кто именно указал, он не пояснил, но по некоторым словам я догадался, что это был князь А. Д. Оболенский, б[ывший] товарищем министра внутренних дел при И. Л. Горемыкине и некоторое время при Д. С. Сипягине.

Князь Мирский долго и много говорил о трудном положении, в котором очутилась государственная власть, исчерпавшая все доступные ей способы борьбы с нарастающим революционным движением, и о необходимости пойти навстречу пожеланиям умеренной части оппозиции и сделать уступки, которые совместимы с сохранением существующего государственного строя и способны были бы оторвать либеральные эле-

менты общества от революционных. На первом плане он ставил меры к укреплению законности как отвечавшие с внешней стороны требованиям об установлении правового строя, и соответственное с сим изменение в учреждении правительствующего Сената. Он настойчиво указывал на неизвестную мне в то время брошюру Глинки-Янчевского о Сенате[7] как на выражение тех пожеланий, которые могли бы быть приняты правительством. Затем он говорил о необходимости облегчить тяжесть особых положений об охране[8] и дать голосу населения выражения в законодательной деятельности. Как на пути к тому он указывал на дальнейшее развитие начал, положенных в основание незадолго до того проведенного при Плеве в законодательном порядке Положения о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства (П[олное] Соб[рание] Зак[онов] 22 марта 1904 г.). Проект этого закона был составлен мною, что, вероятно, и послужило ближайшим поводом для привлечения к новой работе.

Наконец, князь Мирский упомянул об облегчении религиозных ограничений и о пересмотре крестьянского законодательства и Положений о земских и городских учреждениях, в смысле привлечения к участию в их деятельности более широких слоев населения.

Общий смысл его указаний сводился к желанию выразить во всеподданнейшем докладе приемлемый для правительства максимум пожеланий, высказывавшихся в обществе, в смысле освобождения личности от государственной опеки и расширения участия населения в делах управления. Вместе с тем, он хотел, чтобы в докладе было проявлено самое осторожное отношение к существующему порядку вещей и была заранее отражена возможность нападок, основанных на несоответствии намечаемых мер началам нашего государственного строя. Он неоднократно упоминал о необходимости избегать всего, что могло бы подать повод к неправильному истолкованию его намерений, и избегать слов, которых не любит государь. К числу последних он относил и ходячий термин «интеллигенция», который, по его словам, государь не любил еще по преемству от императора Александра III и который поэтому следовало

заменять каким-либо другим выражением. Приказано было также не касаться без крайности сословного строя и, в особенности, дворянства и земских начальников[9]. Князь Мирский решительно отмежевывался от всякой мысли о мерах к усилению аппарата власти, которые, казалось, должны были бы идти параллельно с расширением общественных свобод и снятием стеснений с самодеятельности общества. Он усиленно это подчеркивал и полагал в основание программы «доверие».

В таком именно виде смысл сказанного им сохранился в моей памяти. Вообще же слова князя были довольно сбивчивы, а мысли несколько туманны. Я не вынес даже убеждения в том, что он действительно имел какие-либо определенные указания от его величества.

В конце концов было решено, что я попытаюсь облечь в форму всеподданнейшего доклада все эти предположения, и тогда князь Мирский примет на основе его свое окончательное решение.

Срок для составления доклада дан был двухнедельный, причем в части, касающейся Особых положений об охране и административной ссылки, приказано было переговорить и согласиться с директором департамента полиции А. А. Лопухиным, а в части, касающейся печати, с — Главным управлением по делам оной.

Поручение было трудное, но интересное. Я был молод и наивен, а потому принялся за дело с особым увлечением. Весь вечер пробродил я по набережной Невы, размышляя, с какого конца приступить к делу, чувствуя себя едва ли не новым Сперанским.

К назначенному сроку доклад был изготовлен. В нем не было, конечно, ничего оригинального, а были лишь сведены в систему те указанные князем Мирским предположения, которые последнее время, так сказать, висели в воздухе. Единственной отличительной особенностью было, впервые в актах подобного рода, с решительностью высказанное убеждение в опасности дальнейшего сохранения общинного владения как источника смуты умов и в необходимости скорейшей замены его началом полной частной собственности на землю. Припомнить точно подробности после стольких лет и такой массы составленных и до, и после всевозможных

законопроектов и записок, в значительной мере близких по предмету, я не могу, но сущность более или менее точно сохранилась в памяти.

Всеподданнейший доклад — очень обширный — начинался очерком изменений в общественном и экономическом строе России, последовавших в результате преобразований императора Александра II, и нарождения новых классов с их психологической потребностью принять участие в управлении, неизбежно на этой ступени развития возникающей; далее следовало изложение причин, по которым государственная власть принуждена была относиться с особой осторожностью к нараставшим запросам; препятствий, которые в этом деле создавало революционное движение с его террористическими проявлениями и, наконец, соображений о своевременности пересмотра всех возникавших в связи с этим вопросов ради обеспечения внутреннего мира в стране. Засим следовала мотивировка предлагаемых мер. К числу их были отнесены: а) укрепление начал законности в управлении, в каковых целях предполагалось дать бóльшую самостоятельность правительствующему Сенату и его контрольному наблюдению, вернув это установление к заветам, положенным в его основание Петром Великим, дав Сенату особого председателя, право рекомендации кандидатов на должность сенаторов, право самостоятельных ревизий и подчинив его ведению кодификационную часть; б) укрепление в сознании сельского населения начала частной собственности на землю путем постепенного упразднения общинного владения и утверждения за крестьянами общинных земель на частном праве, а также сближение правового положения крестьян с таковым же положением прочих обывателей; в) расширение пределов веротерпимости и свободы совести, прежде всего в отношении старообрядцев, и снятие всякого рода религиозных и национальных ограничений, поскольку это не противно будет интересам русской державности; г) облегчение положения печати путем пересмотра законов о ней в смысле подчинения нарушений, совершаемых путем печати, ведению общих судов, с отменой административных карт; д) ограничение объема применения исключительных положений и административной высылки, и, наконец, е) пересмотр Положений о

земских и городских учреждениях — в видах привлечения к делам местного устройства более широких кругов населения и предоставления этим учреждениям большей хозяйственной самостоятельности.

В заключение намечены были предположения о порядке привлечения представителей населения к участию в законодательной деятельности. В этих видах предположено было ввести в состав Государственного совета, на равных основаниях с членами, по высочайшему назначению, выборных представителей от губернских земских собраний и городских дум более крупных городов. Имелось в виду, что предполагавшееся распространение земских общественных учреждений на всю империю и расширение слоев населения, в них представленных, будут иметь следствием и постепенное расширение участия населения в законодательной деятельности как в географическом отношении, так и в смысле углубления социального базиса [10].

К всеподданнейшему докладу был приложен и проект высочайшего манифеста, возвещавшего намечаемые меры и устанавливающего порядок разработки соответствующих законоположений особой комиссией, с поставлением как этой комиссии, так и Государственному совету, усиленному членами по выборам, самых коротких сроков для рассмотрения проектов и представления их на высочайшее благовоззрение.

За все две недели, данные на выполнение работы, я князя Мирского не видел. А. А. Лопухин принес составленные им соображения, касавшиеся Положений об охране, и передавал подробности своего по этому поводу разговора с Мирским. Лопухин был настроен очень воинственно против «произвола» и, вспоминая о прошлом, поносил Плеве, при котором сделал свою полицейскую карьеру. «Всякий раз, как мне приходилось говорить с Плеве,— сказал он,— мне хотелось схватить со стола письменный прибор и размозжить ему голову». Чувство, выраженное в этой фразе, было мне понятно, так как я считаю Плеве одной из самых отталкивающих личностей, с которыми приходилось соприкасаться, но слова Лопухина меня удивили, так как они резко противоречили тем близким отношениям, которые существовали между ним и Плеве.

По изготовлении, проект всеподданнейшего доклада был прочитан мною князю Мирскому в присутствии приглашенного им для сего Лопухина, который успел уже, видимо, установить добрые отношения с новым министром. Заключительная часть доклада замечаний со стороны князя не вызвала, в исторической же части он признал нужным сделать некоторые изменения. В проекте было сказано, между прочим, что, начиная с 60-х годов, в известной части общества стали замечаться явно выраженные конституционные течения, которые, колеблясь и видоизменяясь, получали постепенно все большее развитие и заслоняли собою течения славянофильские. Сказано это было очень осторожно, но князь признал нужным совсем затушевать и сказать лишь глухо о стремлении общества принять участие в делах государственного управления или что-то в этом роде, теперь уже точно не припомню. Одним словом, он старался отгородиться от возможного впечатления, что он связывает свои предположения в каком-либо отношении с указанным течением.

Так как все дело приказано было сохранять в строжайшей тайне, и я мог полагаться только на вполне надежного переписчика, то переделка доклада и его переписка заняли еще дня три, после чего, следовательно около 20—22 ноября, доклад был мною вторично прочитан князю Мирскому, причем на этот раз кроме Лопухина присутствовал еще и Э. А. Ватаци, директор департамента общих дел, человек близкий Мирскому по прежней службе в Западном крае. Замечаний доклад не вызвал, и я тут же передал его Мирскому вместе с проектом Манифеста, также им одобренным, в двух редакциях, отличавшихся только заключительной, не имевшей значения фразой. На следующий день князь Мирский повез их государю.

Государь, видимо, не торопился рассмотрением доклада, так как, по словам князя, пять дней спустя сказал ему, что еще не все прочитал. Еще через два-три дня я узнал от Мирского, что государю угодно было для обсуждения его предположений созвать совещание в составе некоторых министров и графа Витте, как председателя Комитета министров [11]. В совещание это приглашены были еще, помнится, двое великих кня-

зей — Владимир и Сергей Александровичи — а также Э. В. Фриш, граф Д. М. Сольский и А. С. Танеев. Князь Мирский сказал при этом, что, по словам государя, он не собирался приглашать в совещание К. П. Победоносцева, чему Мирский очень радовался, так как со стороны Победоносцева ожидал принципиального несогласия на осуществление намеченных в докладе предположений. На вопрос, не следует ли отпечатать всеподданнейший доклад и разослать участникам совещания для предварительного ознакомления, без чего им будет трудно в нем разобраться ввиду обилия затрагиваемых вопросов, князь Мирский сказал, что это невозможно, так как совещание состоится, вероятно, на следующий же день, и что он доложит все на словах, а если будет нужно, то прочтет и самый доклад и во всяком случае — проект Манифеста.

Спустя еще дня два или три меня вызвал вечером князь Мирский. Он только что вернулся из совещания (было кажется два заседания) и находился в очень подавленном состоянии. Он сообщил, что дело провалилось и не остается ничего более, как приступить к «постройке новых тюрем» и вообще усилить репрессию. По словам Мирского, государь, изменив свои первоначальные предположения, вызвал в совещание К. П. Победоносцева, послав ему утром записку такого содержания: «Мы запутались, приезжайте, помогите разобраться». Главным, однако, оппонентом явился в совещании не Победоносцев, как того ожидал князь Мирский, а, к изумлению его, С. Ю. Витте, причем все острие своих возражений и нападок он сосредоточил на предположениях о включении выборных членов в состав Государственного совета, доказывая, что это мера очень опасная, чреватая неизбежными последствиями, и, являясь вступлением на путь к конституционному строю, грозила бы гибелью России. Витте говорил резко и с большою настойчивостью и, по впечатлениям Мирского, желал во что бы то ни было вырвать дело у него из рук и освоить себе, чего как известно и достиг, получив в этом же заседании высочайшее поручение рассмотреть в Комитете министров вопрос о намечаемых преобразованиях и взяв у Мирского и его всеподданнейший доклад и проект Манифеста. Вообще, из рассказа Мирского

было ясно, что Витте его просто затоптал и отшиб от дела. Мирский понимал, что его роль как министра внутренних дел кончена, что вскоре и оправдалось. Он передавал много подробностей о ходе заседания и о роли и отношении к делу отдельных участников, но, не имея под рукой своих заметок того времени, затрудняюсь их воспроизводить, чтобы не впасть в неточности. Впечатление от слышанного у меня осталось такое, что члены совещания, не будучи предварительно ознакомлены с предметом предстоящих суждений, были захвачены врасплох; суждения шли вразброд, вне ясных рамок, чем и воспользовался Витте для своих целей.

Я откланялся князю Мирскому и более его как министра внутренних дел не видел.

Впоследствии, в 1906 году, по вступлении своем в должность председателя Совета министров И. Л. Горемыкин потребовал от меня копию всеподданнейшего доклада князя Мирского и, видимо, имел о нем какие-то разговоры с государем, так как его величество передал эту именно копию доклада вместе с другими бумагами П. А. Столыпину, когда последний заменил И. Л. Горемыкина. В докладе некоторые места оказались высочайше подчеркнутыми и имели на себе высочайшие отметки; многие из намеченных в всеподданнейшем докладе предположений князя Мирского, как известно, осуществлены были тою же осенью Столыпиным путем издания, в порядке 87 статьи Основных Государственных законов соответствующих высочайших указов.

Копии доклада были, кроме того, еще ранее даны князю А. Д. Оболенскому и А. В. Кривошеину, которые просили их для своих коллекций. Копия имеется также в архиве Государственного совета, в деле, в котором мною, в бытность государственным секретарем, были объединены все материалы, относившиеся к ходу работ по составлению Положений о Государственной думе и Государственном совете в новом его составе.

В начале 1905 года А. А. Хвостов, состоявший тогда товарищем министра юстиции, мой бывший начальник по Хозяйственному департаменту, уговорил меня перейти на должность директора I-го департамента

министерства юстиции. Уступая его уговорам, я согласился и скоро раскаялся. После привольной жизни в министерстве внутренних дел с его широкими интересами, ведомство юстиции, от которого я успел уже за десять лет отвыкнуть, с его мелочной, формальной казуистикой, показалось мне убийственно скучным. Кроме того, в центральном управлении пришлось столкнуться с нравами и обычаями, ранее мне совершенно неизвестными. Министерство юстиции было сравнительно маленькое, а потому личные отношения занимали в нем гораздо больше места и имели особое значение, а с ними было связано и низкопоклонство перед начальством, проявлявшееся в крайне стеснительной форме. Было как-то дико видеть почтенных председателей судебных палат и таковых же прокуроров, людей, которых по условиям прежней своей судебной службы в глухой провинции я привык так высоко ставить, которые стремились, под тем или иным предлогом проникнуть к директору департамента, мальчику по сравнению с ними, и вели заискивающие, сладкие речи без всякой даже практической цели, ибо в I-м департаменте были сосредоточены дела юрисконсультские, законодательные и организационные, и на личное положение служащих в судебных учреждениях директор его никакого влияния иметь не мог. С другой стороны, и условия службы с С. С. Манухиным как министром юстиции были очень нудны. Сам он был прекрасный человек, превосходный юрист и очень приятный начальник, но обладал крайне мелочным и нерешительным характером, страшно боялся провиниться пред другими более сильными ведомствами, и этим доводил своих подчиненных нередко до отчаяния. Помню, как в один из первых же дней в департамент поступил от министерства внутренних дел, по департаменту полиции, запрос о передаче в военный суд какого-то дела. Дело было самое незначительное и в нем не имелось налицо признаков, требуемых законом для передачи военному суду. В этом смысле и был составлен ответ, представленный к подписанию министра. С. С. Манухин впал в колебание, долго обсуждал и, наконец, убедившись, что иного исхода нет, согласился с мнением департамента, но оставил бумагу у себя, чтобы еще подумать. Через час у него возни-

кли новые сомнения и он созвал на совещание товарища министра, обоих директоров и юрисконсульта. Судили, рядили и пришли к тому же выводу, но опять-таки Манухин бумаги не подписал. Вернулся я домой со службы часов в семь, а в десять был вызван к министру на дом, где оказалось созванным новое по тому же предмету совещание при участии сенаторов Н. С. Таганцева и А. М. Кузьминского, которые, ознакомившись с делом, пришли к тому же заключению, что и департамент. Все-таки и после этого С. С. Манухин бумаги не подписал, а решил взять ее с собою на следующий день в заседание Совета министров чтобы лично объяснить министру внутренних дел мотивы, по которым он не может выразить согласия на предположения его ведомства. Оказалось конечно, как и следовало ожидать, что министр внутренних дел о переписке этой и не слышал и никаких претензий по поводу проектируемого отзыва не имел, найдя его и с своей стороны совершенно правильным. Только тогда С. С. Манухин подписал, наконец, бумагу. Такие случаи повторялись очень часто.

Другим скучным занятием было составление для министра всеподданнейшего доклада. Так как дела министерства по свойству своему мало в чем могли привлекать внимание государя и единственно, чем министр мог надеяться заинтересовать его величество, были представления о помиловании осужденных (докладывались, конечно, лишь два-три, а остальные государь разрешал по доверию к министру), то С. С. Манухин старался выбирать для доклада такие дела, которые, не будучи слишком сложными или длинными, могли в то же время вызвать улыбку своим содержанием или какими-либо забавными созвучиями. И вот происходили долгие объяснения всякий раз, когда приходилось подбирать дела для всеподданнейшего доклада, причем соображения и колебания Сергея Сергеевича о том, какое дело пустить вперед, бывали бесконечны. Он ужасно радовался, когда попадались смешные фамилии обвиненных или потерпевших.

Копаться во всей этой трухе было ужасно скучно; мне казалось, что я сижу в глубоком погребе, а за стенами тем временем гремит и сверкает

жизнь. Я заскучал и через пять недель вернулся обратно в министерство внутренних дел на старое свое место, которое, по счастью, оставалось незамещенным, заслужив тем в глазах солидных людей репутацию человека вздорного и легкомысленного. Добрейший А. А. Хвостов с год после этого на меня дулся, но потом простил.

Оказалось, однако, что я поступил совсем нелегкомысленно и мое стремление вернуться в живое ведомство было правильно. Спустя, кажется неделю, я был вызван Булыгиным, сменившим князя Мирского в должности министра внутренних дел, и назначен в состав образованного им совещания, которое в исполнение высочайшего рескрипта, последовавшего на его, Булыгина, имя, должно было подготовить предположения о призвании выборных от населения лиц в делах законодательства [12]. Мне он поручил и делопроизводство этого совещания. Впоследствии, сойдясь ближе с Булыгиным, я узнал, что привлечен был к этому делу по совету С. Ю. Витте, который однако при этом предупредил Булыгина: «Смотрите за ним внимательно, чтобы не стал болтать журналистам»,— странное обвинение, ибо с кем-кем, а с журналистами я никогда не водился, да и вверяемые мне служебные тайны умел хранить тверже, чем кто-либо.

Явившись в день, назначенный для первого заседания, состоявшегося в приемной комнате пред кабинетом министра внутренних дел в доме на Фонтанке, я застал там: профессора С.-Петербургского университета по кафедре государственного права И. М. Ивановского, Ф. Д. Самарина, директора канцелярии министра финансов А. И. Путилова и помощника статс-секретаря государственной канцелярии А. Ф. Трепова. Таков был состав подготовительного совещания, имевшего содействовать Булыгину в исполнении высочайше возложенного на него поручения.

Начались длинные и нудные разговоры. Булыгин к возложенному на него поручению относился с видимой неохотой, как бы не допуская мысли, что из всего это может нечто выйти, и не знал, с чего начать. Два первых заседания он занимал нас рассказами о том, что происходило в Комитете министров, который в те дни обсуждал предположения о по-

рядке осуществления высочайшего указа 12 декабря 1904 г.[13]; по обычаю своему, Булыгин спокойно удивлялся и слегка иронизировал.

Ф. Д. Самарин первый открыл обсуждение дела, ради которого нас собрали, сказал длинное слово по существу вопроса. Его мнение сводилось к тому, что наилучшим способом осуществления высочайших предуказаний о привлечении выборных от населения к участию в делах законодательства было бы учреждение для сего губернских совещаний из представителей от сословий, в зависимости от свойства подлежащих рассмотрению правительственных предположений, отзывы каковых совещаний получали бы затем окончательную разработку в центре. Это было явное стремление похоронить несимпатичное ему начинание, законопатив самую идею в медвежьи углы. Не встретив сочувствия своему мнению, Ф. Д. Самарин на следующие заседания более не являлся.

К началу третьего заседания одним из участников был составлен перечень возникающих из поставленной задачи вопросов и положен перед Булыгиным. Открыв заседание и заметив перед собою листок, на котором перечень был изложен, Булыгин повертел его в руках, даже не спросив, откуда он взялся, и стал в дальнейшем придерживаться последовательности намеченных в перечне вопросов. Дело двинулось, и после нескольких еще заседаний Булыгин поручил мне свести результаты в форму Положения об учреждении Государственной думы.

Стараясь связаться с традицией и, по возможности, избегать упрека в копировании с западных образцов, я взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный в свое время М. М. Сперанским, с его довольно сложной регламентацией и подразделениями. Существенной особенностью этого плана, весьма подходившей для молодого представительного учреждения, являлось перенесение центра тяжести работы в образуемые в составе Думы отделы по главным отраслям дел государственного устроения и ограничение роли общих собраний с их неизбежной риторикой. Составленный на этих основаниях проект был подвергнут обсуждению в совещании, причем как Булыгин, так и мы, его сотрудники, исходили из убеждения, что проект является лишь

попыткой примерной иллюстрации одной из возможных форм участия выборных от населения в делах законодательства, могущей служить как бы канвой для суждений того высшего совещания, которое, как тогда предполагалось, имело выработать окончательный проект. Поэтому Булыгинское совещание мало посвятило внимания отделке проекта и последний был принят почти в том же виде, в каком был наскоро составлен. Единственное, что возбудило споры,— это право Государственной думы предъявлять правительству запросы по предметам управления, так как оно не вытекало из предуказаний высочайшего рескрипта и являлось его расширением и притом в направлении, чреватом последствиями. Булыгин очень на это предположение морщился (и был, следует признать, вполне прав), но мнение молодежи одержало верх, и право это было сохранено в проекте, но ограничено лишь запросами о незакономерности действий, не распространяясь на их целесообразность, т. е. стало конкурировать как бы с правами, принадлежащими Сенату; практика показала, что оно в руках Думы превратилось в способ агитации, а отнюдь не надзора за законностью, ибо ни в одном случае Дума не решилась дать запросу законного последствия в форме доведения своего мнения до высоты престола, а ограничивалась лишь демонстративными суждениями, рассчитанными единственно на возбуждение общественного мнения против правительства.

Покончив с устройством Думы, перешли к порядку выборов. Самое простое и целесообразное решение было бы опереться на существующие учреждения — уездные земства, выражавшие органическое представительство населения, и от них начать линию выборов в Думу. Избрание членов Думы через посредство уездных земств обеспечивало бы большую политическую зрелость избираемых, в состав которых при этом условии не проникали бы в значительном числе лица малокультурные, и в Думе создавалось бы представительство деловое, а не только партийное. К сожалению, Булыгин не решился стать на эту точку зрения, так как, с одной стороны, опасался, что Дума будет слишком связана с местными учреждениями и внесет в них политику, а с другой стороны, что не

получит достаточного участия в Думе крестьянство, которое в земских собраниях мало представлено и не привыкло иметь голос.

Так как, однако, при географических и бытовых условиях России система прямых выборов не могла бы привести к разумным результатам, то Булыгин склонился к мысли создать специальную систему выборов по ступеням, во всем схожую с земской, но с другим распределением долей участий в ней отдельных разрядов населения, и с тем, чтобы образованное по подобию уездного земского собрания уездное избирательное собрание избирало из своей среды выборщиков в собрание губернское, а последнее избирало бы положенное на губернию число членов Думы. Система эта грешила, конечно, большою сложностью, но зато обеспечивала избрание в выборщики от уездов лиц, близко известных местному населению, вероятно, тех же самых, которые состояли земскими гласными, а, следовательно, обладали бы достаточной степенью подготовки и понимания.

По руководству этими соображениями были составлены оба Положения и объяснительная к ним записка, в которой часть, касающаяся порядка рассмотрения и утверждения государственного бюджета, была изложена А. И. Путиловым на основании указаний министра финансов, остальное — мною [14].

В заключительной части записки были приведены вытекающие из дела общие вопросы, подлежавшие, по мысли составителей, разрешению предварительно приступа к рассмотрению самих проектов, которые, как я уже упоминал, почитались лишь как бы попыткой иллюстрации этих основных вопросов, не более. Иной постановки, конечно, и не могло быть ввиду крайне слабого авторитета образованного Булыгиным совещания, да и его самого, для решения, даже в порядке проекта, вопроса столь огромной государственной важности.

К проектам приложены были составленные в министерстве внутренних дел справки. Справки эти были составлены И. Я. Гурляндом, откуда и пошел, вероятно, слух о его участии в трудах булыгинского совещания и в дальнейших работах по Думе. В действительности же его участие,

помимо составления этих справок, выразилось лишь в командировке его министром внутренних дел на Верхнее Поволожье для передачи губернаторам некоторых указаний по выборам в Первую Думу и, кажется, в каких-то подобных же командировках по выборам в Четвертую Думу (я в этих выборах участия не принимал), касавшиеся истории Земских Соборов Московской Руси и прежних попыток привлечения в тех или иных формах деятельности. Приложены были также поступившие от разных лиц и учреждений наиболее разработанные проекты организации народного представительства, равно как краткая характеристика бесчисленных по этому предмету записок меньшего значения (числом более двухсот), которыми отозвалось общество на призыв правительства о сообщении всякого рода предположений, клонящихся к общей пользе[15].

Проекта распределения долей участия отдельных разрядов населения в уездных избирательных собраниях составляемо не было, так как предполагалось, что высшая инстанция даст по этому поводу руководящие указания, в соответствии с которыми и будет произведена разверстка.

Проекты и объяснительная записка были изготовлены к концу мая, отпечатаны и представлены Булыгиным его величеству. Долго о них не было слышно. Булыгин, по его словам, несколько раз напоминал государю и, кажется, в конце июня последовало высочайшее соизволение на рассмотрение их в Особом совещании под председательством графа Д. М. Сольского. Это был тот же в сущности Комитет министров, но лишь усиленный несколькими лицами*. Делопроизводство совещания было возложено на статс-секретаря Государственной канцелярии А. И. Кобеляцкого, которому сотрудничали А. И. Путилов и я.

Заседания происходили в Мариинском дворце, и с места же дело получило совершенно неожиданное направление. Вместо того, чтобы войти в обсуждение общих вопросов, формулированных с этой целью в заключительной части представления, и установить руководящие на-

* В первых двух заседаниях присутствовал и К. П. Победоносцев, он сидел молча, по большею частью облокотившись обеими руками на стол и закрыв ладонями лицо. Он имел вид мертвеца. «Господи, уже смердит»,— сказал про него кто-то из присутствовавших.

чала, совещание, увидев перед собою готовый проект, прямо перешло к постатейному его рассмотрению. Первым выступил С. Ю. Витте, который обрушился на предположение об устранении от участия в выборах евреев (как устранены они были от участия в земских и городских учреждениях), а затем, не встретив отпора, стал развивать мысль, столь много причинившую вреда в дальнейшем, что весь успех задуманного дела зависит от того, в какой мере примут участие в народном представительстве крестьяне как основная стихия русской государственности и в какой степени будут выражены в Думе их особливые интересы. Он настаивал в соответствии с сим, чтобы крестьянам было предоставлено самое широкое участие в выборах. Эта мысль стала затем господствующей в совещании. Сам же Витте скоро уехал в Америку и в дальнейшем обсуждении дела мало принимал участия, кроме, кажется, двух последних заседаний.

Суждения совещания приняли запутанное и непоследовательное направление, что в немалой мере объяснялось старческим расслаблением председателя, графа Сольского. Все понимали, что дело сводится к фактическому ограничению самодержавия, но делали вид, что этого не замечают. У представленного А. Г. Булыгиным проекта не оказалось к тому же хозяина. Булыгин, поглаживая, по обычаю своему, желудок, молчал и никаких разъяснений по возникавшим суждениям не делал; казалось, что он отправлял повинность, не допуская мысли, что из разговоров может что-либо выйти. Члены совещания в большинстве мало были знакомы и с проектом и с самим вопросом, а потому суждения носили совершенно случайный характер. Спорили об отдельных статьях, о мелочах, принимали поправки, совершенно не согласованные с предшествующими решениями и не соображавшиеся с постановлениями, о которых речь была впереди; дойдя до последних и приняв их без изменений, начинали изменять свои прежние поправки и делать новые. Когда дошли до конца, стали пересматривать снова, делая новые частичные изменения. Так было три раза, и когда последняя, принятая совещанием редакция, была разослана на замечания и собрались, чтобы ее окончательно при-

нять, то граф Сольский, открывая заседание, заявил, что пересмотрев результаты работы совещания и сличив с первоначальным проектом, представленным Булыгиным, он пришел к убеждению, что проект был лучше принятой совещанием редакции, а потому предложил еще раз пересмотреть работу и вернуться, где окажется нужным, к первоначальному тексту. Так и сделали. Началось новое рассмотрение, четвертое по счету, и в результате большинство статей первоначального текста Учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу были восстановлены с тою лишь разницей, что в части, касавшейся порядка выборов, совещание, в видах упрощения избирательной процедуры, выпустило уездное избирательное собрание, соответствовавшее уездному земскому собранию, и положило, что выборщики от отдельных уездных курий непосредственно входят в состав губернского избирательного собрания.

Это был удар в самое сердце булыгинской системы. Упраздняя уездное избирательное собрание, в котором выборщики от отдельных разрядов населения должны были сливаться в одно бытовое целое и могли бы послать в губернское избирательное собрание лиц, представляющих весь уезд в совокупности и всему населению знакомых, поправка приводила в губернское собрание выборщиков от отдельных разрядов уездного населения, которые неизбежно должны были группироваться там на основе классового признака, открывая этим (как оно и оказалось на деле) полный простор агитации, исходившей из действительной или предполагаемой розни классовых интересов. Вместо представительства национального получалось представительство отдельных, борющихся между собою интересов. Весь проект был испорчен, но Булыгин молчал, и совещание даже не остановилось на приведенных соображениях. После заседания зашел разговор, почему Булыгин не отстаивал своего проекта.

Он соглашался, что надо было отстаивать, но кончил тем, что сказал: «Да не все ли равно» — и так на этом и уперся *.

Еще хуже вышло с системой цензов и распределением выборщиков. В них был корень дела. От того, как будут распределены выборщики между отдельными разрядами избирателей, зависел состав Думы, а, следовательно, и характер ее деятельности. Не подлежит сомнению, что на заре народного представительства нельзя было образовывать Государственную думу на началах пропорциональности числа выборщиков, численности или состоятельности отдельных разрядов населения, а надо было принять во внимание и степень их государственной подготовленности и способности разбираться в подлежащих ведению Думы делах; нельзя было заполнять Государственную думу теми слоями населения, в которых даже простая грамотность не является общим правилом. Но все эти вопросы совершенно не остановили на себе внимание совещания. Дело близилось к концу, и все устали. Решили, что распределение выборщиков произведено будет в соответствии с оценочной стоимостью имуществ, представляемых каждым разрядом населения уезда, и только.

Чтобы поправить дело, Булыгиным было внесено наскоро составленное мною особое представление по этому вопросу. В нем были приведены данные, свидетельствовавшие, что при отсутствии ограничений, крестьяне получат в губернских избирательных собраниях, помимо преобладания, еще и двойное представительство, участвуя в выборах как в составе особых крестьянских съездов по признаку владения надельной землей, так и в составе съездов частных землевладельцев по владению купчей землей. Между тем, местами (например, в некоторых уездах Тверской губ.), даже в среде крупных землевладельцев, крестьяне уже составляли в то время большинство. Отсюда ясно (крестьяне.— *А. Л.*) пройдут в губернские избирательные собрания в большинстве настоль-

* Старые дворянские фамилии нередко очень верно определяли основные черты характера их но сителей. К числу их относился и Булыгин — подлинная «булыга», грузно лежавшая на месте, под которую и вода не текла; по существу же это был очень хороший и порядочный человек и далеко не глупый.

ко подавляющем, что получат в многих местах возможность провести в члены Государственной думы лиц исключительно из своей среды (что, как известно, и случилось), заполнят Думу, которая при этом условии станет совершенно неработоспособным органом — игрушкой в руках честолюбцев и агитаторов.

Записка отмечала всю опасность такого положения. Если бы, говорилось в ней, предстояло созвать нечто вроде Земского Собора для решения одного какого-либо, доступного пониманию масс, вопроса, или для выяснения общенародного настроения, то, пожалуй, можно было бы оправдать предоставление в нем столь значительного участия крестьянам. Но раз дело идет о создании постоянного законодательного учреждения, деятельность которого будет охватывать все стороны государственной жизни, то спрашивается, что будут делать в нем малограмотные, а то и совсем неграмотные члены-крестьяне, которые не только не в состоянии разобраться в делах законодательства, но даже и прочитать заголовки законодательных представлений. Нет сомнения, что большая доля крестьянства будет элементом не только лишним, но и крайне опасным, ибо станет легкой добычей социальных агитаторов и политических честолюбцев, которые не замедлят захватить их в руки на том единственном вопросе, какой их интересует и им понятен,— на вопросе о земле,— и решать они будут этот вопрос в порядке страсти, а отнюдь не разумного рассуждения.

Записка эта смутила графа Сольского, который, впрочем, едва ли не один с нею ознакомился. Он пробовал было дать решениям иной оборот, но никто его не поддержал; Булыгин и тут промолчал, и совещание осталось при ранее принятом формальном решении.

Должен сознаться, что, составляя в дальнейшем на указанных совещанием основаниях распределение выборщиков, правильность которого никто конечно не проверял, я приложил все старания, чтобы исчислить крестьянских выборщиков в возможно скромных цифрах и тем сократить влияние на выборы крестьянского элемента всюду, кроме Западных губерний, где он мог служить противовесом влиянию крупных польских

землевладельцев, но конечно это был лишь паллиатив, не имевший значительного влияния на результаты выборов.

Вообще рассмотрение совещанием этого дела оставило впечатление полной растерянности и крайне легкомысленного отношения большинства участников. Совещание не проявило ни внимания, ни прозорливости, ни сознания всей важности предпринятого дела. Плыли как бы по течению и только. И в этом случае, как и во всех других, ярко сказалась основная язва нашего старого бюрократического строя — засилие на вершинах власти старцев. На повороте государственной жизни судьба важнейшего дела находилась в руках расслабленного старика графа Сольского, также, как впоследствии, в трагические годы и дни, когда погибала Россия, судьба ее аппарата находилась в руках других, печальной памяти, бессильных старцев — Горемыкина, Штюрмера, князя Голицына. Усталые и телесно и душевно, люди эти жили далеким прошлым, неспособны были ни к творчеству ни к порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя; клейкой замазкой закупоривали они продушины государственной машины, свинцовой тяжестью висели на рычагах и колесах, вся и все мертвили, а между тем слова их почитались за откровение. По характеру своему, старцем был и Булыгин.

Одобренный совещанием графа Сольского, проект был затем подвергнут обсуждению в особом совещании из высших сановников под личным председательствованием государя. Делопроизводство этого высокого собрания было возложено на государственного секретаря, барона Ю. А. Икскуля, и я в нем участия не принимал, почему о происходившем там знаю лишь из рассказов. Совещание никаких почти изменений, кроме редакционных, в проект не внесло. О ходе суждений составлена была делопроизводством частная запись, никем из членов не просмотренная, которая была отпечатана в ограниченном количестве экземпляров государственной канцелярией, а после революции перепечатана с гнусными комментариями и пущена в продажу при Временном правительстве [16].

Не меньший хаос сказался в мнениях общества и печати после распубликования закона о Государственной думе [17]. Как водится, он не удо-

влетворил никого. Радикальная часть общества, а она у нас всегда была многочисленна, ибо радикальные решения наименее требуют знаний и опыта, ничем не могла удовлетвориться, что не приближалось к Учредительному собранию, и с реальностями считаться не хотела. Остальные сознательно и бессознательно ей подпевали. Красноречивые статьи Меньшикова увлекали многих, а он хотел видеть в будущей Государственной думе какой-то ареопаг мудрецов, в котором непременно заседали бы Лев Толстой, Короленко и т. п. Никто из них не хотел понять, что переход от одного строя к другому есть дело и технически и психологически очень сложное, особенно болезненное для носителя верховной власти, связанного и вековыми традициями и принесенной при коронации клятвой, и что единственный возможный в этом деле путь есть путь компромиссов и полумер и половинчатых буферных решений... С другой стороны, правые относились явно враждебно к новорожденному учреждению, усматривая в нем, не без оснований, переходную ступень к конституционному, а затем и парламентскому строю. И все ругали.

После издания 6-го [1905 г.] августа учреждения Государственной думы и Положения о выборах в Думу, начались работы того же совещания графа Сольского по установлению правил применения закона о выборах к окраинам империи. Соответствующие проекты были составлены мною при участии В. С. Налбандова, в то время чиновника Главного управления по делам местного хозяйства, впоследствии министра торговли в правительстве генерала Врангеля в Крыму, очень способного человека. Они имели формальный характер и проходили чисто механически. Некоторое оживление внесло только участие в обсуждении правил, относившихся к губерниям Царства Польского, приглашенного в качестве сведущего лица пана Добезкого, занимавшего должность гминного судьи в одном из уездов Царства. Наши старики были поражены тем, что такой культурный и богатый человек состоит в должности по волостному управлению, и все перед ним расшаркивались, сокрушаясь о русской отсталости. В заключение были рассмотрены правила, охраняющие свободу выборов. На этом все закончилось.

Поверхностное отношение правивших кругов к условиям создания нового законодательного строя, который, сколь ни прикрывался совещательным характером Думы, был решительным и почти бесповоротным шагом к насаждению конституционализма, проявилось в еще большей степени в отношении их к условиям его введения в действие. Не говоря уже о необходимости приспособления к новому порядку всего административного и полицейского строя — о чем никто и не разговаривал — оставался совершенно открытым, и, как это ни странно, не возбуждал даже сомнений вопрос о возможности сохранения прежних форм центрального управления, в котором кроме императора не было ни лица, ни учреждения, способного объединить отдельные министерства в одно правительство страны (Комитет министров был совершенно чужд этого значения, а Совет министров под личным председательствованием государя никогда почти не собирался и существовал лишь на бумаге). Между тем, при отсутствии объединяющего органа, в Государственную думу переходили бы разногласия министров так же, как они переносились до тех пор в Государственный совет. Такой порядок неизбежно должен был привести к хаосу в делах управления и умалению самого достоинства правительственной власти, не говоря уже о широком поле для ведомственных интриг, которое при этом открывалось. Это было настолько очевидно, что в числе других, связанных с проектом работ, я составил и весьма осторожную записку об образовании Совета министров в новом его значении, объединяющего правительственные ведомства, учреждения, каковую и представил Булыгину, обращая его внимание, что без такой меры невозможно и открыть действия Государственной думы. Булыгин прочитал, но дать делу ход не решился. «Оставить это для будущих поколений»,— сказал он, возвращая записку. Она передана была впоследствии графу Витте вместе с составленным к ней постатейным проектом, который и положен был в основание нового учреждения Совета министров.

О соответственном переустройстве администрации и полиции не было, разумеется, да и потом не возникало речи.

В результате, подобно тому, как в 60-х годах при переустройстве местного управления земское преобразование, получив внешние формы, осталось по существу незаконченным, ибо предполагавшиеся к изданию Земские уставы, имевшие определить пределы прав и обязанностей новых учреждений и порядок их деятельности, остались неизданными[18], точно так же и создание народного представительства осталось делом государственно незавершенным. Перенося центр тяжести во вновь созданные, стоящие вне сферы воздействия верховной власти, учреждения, реформа эта не была завершена соответственным переустройством и усилением государственного аппарата, которое позволило бы правительству давать отпор разрушительным силам, получившим в лице кафедры Государственной думы столь сильное орудие воздействия, и воспитать их в рамках дисциплины.

Начались подготовительные действия к выборам. Для сего было образовано в составе министерства внутренних дел особое делопроизводство из двух лиц: упомянутого выше В. С. Налбандова, который, впрочем, скоро уехал в Крым и там завяз из-за забастовки, и Л. К. Куманина, и двух канцелярских чиновников для письма. В этом ограниченном составе мы принуждены были вести всю огромную работу по распоряжениям о составлении списков избирателей и по даче разъяснений на запросы, сыпавшиеся с мест градом. Булыгин ни во что не входил, ограничиваясь подписанием подносимых ему бумаг и распоряжением о полном невмешательстве губернских и уездных властей в ход выборов. И действительно никакого вмешательства ни центральной власти, ни местных властей, никаких попыток использовать влияние правительства для достижения благоприятных для него результатов выборов в Думу за этот период времени ни принимаемо, ни делаемо не было. Все было предоставлено собственному течению, и поле оставалось открытым для деятельности враждебных правительству партий, ибо партии консервативные к тому времени еще не организовались.

Так мы дожили до второй половины октября.

Все время я был очень занят, целыми днями сидел дома, никого почти не видя. Поэтому я не был в курсе того, что происходило в общественных и в правительственных кругах.

17 октября днем жена принесла слухи о каком-то Манифесте[19], но ничего определенного известно не было. Часов в одиннадцать вечера позвонил по телефону А. И. Вуич, помощник управляющего делами Комитета министров и сообщил, что граф Витте требует меня к себе. Приехав к графу на Каменноостровский проспект, я в дежурной комнате узнал от чиновников об издании высочайшего Манифеста и о том, что в связи с ним предстоит срочный пересмотр учреждения Государственной думы, а, войдя в кабинет графа, нашел там самого С. Ю. Витте, шагающего из угла в угол с озабоченным видом, и князя А. Д. Оболенского, сидящего на диване. Витте сказал, что ввиду новых событий он должен немедленно приступить к пересмотру правил о выборах в Думу в смысле возможно большего приближения последней к народным массам и что это надо сделать с таким расчетом, чтобы не останавливать хода подготовительных работ к выборам и закончить последние в возможно короткий срок.

И Витте, и особенно князь Оболенский стали тут наперебой предлагать свои планы, как это сделать, причем, по обыкновению, у князя Оболенского одна фантазия немедленно покрывала другую в самых противоречивых сочетаниях. Ему хотелось в две минуты отыскать способ согласовать самое широкое, почти всеобщее избирательное право с гарантиями разумности выборов. Он перескакивал от всеобщих равных выборов к выборам всеобщим же, но по сословиям, от них — к выборам по профессиональным группировкам, потом опять к всеобщим, но ограниченным известным имущественным цензом, и т. д. Это была какая-то яичница предположений, видимо, до моего прихода обсуждавшихся, в которой Витте совершенно потонул. Тут впервые поразила меня черта его характера, которую потом приходилось часто наблюдать,— полная растерянность мысли, как только он переходил в область, ему непривычную, и крайняя нерешительность, почти отсутствие воли, когда приходилось на чем-то остановиться и действовать там, где можно было ожидать

сопротивления. В его голове, очень плодовитой, вихрем носились доводы и за и против, но на что решиться, он не знал и, видимо, ожидал подсказки от собеседников; при этом на всякое свое предположение и сомнение он требовал ответа немедленного.

На все эти сбивчивые предположения можно было ответить лишь просьбой дать хотя бы самый короткий срок, чтобы подумать, и замечанием, что высказанные графом пожелания стоят в противоречии одно с другим. Если не останавливать подготовительных действий к выборам и произвести их в назначенный уже для того срок, то нельзя менять оснований избирательной системы, а можно лишь прилить в нее новые разряды избирателей, расширив избирательные списки и сократив исключения. Если же изменять самые основания избирательной системы, то это потребует много времени, все произведенные уже действия по составлению и опубликованию избирательных списков придется отменить и начинать все сначала, а, следовательно, отложить созыв Думы надолго. Это было очевидно и бесспорно.

После долгих разговоров решили, что я на следующий день набросаю проект расширения круга избирателей без нарушения установленной системы, и тогда граф, по ознакомлении, примет окончательное решение.

Вышел я от графа в довольно удрученном настроении. В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить и никакого определенного плана действий. Вообще, вся его личность производила впечатление, не вязавшееся с его репутацией. Может быть, в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля, знающего, чего он хочет и что можно сделать. Вдобавок он, по-видимому, имел недостаточно ясное представление и о социальном строе империи и о лицах, которые присваивали себе наименование «представителей общественности», и даже об административном механизме в провинции.

На обратном пути, проезжая Марсово поле, я встретил первых манифестантов. Толпа каких-то людей несла флаги и что-то кричала о белом царе... И какие-то неясные предчувствия, какая-то тоска захватывали

сердце. Что-то словно треснуло в нашей жизни и поползло лавиной, надвигалась какая-то неясная, чужая сила и невольно приходило на ум: «Прости, Святая Русь...».

Было три часа ночи. В кабинете Булыгина, в доме министра внутренних дел на Фонтанке, еще виднелся огонь. Я зашел к нему, чтобы доложить о поручении, полученном от графа Витте. Булыгин в халате подписывал бумаги, жена его дремала рядом в кресле. Булыгин показал мне корректурные гранки с текстом Манифеста, присланные из типографии «Правительственного Вестника»; оказалось, что он от редакции «Вестника» узнал впервые о воспоследовании Манифеста. По обычаю своему, он спокойно негодовал и удивлялся, как могли не предупредить своевременно министра внутренних дел, а, следовательно, и губернаторов (большинство губернаторов узнало наутро о Манифесте из частных источников и не знало, что делать и что говорить по этому поводу). «Кажется, и мне приходит конец»,— сказал Булыгин и рассказал, что днем приходила к ним гувернантка П. Н. Дурново, в то время состоявшего товарищем мин[истра] внутренних дел, по прозванию Кикиша, которая была у них в доме своим человеком (Булыгин был чрез Акимовых в свойстве с Дурново), осматривала министерскую квартиру и вымеряла простенки, видимо, распределяя, где и как разместить мебель. «И подумайте только, какая бесцеремонность у Дурновых. Уже переезжать на мое место собираются, а мне ничего не говорят». Дня через два А. Г. Булыгин, не знаю, по его ли просьбе или без оной, был действительно уволен от должности министра и вскоре заменен П. Н. Дурново[20].

Утром я набросал проект дополнений к избирательному закону, которыми чисто механически, без нарушения его довольно сложной системы, вводились новые разряды избирателей и создавалась отдельная рабочая курия, параллельная с остальными. В средине дня пришел В. Д. Кузьмин-Караваев с запискою от Витте следующего содержания: «Посылаю к Вам К[узьмина]-Караваева, он может дать полезный совет». Познакомившись с составленным наброском, Кузьмин-Караваев сказал (в то время пожелания общественности были довольно скромны), что он должен всех удовлетворить. После Караваева пришел от графа же Д. Н. Ши-

пов, которого я тоже ознакомил с предположениями об изменении закона. Этот высокопочтенный и обычно очень рассудительный человек был, видимо, всем случившимся выбит из колеи. Он долго и туманно доказывал, что в сущности является сторонником самодержавия, но понимает его как явление нравственного, а не формально-юридического порядка, противного, по его мнению, русской народной идее царя-самодержца и русскому миропониманию. К назревающим переменам он относится отрицательно, но, по некоторым соображениям, не высказывает своих взглядов открыто. Он долго и довольно неясно излагал свою не то славянофильскую *, не то прусскую-юнкерскую (der König ist absolute, wenn er unseren Willen tut) ** точку зрения, видимо, не вполне им продуманную. Он оставил какое-то странное впечатление. Одно было очевидно, что он совершенно растерялся.

На следующее утро я отвез графу обработанный проект, который он оставил у себя, чтобы подумать и с кем-то посоветоваться; выходя, спустя несколько времени, под приемной на лестницу, я увидел на площадке графа Витте и В. Д. Кузьмина-Караваева. Витте провожал Кузьмина-Караваева и с свойственной ему в тех случаях, когда он хотел нравиться, сладчайшей улыбкой, так не соответствовавшей всему его облику, тряс руку Караваеву, который, с своей стороны, в чем-то покровительственно заверял Витте. Мы поехали с Караваевым вместе, и я довез его до министерства юстиции, где тот слез, сказав: «Надо зайти поторопить в министерстве с амнистией». «Общественность», видимо, почуяла уже портфели. Караваев видел себя будущим министром юстиции и был полон важности.

Пошла долгая полоса совещаний Витте с представителями общественности, проводником которых был все тот же князь А. Д. Оболенский, ближайший в то время советчик графа по внутренним делам. Мне пришлось присутствовать при нескольких таких совещаниях в кабинете графа в запасной половине Зимнего дворца, где он стал жить [21]. Были

* Славянофилы, по его мнению, понимают царя-самодержца как носителя и исполнителя воли народной, чутко к ней прислушиваясь и в глубине своей совести ясно ее понимающий.

** Абсолютный король тот, кто выполняет наши желания.— (Прим. сост.).

там М. А. Стахович с его длинной бородой, Муромцев, князь С. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов и еще кто-то. Представители общественности убеждали Витте стать на путь всеобщей подачи голосов, которая, невзирая на несообразность ее применения в тогдашней России, привлекала симпатии общественных кругов, стремившихся завоевать сочувствие масс. Пришлось мне как-то быть и на совещании по тому же предмету у князя Оболенского, где главным оратором являлся князь Трубецкой, видимо, очень искренний и хороший человек, но с какими-то ребяческими представлениями и о России, и о механизме управления, твердо веривший в спасительную силу хороших слов.

Все эти бесконечные разговоры с безответственной общественностью совершенно сбили с толку Витте, который как южанин, весь свой век проведший в довольно узком и условном кругу железнодорожных и финансовых дел, имел, как уже упомянуто выше, очень неясное представление о внутренних делах империи и полагал, что эти общественные деятели выражают подлинные желания народа и являются его духовными представителями. Этого убеждения он держался вплоть до Московского восстания, когда общественные деятели от него отпрянули, а сам граф, всеми покинутый, остался, как рыба на мели, расхлебывать порожденную им путаницу.

В конце концов Витте решил рассмотреть вопрос об условиях производства выборов в Думу в Совете министров при участии тех же общественных деятелей, составивших к этому времени (С. А. Муромцев) свой проект избирательного закона по последним рецептам ученых-теоретиков и совершенно не считавшегося с русскими условиями. Витте был в большом колебании. Ему очень хотелось пойти навстречу пожеланиям общественников, но, вместе с тем, он очень боялся всеобщих выборов и боялся с полным основанием, так как при отсутствии прочно организованных политических партий, неподготовленности правительства и некультурности населения, прямые и всеобщие выборы неминуемо отдавали Думу в руки тех, кто предложит избирателям наибольшие материальные выгоды и, прежде всего, раздел земель и захват фабрик. А так как все эти и им подобные приманки предлагали и могли предлагать

прежде всего социалисты, то всеобщие <выборы>* должны были привести к их торжеству.

В поисках выхода граф Витте поручил мне на всякий случай «обезвредить» сколько можно выработанный Муромцевым проект и держать эту версию наготове, если он принужден будет обстоятельствами пойти навстречу общественникам.

Несколько заседаний прошли в общих спорах. Муромцев и бывшие с ним, кажется, А. И. Гучков, Д. Н. Шипов и еще кто-то (память изменяет, так как этих лиц приходилось столько раз и до и после видеть в самых различных сочетаниях, что трудно было запомнить, когда именно и кто именно из них принимал участие в том или ином совещании) отстаивали проект Муромцева, не идя ни на какие уступки. К ним примкнули члены Совета министров, начинавшие искать сближения с общественностью. Сюда относился прежде всего министр земледелия Н. Н. Кутлер [22], недавно послушный чиновник в руках Витте, автор проекта административного земства для Западных губерний (проведенного Д. С. Сипягиным) и закона о предельности земского обложения, ставший внезапно ярым радикалом, противником бюрократии и кадетом («Старый товарищ по борьбе с самодержавием»,— писал о нем впоследствии П. Н. Милюков, «Последние новости». 17 мая 1924 года), и, наконец, видным «спецом» на службе советской власти, создателем советского червонца [23]; затем министр путей сообщения К. С. Немешаев и, наконец, и, в особенности, министр торговли Философов, который старательно подчеркивал свою солидарность в этом вопросе с общественностью **, жертвуя для

* В оригинале слово «выборы» отсутствует.— (Прим. сост.).

** Надо сказать, что высшее чиновничество того времени проявило мало верности строю, который их воспитал и возвеличил. Кутлер, Философов и многие другие, перекрасившиеся к созыву Думы из послушных чиновников в либералы и даже радикалы, были тому ярким примером. И общество смотрело благосклонным оком на это ренегатство. Мой старый гимназический товарищ и приятель молодости, высоко порядочный во всех отношениях человек, очень строгий и к себе и к другим, Ф. Ф. Ольденбург, укоризненно говорил, что я делаю глупость, оставаясь у знамен правительства, когда все умные люди перешли уже в оппозицию. «Посмотри, — говорил он, — на Кутлера, вот действительно умный и прозорливый человек. Он тотчас перешел на сторону общественности и жалеть не будет, так как обеспечил себе политическую карьеру. А ты со своим упрямством прогадаешь».

сего даже и здравым смыслом. Его аргументация была очень забавна. Доказывая, что в русском крестьянстве заложено непреодолимое стремление к равенству и имущественному поравнению, он приводил как довод, случай, когда во время погрома помещичьей усадьбы крестьяне похитили фортепьяно и, не допуская мысли, чтобы кто-либо из них мог поживиться от грабежа более других, разрубили инструмент на части и разделили их между собою по жребию, чтобы никому не было обидно. Остальные его доводы были в том же роде и вместе со всей его фигурой (он был очень толст, с толстыми губами и языком и когда увлекался речью, то слюни у него летели изо рта фонтаном) производили очень комическое впечатление и, вероятно, в не малой степени настраивали против защищаемых им мыслей.

В конце концов большинство Совета склонилось к мысли ограничиться дополнением действующего закона постановлениями, расширяющими участие населения в выборах, без нарушения оснований установленной системы.

Мысль утвердить Думу на всеобщих выборах — по существу своему нелепая — была все же с трудом лишь отвергнута, до такой степени глубоко укоренилась она в умах и своею простотою казалась соблазнительной. Теперь странно и вспоминать, но тогда не было в обществе и печати никого почти, кто не являлся бы ее сторонником. К тому же и пропаганда этой идеи велась очень деятельно. Было пущено в ход все вплоть до почтовых карточек, на которых изображены были грустно сидящие воробьи, чирикающие об общественном лозунге. Сам Витте долго и мучительно в этом вопросе колебался.

Принятый Советом министров проект был затем пересмотрен в особом совещании под личным председательствованием государя. На этот раз и я вошел в состав делопроизводства совещания и был свидетелем происходящих суждений.

Еще до открытия совещания мне пришлось в первый раз быть у государя и говорить с ним. Граф Витте, который не имел, конечно, времени ознакомиться с техническими подробностями этих проектов, однажды,

едучи с докладом к государю, взял меня с собою на случай, если потребуются технические пояснения. Это был момент, когда их отношения уже обострились, и поездка оказалась для меня роковою, так как, по-видимому, государь вынес впечатление, что я являюсь доверенным человеком графа, чего в действительности не было, и перенес на меня часть своего нерасположения к последнему. Этим я объясняю себе, быть может и совершенно неправильно, то личное неблаговоление или недоверие, которое потом неизменно проявлял ко мне государь, как в разных мелких случаях, так и всякий раз, когда заходила речь о предоставлении мне более широкого круга деятельности. По внешности это отношение ничем не проявлялось, обращение его величества всегда было неизменно милостивое, и я был даже пожалован в молодом сравнительно возрасте, званием статс-секретаря его величества, но по существу оставалось неизменным до последних дней царствования.

У государя мы провели около двух часов. Сначала вошел Витте, а через несколько минут позвали меня и, к величайшему моему смущению, Витте, представив меня государю, сказал: «Вот, ваше величество, если позволите, он все вам доложит». Пришлось экспромтом доложить государю о всем ходе дела по пересмотру учреждения Государственной думы и закона о выборах в Думу и ответить на многочисленные вопросы, прямо или косвенно отсюда вытекавшие. Меня поразила та легкость, с которою государь, не имевший специальной подготовки, разбирался в сложных вопросах выборной процедуры, как проектировавшейся у нас, так и принятой в западных странах, и любознательность, которую он при этом проявил. Он отдавал себе ясный отчет, что новый порядок мало принесет ему утешения, и с явным раздражением отмахнулся от сладких слов графа, когда тот стал доказывать, что в лице создаваемого народного представительства государь и правительство найдут опору и помощь. «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич, я отлично понимаю, что создаю не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне уда-

стся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». Таков или примерно таков был смысл сказанного государем в ответ на сбивчивые заверения графа: государь упомянул при этом о своей мечте передать сыну Россию умиротворенной. Граф явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он весь как-то ежился и мялся и совсем не похож был на великолепного и развязного Витте, грубо обрывавшего своих противников в разных совещаниях.

После того, как я был отпущен, Витте оставался еще несколько минут в кабинете государя и вышел в пригнетенном настроении. На обратном пути из Царского Села он много и слащаво говорил о своей любви к государю и о том, как ему тяжело смотреть на него в эти дни революционного брожения, и как он болеет непрестанно душою за государя. Слова Витте не производили, однако, впечатления искренности*.

---

* М. Г. Акимов передавал мне впоследствии (в 1911—12 г.) со слов государя забавный рассказ его величества о том, как он разочаровался в искренности Витте. Витте, человек угловатый и грубоватый, умел, где было нужно, проявлять любезность и льстивость, которые у него, по противоречию с натурой, выходили как-то особенно неуклюжи и в которых он не знал меры. И вот, чувствуя, что у государя он не имеет под собою той почвы, какую имел при императоре Александре III, Витте был с его величеством преувеличенно искателен и льстив. Как-то раз на всеподданнейшем докладе он с особым старанием держал эту линию. Сладкие речи лились из его уст; он весь светился и таял в чувствах глубокой преданности своему державному повелителю. Он казался так прост, так искренен, так лично предан, что совсем растрогал государя.

Когда он кончил свой доклад и вышел из кабинета, государь вспомнил о каком-то деле, о котором забыл переговорить с Витте, и, желая его вернуть, приотворил дверь в приемную, куда тот вышел. Приотворил и тотчас же захлопнул, так поразила его открывшаяся глазам картина. Он увидел там другого Витте, совершенно не похожего на того, который только что вышел из его кабинета. В приемной стоял важный и надменный сановник, пренебрежительно разговаривавший с другим, ожидавшим своей очереди лицом. Ни простоты, ни ласковости, ни добродушия не было и следа. Весь его надутый вид выражал самомнение и гордость. «Так вот, каков он в действительности»,— сказал себе государь и не мог с тех пор отрешиться от этого впечатления.

Чтобы оценить этот рассказ, надо помнить, что император Николай II унаследовал от своего родителя наклонность к простоте, которая в нем сказывалась с особой силой. Он более всего ценил в людях скромность и искренность и имел, как рассказывали лица, близко его знавшие, слабость к проявлениям личной преданности, разделяя этот недостаток характера с императрицей. Этой его слабостью известные лица по-видимому и пользовались для укрепления своего влияния.

Состав совещания, происходившего в Царском Селе, и имевшие в нем место суждения изложены с достаточной точностью в составленных делопроизводством записях, которые, как и записи первого совещания, происходившего в Петергофе, были отпечатаны Государственной канцелярией в качестве секретного документа и имелись у очень немногих лиц (они остались неизвестными даже графу Витте), но затем были изданы кем-то заграницей, а после революции были перепечатаны и пущены в продажу тоже с тенденциозными примечаниями в стиле борьбы классов, но, кажется, без искажений.

В совещание были приглашены представители общественности: Д. Н. Шипов, А. И. Гучков и граф Вл. А. Бобринский и заслушаны по вопросу об основаниях системы выборов. Первые двое были известны как сторонники всеобщих, тайных и равных выборов. В этом смысле они и высказались, причем Шипов, ссылаясь на свое знание народа, свидетельствовал, что крестьянство, которое в этом случае должно было бы получить подавляющее количество мест в Думе, будет очень радикально в земельном деле и, наоборот, очень консервативно в вопросах политических. Это заявление произвело большое впечатление на собрание, и без того расположенное, начиная с графа Витте, видеть в крестьянстве опору престола и порядка * и не понимавшее, что за десятину земли крестьянин продаст царя и бога **. Что же касается графа Бобринского, который был известен как решительный противник всеобщих выборов, то он всех удивил внезапным отказом от этого своего взгляда. Со слезами на глазах он свидетельствовал, что раскаивается в своем заблуждении и всецело присоединяется к тем, кто видит во всеобщем голосовании

* Это порожденное славянофилами убеждение было распространено в правящих кругах, как своего рода поветрие, Победоносцеву приписывали фразу «Мужичок... он чутьем спасет Россию».

** В захваченном у меня Временным правительством при обыске черновом наброске этих записок, в котором была подобная фраза, не помню в применении ли к этому или к другому случаю сказанная, попавших потом в Чрезвычайную следственную комиссию, рукою председателя ее, Муравьева, была сделана на полях против нее заметка: «какой цинизм».

единственную систему выборов, способную дать Государственной думе авторитет и работоспособность.

Заседаний было три или четыре. Второе ознаменовалось выговором в довольно строгом тоне, который государь, открывая заседание, сделал присутствующим за то, что в печати появилось сообщение о ходе работ — явное следствие болтовни кого-либо из присутствовавших. Выговор этот был вполне заслуженным, так как наши сановники всегда страдали склонностью к болтовне, частью вследствие тщеславного желания проявить осведомленность, частью из желания подслужиться перед печатью.

Прения были довольно оживленные. Оппозиция проекту была представлена главным образом графом А. П. Игнатьевым. Много было и суждений и постановлений, произнесенных и принятых, по незнакомству с предметом, по явному недоразумению. Примером может служить поправка, предложенная консервативною частью совещания, П. Н. Дурново и А. С. Стишинским, относительно предоставления церковным причтам представительства в предварительных съездах мелких землевладельцев не только по «землям отведенным», т. е. «ружным» (33 десятины на причт), но и по «принадлежащим» церквам (т. е. купленным, завещанным и проч.); она стала впоследствии источником больших затруднений и путаницы в выборах; многие церкви и особенно монастыри владели огромными пространствами земли, по много тысяч и даже десятков тысяч десятин, подаренных частными лицами, а потому в этих местностях съезды мелких землевладельцев и духовенства получали по совокупности представленного на них владения несоразмерно большое количество уполномоченных (количеством уполномоченных определялось разделение на полные цензы общего количества земель, представляемых явившимися на съезд мелкими владельцами), которые, входя засим в состав съезда крупных землевладельцев, совершенно подавляли последних своею численностью; в результате недоразумение это дало возможность прохождения в Думу слишком большого количества духовенства центральных и северных губерний, которое и по нравственному уровню, и по

степени преданности государственному строю являлось элементом весьма ненадежным, в противоположность духовенству губерний западных и малороссийских, где крупных церковных владений почти не было.

Самое удивительное в совещании было поведение графа Витте. Его нерешительный характер и колебания и явная боязнь принимать на себя ответственность выявились здесь в полной мере, более, чем даже можно было ожидать по прежним впечатлениям. Он являлся по своему положению официальным защитником внесенного в совещание проекта, но так как не знал, на что решиться или умышленно не хотел принимать на себя ответственности за решения, то совершенно измучил государя и совещание изложением доводов и за, и против и отсутствием собственного мнения. Свои мысли он словно отрывал одну от другой, и эти глыбы тотчас в его руках рассыпались. Впечатление от его бесконечных речей было таково, что он во всех спорных случаях как бы стремился переложить ответственность на государя, словно желая иметь возможность потом говорить: «Вот, я говорил, вот я указывал, а он решил по-своему». Эта неспособность или предвзятость Витте производила на присутствовавших самое тяжелое впечатление и отразилась даже в записях прений, сделанных Государственной канцелярией. Несколько лет спустя А. С. Стишинский по какому-то случаю напомнил графу в Государственном совете о его тогдашних колебаниях. Витте был очень возмущен и объезжал многих лиц, присутствовавших в совещании, стараясь получить от них материал для опровержений. Он обращался к барону Икскулю, осведомляясь, не сохранилось ли у него каких-либо записей, но барон почему-то уверил его, что записей не велось. Тогда он приехал ко мне, прося дать ему мои заметки. У меня таковых не было, и мне, чтобы не подвести барона Икскуля, пришлось сказать, что мне ничего неизвестно о существовании записей, хотя печатный их экземпляр лежал на столе.

Со времени этих царскосельских совещаний нравственный облик графа Витте, который в хорошо его знавших чиновничьих кругах никогда не расценивался высоко, окончательно потускнел*.

В предпоследнем заседании получена была П. Н. Дурново телеграмма с известием о Московском восстании. Событие это — прямой плод колебаний политики Витте — стало началом крутого перелома в поведении Дурново, который с этой минуты повел свою собственную линию и рядом энергичных действий быстро ликвидировал бунты, как Московский, так и в других местах вспыхнувшие, и тем спас Россию от участи, которой она подверглась в 1917 году и к которой ее несомненно привел бы граф Витте двенадцатью годами раньше, если бы сумел сохранить в своих руках полноту власти и не встретил бы отпора в лице Дурново.

После издания нового, или вернее дополненного, избирательного закона[24], начались работы по пересмотру Учреждений Государственной думы[25] и Государственного совета, а затем и Основных Законов[26]; заседания происходили на дому у графа Сольского, и дело сводилось преимущественно к редакционным изменениям и созданию правил о выборах в Государственный совет, построенных на началах представительства сословных и профессиональных группировок. В-первых мне пришлось принять участие, особенно в деле о переустройстве Государственного совета, первоначальный проект Учреждения которого был составлен мною по поручению графа Витте. В составлении же Основных законов я участия не принимал, если не считать редактирования замечаний, сделан-

* Письмо Императора Николая Александровича к Императрице — Матери Марии Феодоровне:

«Витте после московских событий резко изменился, теперь он хочет вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения как он. Благодаря этому свойству почти никто больше ему не верит; он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть исключая заграничных жидов».

«Известия» № 71; см. «Последние Новости» 12 января 1927.

ных П. Н. Дурново на проект этих законов,— замечаний, не имевших, впрочем, последствий за неприятием их*.

2-го апреля 1906 года я был назначен товарищем министра внутренних дел и получил в ближайшее заведывание в кругу других отраслей, также и все, что касалось отношений ведомства к Государственному совету и Государственной думе и к производству выборов в оба эти учреждения.

Производство выборов требовало большого труда и по новизне дела вызвало необходимость в обстоятельной технической подготовке. Весь апрель пришлось посвятить этому делу, а потому я мало знал о том, что делалось это время в правительстве, смена которого состоялась к концу месяца. Здесь кстати напомнить, что техническое учреждение, заведывавшее в составе министерства производством выборов в Думу и в Государственный совет — «Делопроизводство по выборам» за время первых трех Дум никогда не имело в своем составе более трех человек. Это были: сначала В. С. Налбандов, а потом, все почти время, А. К. Черкас, совмещавший обязанности по заведыванию этим делопроизводством с должностью управляющего Страховым отделом (МВД.— *А. Л.*), и два канцелярских чиновника, к которым для составления отчетов придавался иногда еще третий. Между тем, когда Временное правительство стало производить выборы в Учредительное Собрание, то создало для заведывания этим делом комиссию, состав которой превысил сто человек, очевидно или ничего не делавших, или занимавшихся толчением воды в ступе. Такова оказалась на практике разница между управлением «бюрократическим», состоявшим из специалистов, знавших свое дело, и «общественным» — из людей, привыкших к болтовне и распределению синекур.

С назначением министром внутренних дел П. Н. Дурново правительство сделало попытку, правда запоздалую, выйти из пассивного состо-

* По поводу составления основных законов П. Н. Дурново, возмущаясь той легкостью, с которой государь уступал свои права, так характеризовал государя: «Это такой человек, что попроси у него последнюю рубаху, он и ту снимет и отдаст (слышано от П. Н. Дурново).

яния и оказать воздействие на ход выборов. Дурново обратился по этому поводу к графу Витте с письмом. Витте, не отрицая желательности правительственного вмешательства в выборы, справедливо указывал, что время уже упущено и сделать ничего, вероятно, нельзя, а потому не стоит компрометировать правительство бесцельными мерами давления. Таков приблизительно был смысл ответа. Тем не менее Дурново решил на свой страх сделать попытку. Около этого времени к нему обратился член Думы полковник Ерогин с предложением организовать избираемых в Думу крестьян и взять под свое наблюдение, чтобы предохранить от захвата левыми партиями. Ерогин был человек полный лучших намерений, но неумный и нераспорядительный. Дурново пошел, однако, ему навстречу, сообразив с свойственной ему быстротой понимания всю выгоду удержать крестьян на стороне правительства, хотя бы первые дни по открытии Думы. Он решил устроить под руководством Ерогина особые общежития и направлять в них крестьян-членов Думы по прибытии их в Петербург, чтобы там Ерогин и другие члены Думы консервативного лагеря могли на них воздействовать. План был несколько наивный, ибо неизбежная огласка его должна была немедленно же парализовать действия Ерогина. Наем и устройство общежитий было поручено некоему В. И. Кореневу, человеку хорошо известному и Дурново и Витте. Это был тип очень любопытный. Фотограф из крестьян Смоленской губернии, Коренев был проникнут страстной любовью к политической интриге и был неугомонный путешественник по России, которую изъездил вдоль и поперек, толкаясь преимущественно среди черного люда. Он был, кажется, главным осведомителем графа Витте о настроении народных масс и писал ему бесконечные письма с пути. Он пользовался большим доверием графа, который в свою очередь постоянно писал Кореневу, сообщая, какие сведения ему нужны и преподавая разные наставления о том, как и где их собирать. Я видел у Коренева много таких собственноручных записок графа.

Одновременно с тем Дурново послал в Поволжье экспедицию для преподания губернаторам указаний, чтобы они постарались направить

к Ерогину членов Думы из крестьян. Поволжье было избрано, потому что оттуда можно было ожидать наиболее податливых революционной пропаганде крестьян, перехватить которых Дурново и хотел в первую голову, а может быть отчасти и потому, что край этот был более знаком Петру Николаевичу. Экспедиция состояла из А. А. Лопухина, в то время отставленного от должности эстляндского губернатора за слабость, проявленную при подавлении мятежных вспышек в Ревеле, князя Шаховского, начальника Главного управления по делам печати, и чиновника особых поручений И. Я. Гурлянда как хорошо знакомого с Верхним Поволжьем по прежней своей службе в Ярославле при губернаторе Б. В. Штюрмере. Лицам этим Дурново дал письма на имя губернаторов с приказанием исполнить в точности все те распоряжения, которые от его имени будут переданы. Поездка ожидавшихся от нее результатов не принесла и ознаменовалась лишь мало понятным случаем, а именно: в Саратовской губернии, где губернатором был П. А. Столыпин, в то время приятель А. А. Лопухина, который поэтому в Саратовскую губернию и был направлен, распоряжение Дурново получило огласку, и члены Думы из крестьян были приглашены к губернатору для собеседования повестками чрез полицию. Возможно, что это вышло случайно или было результатом неосмотрительности канцелярии губернатора, но Дурново понял эпизод как демонстрацию против него.

Ерогинские квартиры, собравшие все же некоторое количество членов Думы из крестьян, скоро получили известность, посыпались насмешки в печати, стишки, сам Ерогин оказался мало пригодным для политического руководства, и они скоро заглохли. Квартиры дали, впрочем, кое-какой забавный материал для характеристики настроений и отношения к делу новых законодателей, в них поселившихся. Крестьяне-члены Думы, не довольствуясь суточными деньгами, которые были в то время определены в размере десяти рублей, прилагали все усилия, чтобы использовать свое пребывание в Петербурге возможно выгоднее для увеличения своего благосостояния. Некоторые открыли мелкую торговлю, один — курятную, поступили в швейцары, дворники и другие подобные

должности; по свидетельству Коренева, члены Думы — крестьяне объяснили свои действия невозможностью прожить иначе, так как значительную часть получаемых от казны суточных денег они обязаны были уплачивать обществам, от коих были избраны, желавшим иметь долю в барышах, выпадающих избранному в члены Думы.

По мере съезда членов Думы становилось ясно, что план П. Н. Дурново (к тому времени замененного уже П. А. Столыпиным) захватить в руки крестьян осужден на неудачу и что в их среде быстро возьмут верх течения революционные и даже анархические. Это настроение выявилось уже в самый день торжественного открытия Думы. Открытие обставлено было большой торжественностью. На площади у Зимнего дворца, в котором государь принимал членов Думы и должен был сказать им речь, расположены были войска в парадной форме, в залах собран весь служилый Петербург, тоже в полном параде, выход был обставлен всей пышностью придворного этикета, правду сказать, сильно резавшего своим архаическим символизмом не привыкший к этому русский глаз. На фоне блеска и торжественности толпа «депутатов», кто в пиджаках и косоворотках, кто в поддевках, нестриженные и даже немытые, немногие в сюртуках, один-два во фраках, являлась резким и вызывающим контрастом. В первом ряду выделялся В. Д. Набоков, стоявший с надутым видом, засунув руки в карманы, рядом с ним отталкивающий Петрункевич, кривая рожа Родичева. Косые, хмурые взгляды ответили на речь государя, полную доверия к призванным от России людям. Невольно припомнились мне при этом слова государя, сказанные Витте в разговоре, при котором мне пришлось присутствовать. Государь не ошибся в своих предчувствиях.

Разошлись в тягостном молчании. Сразу стало видно, что между старой и новой Россией перебросить мост едва ли удастся.

Деятельность Первой Думы у всех на памяти, а потому не буду на ней останавливаться. Обе стороны, и правительство и Дума, оказались к своей роли одинаково не подготовленными[27].

Достаточно было пообглядеться среди пестрой толпы «депутатов», а мне приходилось проводить среди них в коридорах и в саду Таврического дворца целые дни, чтобы проникнуться ужасом при виде того, что представляло собою первое русское представительное собрание. Это было собрание дикарей. Казалось, что русская земля послала в Петербург все, что было в ней дикого, полного зависти и злобы. Если исходить из мысли, что эти люди действительно представляли собою народ и его «сокровенные чаяния», то надо было признать, что Россия еще по крайней мере сто лет могла держаться только силою внешнего принуждения, а не внутреннего сцепления, и единственный спасительный для нее режим был бы просвещенный абсолютизм. Попытка опереть государственный порядок на «воле народа» была явно обречена на провал, ибо сознание государственности, а тем более единой государственности, совершенно стушевывалось в этой массе под социальной враждой и классовыми вожделениями, а, вернее, и совершенно отсутствовало. Надежда на интеллигенцию и ее культурное влияние тоже теряла почву. Интеллигенция в Думе была сравнительно малочисленна и явно пасовала пред кипучей энергией черной массы. Она верила в силу хороших слов, отстаивала идеалы, массам совершенно чуждые и ненужные, и была способна служить лишь трамплином для революции, но не созидающей силой.

Если первые дни кадеты, имевшие в Думе значительное число голосов, сильные своей дисциплиной и опытом общественной деятельности в местных учреждениях, и сумели придать собраниям некоторое благообразие, а торжественный Муромцев даже и напыщенность, то этот тон быстро поблек после первых же успехов Аладьина, Онипки и их товарищей, явно показавших, что элементы правового строя тонут в Думе в революционных и анархических. О какой-либо законодательной деятельности в Палате, большинство членов которой лишено было самого элементарного образования и воспитания, а многие не умели ни читать ни писать и способны были действовать лишь в путях инстинкта, не могло быть, разумеется, и речи; к тому же правительство, созвав Думу, не

приготовило для нее никаких законодательных предположений, способных занять ее внимание, и явно недоумевало, что с нею делать.

В числе членов Думы, избранных от Симбирской губернии, оказался и мой приятель молодости В. Н. Микешин. Он быль совершенно подавлен и перепуган картиной выборов, которую пришлось видеть, и теми проявлениями социальной злобы, которых он был при этом свидетель; он пророчил и, увы, оказался прав, что общественный порядок продержится в России не долго. С ним была и дочь, барышня лет девятнадцати, видимо радикального образа мыслей, с которой он познакомил меня в кулуарах. На вопрос мой, как ей нравится Дума, девица недовольно повела носом: «Что такое Дума, и кому она может нравиться. Вот, если бы это было Учредительное Собрание...»; впоследствии девица эта вступила в сожительство с А. Ф. Керенским, которое приняло в конце концов характер гражданского брака. В Думе же оказался и другой мой приятель молодости кн. Д. И. Шаховской, избранный в секретари, впоследствии неудачный министр призрения в Временном правительстве.

Отношение членов Думы из крестьян к своим обязанностям было весьма своеобразно. В Думу они приводили нахлынувших вслед за ними ходоков по разным делам *, которых сажали в кресла, откуда приставам Думы было не мало труда их выдворять. Полиция задержала как-то на улице у Таврического дворца двух крестьян, продававших входные во дворец билеты. Оба оказались членами Думы, о чем и было доведено до сведения ее председателя.

Некоторые из членов Думы с места же занялись революционной пропагандой на заводах, стали устраивать уличные демонстрации, наущивать толпу на полицию и т. п. Во время одной из таких демонстраций на Лиговке был избит предводительствовавший толпой буянов Михайличенко, член Думы из горнорабочих Юга. На следующий день он явился

* Население вообще поняло открытие Думы как нарождение высшего присутственного места, в которое можно было обращаться по всем делам, проигранным в других инстанциях. Со всех концов России посылались прошения: кто жаловался на решение суда, кто просил о разводе, о помиловании и проч. По роспуске Думы эти прошения, числом до пятнадцати тысяч, были переданы в подлежащие министерства.

в заседание и принял участие в обсуждении предъявленного по этому поводу запроса с лицом, повязанным тряпками, так что видны были только нос и глаза. Члены Думы — крестьяне пьянствовали по трактирам и скандалили, ссылаясь при попытках унять их на свою неприкосновенность. Полиция была первое время в большом смущении, не зная, что можно и чего нельзя в подобных случаях делать. В одном таком случае сомнения разрешила баба, хозяйка трактира, которая в ответ на ссылку пьяного депутата на его неприкосновенность нахлестала его по роже, приговаривая: «Для меня ты, с... вполне прикосновенен» и выкинула за дверь. Привлеченный шумом околоточный надзиратель, видевший эту сцену, составил все же протокол об оскорблении бабой должностного лица, каковым он признал члена Думы. Большие демонстрации устроены были на похоронах члена Думы (фамилию забыл), скончавшегося в белой горячке от пьянства; в надгробных речах он именовался «борцом, павшим на славном посту»[28].

О некоторых членах Думы стали вдогонку поступать приговоры волостных и иных судов, коими они были осуждены за мелкие кражи и мошенничества: один за кражу свиньи, другой — кошелька и т. п. Вообще, количество членов Первой Думы, главным образом крестьян, которые, благодаря небрежному составлению списков избирателей и выборщиков, оказались осужденными ранее за корыстные преступления, лишавшие участия в выборах, или впоследствии в течение первого года после роспуска Думы, превысило, по собранным министерством внутренних дел сведениям, сорок человек, т. е. около восьми процентов всего состава Думы.

В соответствии с Думою были и порядки ее президиума. В коридоры Таврического дворца, сообщавшиеся с залом заседания, допускали всех, кто только желал туда проникнуть, так что в перерывах заседаний тут же происходили шумные сборища, создавались митинги, появлялись ораторы, набивалось множество каких-то дам, стояли шум, галдеж, страсти разгорались. П. Н. Милюков, не попавший в члены Думы, заседал в буфете и оттуда дирижировал кадетскими силами. В помещении Думы

устроена была продажа запрещенных цензурою книг и революционных изданий, и только по созыве Второй Думы безобразие это было прекращено М. В. Челноковым, избранным в Секретари Думы.

Порядок в заседаниях, если не считать враждебных криков по адресу представителей правительства (выступления которых, за исключением П. А. Столыпина и В. И. Гурко, были, по правде сказать, очень неудачны и даже жалки) все же поддерживался, особенно первое время благодаря Муромцеву, который в своем фраке, с торжественным видом римского сенатора успокоительно действовал на собрание. Но ни он, ни правительство не сумели использовать этого обстоятельства и установить между собою отношения, допускающие возможность личных переговоров и согласования действий. Муромцев по избрании не сделал обычных визитов представителям власти, чем затруднил возможность личных встреч вне официальной обстановки думских заседаний.

Уже под конец существования Думы П. А. Столыпин просил меня постараться установить с Муромцевым отношения и устроить возможность свидания и разговоров с ним. С этой целью я несколько раз посетил Муромцева в его кабинете в Таврическом дворце и довольно быстро установил с ним добрые отношения. Поводом послужили поступившие в департамент полиции сведения о возможности покушения на его жизнь, разговоры о чем велись в одном из революционных кружков. Муромцев, хотя и большой доктринер, но человек спокойный и здравомыслящий, вполне понимавший нелепость создавшегося положения, был головою выше остальной кадетской братии. Он охотно шел навстречу, но с первых же минут обнаружились и его несамостоятельность, и малый вес в руководящих кругах партии.

Он находился, видимо, под усиленным надзором, а, быть может, и почитался неблагонадежным. Мои посещения немедленно привлекли внимание, и мой старый товарищ, друг молодости князь Д. И. Шаховской, секретарь Государственной думы, пользовавшийся кредитом в партии, стал как-то слишком часто и без видимой надобности наведываться к председателю лишь только я к нему заходил, и Муромцеву при его

появлении приходилось наспех менять предмет разговора, каковым нам служил обычно проект составленной Муромцевым конституции.

Муромцева особенно смущали вопросы «протокола»: как и где встретиться с правительством, кто должен сделать первый шаг, какой избрать предлог и т. п., столь близкие его формальной душе профессора римского права. Намечалась встреча у М. А. Стаховича, что улыбалось Муромцеву, или у кн. А. Д. Оболенского, что нравилось ему менее, но так ни до чего договориться и не успели.

В разговорах Муромцев был очень осторожен, но не скрывал отрицательного отношения к некоторым пунктам кадетской программы, в частности, к предположениям об отчуждении земель. Он старался, однако, доказывать, что и правительство не право, заняв в этом вопросе непримиримое положение вместо того, чтобы смягчить остроту наружным принятием проекта при условии компромисса в путях практического осуществления. На возражения, что правительство не может принести в жертву экономических интересов государства, связанных с производством хлеба для снабжения городского населения и для вывоза, поставщиком которого и были частные имения с их сравнительно высокой и не доступной крестьянину хозяйственной культурой, и что без существования крупных частных имений невозможен и прогресс сельского хозяйства, ибо оно из этих только имений и может черпать улучшенные семена и породистый скот, Муромцев утверждал, что в среде самой кадетской партии никто, кроме крайних теоретиков, и не смотрит на проект как на меру, подлежащую немедленному осуществлению, что при некотором искусстве можно было бы растянуть осуществление его лет на тридцать, а то и более, и что важно сохранить лишь принцип как способ успокоения масс, воображающих, что этим способом можно обеспечить землю каждому крестьянину.

Точки соприкосновения с руководящими кругами Думы так и не было найдено, и политика агитационных выступлений с Думской кафедры, начинавших волновать страну, не прекращалась. Становилось очевидным, что другого выхода, кроме роспуска Думы, нет и что необходимо

подготовлять почву для нового ее созыва в более подходящих условиях. Еще в начале мая И. Л. Горемыкин, в то время председатель Совета (Совета министров.— *А. Л.*), поручил мне набросать проект изменений избирательного закона, который способен был бы дать более удовлетворительные результаты. Составленный проект, в котором я старался провести отвергнутую первый раз мысль об утверждении выборов на органических, корпоративных основаниях, (представительство волостей и городов, сливающееся в уездном собрании) и доказывал необходимость немедленного объединения власти внизу, в уездах и губерниях, и выработку правительством определенной программы деятельности, могущей служить избирательной платформой, я представил в конце мая Горемыкину, а последний государю; государь передал записку П. А. Столыпину по назначении его председателем Совета. Практических последствий это начинание не имело.

Приближался день роспуска, неизбежность которого висела в воздухе и сознавалась обеими сторонами, и правительством, и Думой. Новизна акта, который оппозиционными кругами растолковывался населению как якобы незаконное насилие, как «разгон» Думы, внушала многим опасения за сохранение порядка и спокойствия в стране, особенно волновался министр иностранных дел А. П. Извольский*. Он поскакал в иностранные посольства разъяснять и успокаивать и сеял там панику.

Министерством внутренних дел были приняты обширные меры предосторожности как в Петербурге, так и вообще по России, и вечером накануне намеченного для роспуска дня состоялось по этому поводу особое заседание Совета министров с участием старших чинов министерства внутренних дел. Докладчиком о принятых к обеспечению порядка мерах был директор Д[епартамен]та полиции М. И. Трусевич. П. А. Столы-

* Напыщенный сноб, вечно в монокле и никогда не знающий, куда поставить свой цилиндр, с которым он, храня обычаи Европы, неизменно входил в зал Совета, А. П. Извольский корчил из себя просвещенного европейца, глубоко усвоившего западную культуру и стремился быть посредником между Столыпиным и кадетами. В действительности это был трафаретный дипломат, человек легковесный и неумный, далекий от преданности своему государю, что и доказал после революции.

пин, в то время не вполне еще оперившийся, скромно сидел и помалкивал. Когда Совет кончился, приняв по настоянию Горемыкина окончательное решение распустить Думу, и проект соответствующего указа послан был к подписанию его величества и участвующие выходили на набережную Фонтанки, В. Н. Коковцов горячо доказывал рискованность предпринимаемой меры. «Что будет в стране точно не знаю,— говорил он,— но на бирже будет полный крах — это несомненно». Не произошло, однако, ни волнений в стране, ни краха на бирже. Все отнеслись к роспуску спокойно, и только глупый фарс кадетов, поехавших в Выборг продолжать заседания Думы [29], внес на минуту какое-то подобие протеста.

Ночь перед роспуском пришлось провести без сна, так как шли хлопоты с составлением Манифеста. Были приглашены к содействию И. Г. Щегловитов, а затем и Ф. Д. Самарин, приехавший на Аптекарский остров, где была дача министра вн[утренних] дел, в пять часов утра; все предложили свои проекты. В конце концов, после долгих колебаний Столыпин остановился на редакции, составленной им самим в приподнятом несколько тоне, говорившей о «богатырях», имевших поднять на плечи дело государственного строительства. Под утро караулы около дачи были усилены, но все обошлось благополучно, без малейших происшествий.

ЗАКОН 3-го ИЮНЯ 1907 ГОДА

Осенью 1906 года началась лихорадочная работа по укреплению порядка. Путь и программа, которые избрал для этого Столыпин, были те самые, какие проектировал два года назад кн[язь] Мирский,— устранить, в чем возможно, причины накопившегося в обществе неудовольствия, равно как стеснительные порядки, отжившие свое время, и укрепить низы государства, дав общественному строю опору в мелком собственнике и привив населению убеждение, что только путем труда можно достигнуть благосостояния.

Основанием служило положение о землеустройстве, которое осталось самым значительным делом Столыпина, хотя и не ему одному принадлежало в идее; мысль созрела уже ранее, и выработка проекта была делом В. И. Гурко, особая же заслуга Столыпина была в том, что он талантливо защищал эту идею и энергически проводил в жизнь. Далее следовали положения о старообрядческих и сектантских общинах, открывшие им свободу жизни и развития, правила об обществах и союзах, о печати и т. п.— все меры достаточно известные, чтобы перечислять их подробно, в большинстве равным образом разработанные в Министерстве вн[утренних] дел еще до появления Столыпина у власти.

Меры эти проводились в порядке ст. 87 Основных законов[30], т. е. помимо Думы, как потому, что приходилось спешить, так и потому, что необходимо было дать им первоначальное осуществление в пределах благоразумной осторожности, которой нельзя было ждать от Государственной думы. Нельзя, конечно, отрицать, что одним из мотивов, побуждавших спешить, было и естественное желание Столыпина вырвать у

противников козыри и ослабить противоправительственную агитацию на предстоявших выборах.

В том же чрезвычайном порядке Столыпин предполагал обезвредить и еврейский вопрос, смягчить ограничения, на евреях лежавшие, но мысль эта не могла получить осуществления, потому что государь затруднился взять почин на себя. На всеподданнейшем докладе Столыпина его величество положил резолюцию в том смысле, что отношение к евреям есть дело совести народной, а потому пусть представители народа и берут на себя ответственность за возбуждение и решение вопроса. Высочайшая резолюция осталась почему-то мало известной, и почина со стороны Государственной думы не последовало.

В работах этих мне лично не пришлось участвовать за исключением выработки положения о старообрядческих общинах[31], которое подвергнуто было обсуждению в созванном при министерстве внутр[енних] дел старообрядческом съезде, состоявшем из архиепископа Иоанна, всех епископов и некоторых видных старообрядцев мирян: Бугрова, Блинова и др. Мне пришлось и председательствовать в этом единственном в своем роде собрании, и я вынес из него глубокое уважение к старообрядческому высшему духовенству того времени. В нанковых рясах, с худыми строгими лицами, оно резко отличалось от упитанного духовенства господствующей церкви с его шелковыми одеяниями, орденами и явным нередко равнодушием к делам духовного мира; различие духовенства гонимого и торжествующего сказывалось с полной яркостью и невольно наводило на мысль, что возрождение церкви, о котором так охотно у нас говорили, могло бы пойти только от гонимого. Особенно выделялся среди духовенства своим нравственным обликом и спокойным достоинством архиепископ Иоанн (Картушев).

Всю осень я занят был, главным образом, подготовкой выборов в Государственную думу. Закон о выборах, сильно испорченный в первоначальном его тексте и приведенный в хаотическое состояние поправками, внесенными во время совещаний в Царском Селе, вызывал много затруднений в порядке применения. Чтобы очистить закон от противо-

речий и выявить действительный смысл некоторых правил, пришлось подвергнуть многие его части истолкованию чрез правительствующий Сенат. Главной целью было устранить двойное представительство крестьян, которые, при буквальном понимании некоторых статей, проходили бы в выборщики и по сельским избирательным съездам и одновременно и по съездам мелких землевладельцев; засим ввести в законные рамки представительство церковной земли, определить понятие «квартиры», дававшей право участия в выборах по жилищному цензу, и, наконец, устранить возможность создания фиктивных цензов, к чему открывалось как основным законом, так и царскосельскими поправками много способов и лазеек.

Оппозиционная печать подняла, разумеется, крик, утверждая, что правительство с помощью разъяснений фальсифицирует закон, сокращая число участников выборов. В действительности подобных намерений не было, и правительство стремилось единственно к тому, чтобы применение закона соответствовало действительным намерениям законодателя его создавшего. Если же некоторые толкования Сената и давали повод говорить о «нажиме» на закон, то инициатива их исходила чаще от Сената, чем от министерства (внутренних дел.— *А. Л.*). Испуганный зрелищем Первой Государственной думы Сенат действительно склонен был подчас смотреть на некоторые вопросы с «охранительной» точки зрения. Примером могло служить дело о выборе П. Н. Милюкова. В Первую Думу он не попал, во Вторую же был избран по явно подложному цензу как приказчик книжного склада «Общественная польза». Фиктивность ценза не могла возбуждать сомнений, ибо Милюков приказчиком склада быть не мог, но документальные доказательства были налицо. Сенаторы собирались выборы отменить и пришлось в перерыве заседания убеждать кое-кого из них не делать этого, чтобы не давать повода к обвинению правительства в том, что оно «разъяснило», как тогда говорили, вождя кадетов; к тому же, по правде сказать, Милюков был гораздо вреднее вне Думы, чем в ее составе. Его основной

недостаток — бестактность нередко ставил партию в Думе в неловкое положение.

Наряду с подготовкой выборов правительству приходилось заниматься и устроительной работой по укреплению своего положения в стране, между прочим и путем поддержания партий и организаций, на которые можно было бы опереться. Положение правительства было очень слабое за отсутствием точек опоры на местах. Местное управление покоилось на патриархальных основаниях, совершенно не соответствовавших изменившимся условиям государства. В уездах первенствующей по закону властью были предводители дворянства как председатели всех уездных присутствий. На деле, однако, они давно уже утратили свое значение. Большинство несло обязанности свои фиктивно, перелагая на заместителей; многие проживали постоянно вне своих уездов и бывали в них лишь от времени до времени; наконец, и самый состав предводителей далеко не везде соответствовал видам правительства, и вообще учреждение это совершенно обветшало и выветривалось. Оставались исправники — власть чисто полицейская; они не пользовались влиянием ни в общественных кругах, ни даже среди чинов казенных ведомств и не располагали никакими способами воздействия. Ничего подобного европейским ландратам или супрефектам у нас не было. Аппарата управления на местах не существовало, а были только чиновники разных ведомств: финансового, судебного, лесного, почтового и проч[их], ничем между собою не спаянные, или исполнительные органы разного рода самоуправлений, зависимые более от избирателей, чем от правительства, общей объединяющей власти не было.

Само собою разумеется, что при таких условиях и правительственное воздействие на выборы было крайне затруднено, чтобы не сказать невозможно; правительство не могло быть даже уверено в том, что стоящие у избирательных ящиков должностные лица не будут действовать ему во вред. Припоминаю по этому поводу забавный рассказ, слышанный от П. А. Столыпина. Он жаловался на выборные затруднения в присутствии испанского посла. Испанец слушал, слушал и говорит: «Не

понимаю, о чем Вы беспокоитесь? У нас делается это очень просто. Мэры в руках правительства, а потому как председатели избирательных бюро они своевременно засыпают в урны столько бюллетеней угодной правительству партии, сколько требуется для успеха, а затем допускают избирателей. Получается большинство, нужное правительству, и все довольны».

Посол, быть может, и шутил, но в существе до известной степени отражал некоторое значение местной дисциплины при выборах.

У нас, во всяком случае, таких «мэров» не было и вообще, невзирая на существование объеденного правительства, спайка органов управления даже наверху была еще слаба. Доходило до курьезов. Так например, один из податных инспекторов Ярославской губернии был изобличен в том, что, разъезжая по делам службы по уезду, раздавал в волостных правлениях избирательные воззвания кадетской партии, коей состоял членом. В этом ничего еще не было бы удивительного, но удивительно то, что стоило большого труда добиться от министра финансов не увольнения даже, как бы следовало, а хотя бы перевода этого чиновника в другую губернию. Подобный же случай был и в Саратовской губернии, где равным образом податной инспектор был изобличен в раздаче прокламаций противной правительству партии при отправлении обязанностей службы[32].

При таком положении правительству приходилось искать опоры в зарождавшихся партийных организациях правых и, до известной степени, октябристских, отпуская в их распоряжение средства, поддерживая их газеты и даже основывая свои, как бы негласные, официозы, работавшие в том же направлении. Деньги выдавались правым организациям преимущественно чрез представителей «Союза русского народа», сначала А. И. Дубровина, а потом В. М. Пуришкевича (о них и о Союзе говорю ниже), и через протоиерея о[тца] И. Восторгова. Последний был человек выдающийся и по уму, энергии и организаторским талантам; он умел находить средства и вне правительственной поддержки. К сожалению, властолюбивый характер и стремление командовать создали ему много

врагов в собственных даже кругах. Обстоятельство это и помешало ему впоследствии пройти в протопресвитеры военного ведомства, куда он очень стремился и где был бы чрезвычайно полезен (отчасти помешал назначению и Столыпин, опасавшийся, что при безмерном своем властолюбии Восторгов станет интриговать и против него).

Наиболее трудным и практически бесплодным делом была организация правой печати. Правительство содержало более тридцати газет в разных местностях России, расходуя на это дело довольно крупные суммы, но, должен признаться, без успеха. Ни одна из них не могла занять влиятельного положения и служить поддержкой. Одной из причин была, вероятно, моя неопытность и невозможность отдать делу достаточно времени (предмет, по существу своему, относился к ведению Главного управления по делам печати, но П[етр] А[ркадьевич] (Столыпин.— *А. Л.*), избегая лишней огласки, не хотел там его сосредоточивать), но главным образом неуспех обусловливался полным почти отсутствием людей, подготовленных к публицистической деятельности. Оно и неудивительно, так как газетная работа была достоянием кругов оппозиционных, и в распоряжении их сложился соответствующий личный состав, преимущественно еврейского происхождения. В рядах же правых партий, вообще менее образованных, если не считать немногочисленных талантливых лиц, вообще не было людей, умевших держать перо в руках. Приходилось поэтому, особенно в провинциальных центрах, довольствоваться газетными кустарями, не имевшими ни навыков, ни такта. Немало значения имел недостаток финансового размаха во всем том, что было связано с внутренней обороной государственного строя, которым так страдало старое правительство; сколь бы ни были значительны отпускавшиеся средства, но при громадности наших протяжений и при новизне дела, они являлись каплей в море потребностей.

Кроме газет, правительственная агитация велась и с помощью брошюрной литературы на злободневные темы. Это дело шло лучше; некоторые издания были талантливы и имели успех. Сюда относились прежде всего бойкие политические памфлеты И. Я. Гурлянда, писавшего под

псевдонимом «Васильев»: «Правда о кадетах», «Наши социалисты» и проч[ие]. Они печатались в ста тысячах экземпляров каждый и были рассылаемы всем лицам, имевшим какое-либо, хотя бы и самое малое, общественное положение, начиная от сельских учителей, священников и т. д., восходя по ступеням иерархии. Для рассылки была устроена секретная экспедиция, которая посылала книгу непосредственно по прямому адресу; это была целая фабрика. Памфлеты Гурлянда были переведены на все иностранные языки. Кроме того, было еще отдельное издательство в ведении С. С. Подолинского, родственника П. А. Столыпина, который издавал брошюры разных авторов по социальным вопросам. Велась еще и особая аграрная пропаганда в форме проповеди идеи интенсификации обработки земли как способа выйти из земельных затруднений. Ею ведал Н. А. Демчинский, разъезжавший по России и устраивавший лекции и опытные поля «грядковой культуры» хлебов. Она имела мало смысла, так как подобная форма культуры, требуя огромной затраты сил, возможна лишь в условиях крайней густоты населения и дешевизны рабочих рук (Китай); на наших же пространствах и при лености нашего населения была менее пригодна, чем любой вид первобытного земледелия.

Таким образом, вокруг выборов создавалась постепенно довольно обширная по объему, хотя и зачаточная по формам организация, стоявшая вне ведомства и о существовании которой не подозревало даже и большинство министров. Этот зачаток министерства пропаганды был, конечно, как и всякое новое и притом секретное начинание, очень несовершенен, но он нащупывал пути и по мере накопления опыта мог превратиться в полезное для правительства орудие; доказательством может служить повсеместное внимание, которым пользуются в Европе способы правительственной пропаганды, равно как успехи, достигнутые благодаря умелой ее постановке советской властью. Со смертью Столыпина и это начинание немедленно же сошло на нет.

Общий расход на предметы пропаганды за время премьерства Столыпина не превышал 3 000 000 руб. в год, считая в том числе и все секретные расходы по выборам, выражавшиеся в поддержке партий и

отдельных лиц, равно как расход на националистическую пропаганду в Галиции. Относившиеся к этим операциям денежные книги я сохранил у себя по уходе из министерства внутр[енних] дел и уничтожил в первые дни революции, чтобы они не попали в руки Временного правительства. Книги за последующее время не были министерством уничтожены и оказались в распоряжении революционных властей, чем было скомпрометировано много лиц, доверившихся в свое время старому правительству. Расходование секретного фонда после смерти Столыпина перешло в ведение департамента полиции, откуда и сложилось впечатление, что правые партии, в частности «Союз русского народа» были чисто полицейским детищем, что совершенно неверно.

Наряду с правительственной пропагандой приняты были и меры к тому, чтобы сблизить правительство с личным составом земских и городских деятелей и установить с ними постоянные и повседневные отношения.

До тех пор отношения председателей и членов земских управ, городских голов и др[угих] к министерству были чисто формальные. Приезжая в Петербург по делам или в качестве вызываемых сведущих лиц, местные люди осуждены были слоняться по канцеляриям разных ведомств, не имея ни угла, ни пристанища, и везде чувствуя себя чужими. Отсюда в значительной мере создавалось чувство отчуждения, невольно передавшееся на места, и склонность приезжих к хождению по оппозиционным гостиным, где им широко раскрывали объятия.

Чтобы изменить эти отношения приведен был в действие закон о Совете по делам местного хозяйства, созданный при Плеве, но оставшийся до тех пор мертвой буквой. Через Совет стали проводиться законопроекты о преобразовании местного управления, предполагавшиеся к внесению в Государственную думу, но затем не внесенные по разным политическим соображениям, главным образом, по противодействию дворянства. Для заседаний Совета было отведено обширное помещение в доме министерства по Морской улице, где собрания и происходили в обстановке, приспособленной к привычкам местных деятелей, в атмосфере

товарищеского общения, созданию которой много способствовал непременный член Совета М. В. Ислявин, состоявший некогда членом Тверской губернск[ой] земской управы, впоследствии новгородский губернатор, имевший обширные знакомства по всей России и отличавшийся исключительным тактом в обращении с приезжими. Тут же было основано справочное бюро, облегчавшее местным деятелям, как приезжавшим в заседания Совета, так и вообще приезжавшим в Петербург, получение всех необходимых им сведений из всех министерств и улаживание всякого рода недоразумений с властями, и редакция «Вестника земского и городского хозяйства» — официозного органа министерства, в котором помещались официальные сведения, полезные для земских и городских управлений, равно как разрабатывались вопросы местного хозяйства.

Эти начинания оказались очень удачны и встретили живейшее сочувствие со стороны местных деятелей, но смерть Столыпина свела на нет и эту сторону деятельности министерства, и все заглохло немного времени спустя после его исчезновения. Преемники вернулись к прежней формальной политике. Результаты близорукости правительство пожало впоследствии, на выборах в Четвертую Думу, которые при умелом руководстве могли бы дать гораздо более благоприятные результаты, чем выборы в Третью, ибо и в центре и на местах отношения, решавшие исход выборов, складывались уже в пользу правительства.

Несколько недель совместной работы со Второй Думой убедили правительство, что жить с нею нельзя, так как задачей господствовавшего большинства была не законодательная работа, а борьба с правительством и даже с государственным строем вообще, и думская деятельность рассматривалась им лишь как удобный способ пропаганды в условиях, не стесненных цензурой и полицией (говорить с страной через головы собрания). Уже к апрелю выяснилось, что Думу придется распустить, и П. А. Столыпин по примеру И. Л. Горемыкина решил изменить самый закон, чтобы обеспечить преимущество на следующих выборах более культурным слоям населения.

Самое правильное было вернуться к мысли о выборе членов Думы через посредство уездных земских собраний как органических единений, представляющих собою уезды и состоящих из людей, имеющих элементарный опыт участия в самоуправлении, знакомство с практическими задачами управления и некоторое понятие о границах возможного и невозможного. Но Столыпин не решался на такой шаг как далеко отступавший от действовавших правил и сокращавший круг интересов, представленных в Думе. Он поручил мне составить набросок такого изменения закона, которое, не нарушая общей схемы выборов, обеспечивало бы прохождение в Думу более состоятельных, а, следовательно, и более культурных слоев. При этом он сказал, что государь неоднократно выражал ему желание, которое он высказывал раньше и И. Л. Горемыкину, чтобы при изменении закона ни один из разрядов населения, представленных уже в Думе, не был лишен участия в выборах. Это было задание о разыскании квадратуры круга, но спорить не приходилось.

Руководствуясь приготовленным для И. Л. Горемыкина проектом, я составил три варианта изменений. Один, исходивший из начала раздельности выборов по состояниям, проведенного снизу доверху и предрешавшего количество членов Думы от каждого разряда населения; второй, основанный всецело на действующей системе, но с предоставлением в губернском избирательном собрании большинства голосов, а следовательно, и контроля над выборами, представителям сравнительно крупного владения, т. е. в размере не менее полного земского ценза, и с обеспечением за каждым разрядом избирателей одного члена Думы от губернии из их среды. В том и другом проекте были введены, разумеется, все те исправления, которых приходилось ранее добиваться в порядке сенатских разъяснений, равно как был проведен ряд несколько искусственных мер в виде права министра внутр[енних] дел разделять избирательные съезды на отделения по местностям или по разрядам цензов, что открывало для правительства возможность комбинаций, обеспечивающих от проникновения в Думу в слишком большом количестве нежелательных ему элементов. Главная же суть заключалась, конечно, в перераспределе-

нии количества выборщиков между отдельными разрядами избирателей, дававшем перевес более крупному владению, и в перераспределении членов Думы между губерниями и областями, дававшем численное преимущество местностям более культурным.

Наконец, третий проект опирал выборы на уездные земские собрания, а в местностях, где земства не были введены, на соответствующие им образованные на тех же началах избирательные собрания. Этот вариант, разумеется, не мог удовлетворять требованию о сохранении за всеми избирателями их прав, так как круг участников в земских выборах был гораздо уже, чем в выборах в Государственную думу, и был представлен, так сказать, для очистки совести.

Вместе с этим изготовлен был и проект изменений основных законов, а равно учреждений Государственной думы и Государств[енного] совета. Намеченные изменения открывали правительству возможность регулировать порядок рассмотрения Думою и Советом законопроектов путем определения очереди их рассмотрения и установления сроков, несоблюдение которых влекло за собою право правительства вводить своею властью в действие те или иные меры; предполагалось также предоставить правительству право требовать вторичного рассмотрения Думою вопросов, разрешенных ею незначительным большинством голосов.

Столыпин в начале полон был решимости произвести коренное изменение в отношениях правительства к Государственной думе, обеспечив за первым более властное участие в устроении страны, но потом, как часто с ним бывало, заколебался, остыл, и предположения эти как-то сами собою сошли на нет.

Проекты изменения избирательных правил или, вернее сказать, их наброски, так как для подробной разработки не было времени, были в начале мая (1907 г.— *А. Л.*) рассмотрены в Совете министров в нескольких заседаниях, подкрепленных участием И. Л. Горемыкина и еще кое-кого из бывших министров. Потянулись обычные в подобных, мало знакомых с техникой дела, собраниях длинные и нудные прения, которые крайне осложнял государственный контролер Шванебах, очень

начитанный и остроумный человек, но пустой и поверхностный; он был очень настойчив и как немец стремился разрешать каждый вопрос не с практической, а с принципиальной точки зрения, которая именно и отсутствовала всегда в его рассуждениях. Совет после долгих колебаний остановился на второй схеме, и вопрос был представлен на разрешение его величества, который с мнением Совета согласился. Эта вторая схема была кем-то названа «бесстыжей», так как в ней слишком откровенно проявлялась основная тенденция — пропустить все выборы через фильтр крупного владения. Когда Столыпин докладывал дело государю, и, смеясь, упомянул об этом определении, то государь, улыбнувшись, сказал: «Я тоже за бесстыжую».

Пока шли разговоры и составлялись пояснительные чертежи к схемам, в чем мне помогал А. К. Черкас, оказавшийся искусным рисовальщиком, время бежало и наступили первые дни июня. События тоже двигались, и правительство оказалось 4-го июня перед необходимостью немедленного роспуска Думы, а нового закона еще не было. Государь был недоволен затяжкой и прислал Столыпину записку в самых энергических выражениях*. Пришлось составлять закон сломя голову. На эту работу ушли два дня и две ночи. Для помощи в редактировании закона и для его переписки я пригласил испытанных чиновников министерства: А. К. Черкаса, управлявшего страховым отделом, и А. А. Евтифьева, впоследствии помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства, на молчаливость которых можно было вполне положиться, и таких же двух переписчиков: Я. Я. Лимаря и Коломийца. Просидев первую ночь, Евтифьев так изнемог, что свалился с ног, и его пришлось отправить домой; мы же с Черкасом, на долю которого выпало произвести расчет всех выборщиков и составить им расписание,— рабо-

* В записке государя было сказано «пора треснуть». Столыпин имел неосторожность огласить ее в Совете. Тотчас подскочил сзади Шванебах и заглянул через плечо председателя на записку, которую тот не успел спрятать, скопировал ее в свою записную книжку (он состоял, как потом выяснилось, осведомителем австрийского посольства, не то по снобизму, не то по иным каким-то соображениям). На другой день слова государя получили огласку в городе.

та, требовавшая чрезвычайного внимания, продержались и вторую ночь, равно как оба переписчика, совершенно распухшие от напряжения и бессонницы... Как бы то ни было, к вечеру 6-го июня закон был изготовлен и переписан начисто. В тот же вечер его заслушали в Совете министров, формально разумеется, так как времени не было, и с бывалым курьером отправили в Царское Село на высочайшее утверждение.

Курьеру Меншагину — мафусаилу министерства какими-то, одному ему известными, способами удалось проникнуть во дворец и укараулить государя, в коридоре, когда он шел спать. Его величество тут же в коридоре сделал надпись об утверждении. В первом часу закон был привезен в Елагин дворец, где заседало правительство, и тотчас был отправлен в сенатскую типографию. Хотя он занимал несколько десятков страниц, типография все же успела набрать, и к утру он появился в собрании узаконений как распубликованный Сенатом. Разумеется, Сенат его и не видел, и обер-прокурору Н. А. Добровольскому пришлось поднести определение к подписанию сенаторов уже по распубликовании закона. Сенаторы приняли новый закон как упавший с неба и молча подписали задним числом определение. Впрочем, в этом не было ничего особенного, так как при множестве опубликовываемых законов обер-прокурор имел от Сената частное полномочие распубликовать бесспорные, не выжидая рассмотрения их Сенатом. Оппозиция впоследствии трактовала этот случай с большим негодованием, но примечательно, что как только ее вожди вошли в состав Временного правительства, так первым же делом прибегли к изданию законодательного свойства правил без предварительного опубликования их Сенатом.

Манифест, при котором был опубликован новый закон, не был актом, изданным по ст. 87 Основных законов, а актом учредительным, непосредственно исходившим от верховной власти, а, следовательно, не подлежавшим последующему одобрению Государственных думы и Совета. Манифест был составлен лично Столыпиным. Он был очень доволен своею редакцией и, когда после его смерти пришлось разбирать его пись-

менный стол, то там оказался черновик этого акта в особом конверте, на котором рукою Столыпина было написано: «Моему сыну»[33].

Теоретики государственного права и оппозиция всячески изощрялись в критике нового закона*. Бесспорно, что порядок издания его стоял в формальном противоречии с Основными законами, и в нем было бесчисленное количество недостатков с точки зрения теоретической, но в условиях, в которых находилось тогда правительство, другого выхода не было. Производить новые выборы на прежних основаниях значило ввергать страну лишний раз в лихорадку без всякой надежды получить Думу, способную к производительной работе. Надо было, следовательно, или совсем упразднить народное представительство в том виде, как оно было создано в 1905—1906 годах и перейти к системе диктаторского управления, что, вероятно, было бы самое лучшее при условии, чтобы диктатор двигал жизнь, а не ставил ей препон, или к системе областного представительства, мысль о котором еще недостаточно созрела; или, наконец, попытаться на основе нового узаконения избрать из русского хаоса по крупинкам те элементы, в коих жило чувство русской государственности, и из них создать Думу как орган перевоспитания общества[34].

Теперь, когда на всем свете происходит крушение парламентской идеи, непригодность которой в современных громадных государствах, при наличии в парламентах партий, отрицающих начало единства нации и самое понятие отечества, становится ясным, что мысль о совершенном упразднении Думы, вероятно, не показалась бы столь рискованною. Но в то время кризис еще не назрел с нынешней его очевидностью, и Столыпин, да и государь вступать на новый путь не решались. При таких условиях что можно было сделать, кроме изменения закона в чрезвычайном порядке тою исторической властью, которая создала Россию, т. е. властью самодержавного царя. Закон этот дал правительству послушное и гибкое орудие для отбора того, что было лучшего в русском обществе,

* Единственно правильное и благожелательное его истолкование дано было иностранцем, знавшим Россию лучше многих русских, Анатолем Леруа-Больe в статье, помещенной в одной из парижских газет.

наиболее прочного и государственного. И та Дума, которая на основании его была выбрана,— Третья — была первым, хотя, увы, и последним в России представительным учреждением, которое оказалось способным к творческой работе.

И в этом факте его лучшее оправдание.

И Первая и Вторая Думы приоткрыли картину народных настроений, которой не представляли себе ни правители, исходившие из понятий, завещанных официальным славянофильством, ни даже общество, исходившее из представлений народнических. Она вполне оправдывала пророчество, вырвавшееся у Д. С. Сипягина после объезда им Поволжья: «Мы стоим на вулкане». Огонь социальной зависти, таившийся в недрах России, в ее полуобразованных слоях, прорвался тут наружу, угрожая испепелить самое здание государственности. Раздел имуществ, разграбление культуры, полнейшее презрение к историческому строю оказались единственными лозунгами, доступными пониманию социалистов, имевших за собою чуть не половину второй Думы; кадетствующая интеллигенция, легкомысленно радикальная, подпираемая евреями и другими инородцами, рвавшаяся к власти и наивно мечтавшая пройти к ней на спинах своих левых союзников противовесом социалистам служить не могла; голос умеренных элементов тонул в общем хоре.

Дать выход этому огню наверх — плыть по течению, стараться подладиться к голосу этой Думы — значило бы раствориться в анархии. Оставалось одно — прикрыть отдушину, закупорить ее в надежде, что огонь притухнет и даст время принять меры к подсечению его корней и к укреплению правительственного аппарата. Вырвать Государственную думу из рук революционеров, слить ее с историческими учреждениями, вдвинуть в систему государственного управления — вот какая задача становилась перед верховной властью и правительством.

Историческая аналогия — пример Пруссии, где на заре народного представительства сложились такие же примерно противоречия между составом палаты и властью, повелительно указывала единственный возможный выход — изменить избирательный закон, разгрузить Думу от

социалистов и кадетов и усилить ее умеренное крыло. Колебаний тут быть не могло — они являлись бы преступлением. Говорить, как многие в то время говорили, были намеки и в Совете министров, что изменение верховной властью недавно лишь изданного ею торжественного акта явилось бы опасным ударом по народному правосознанию — значило не понимать сложившейся обстановки. Состав Государственной думы и ее устремления ясно свидетельствовали, что именно правового-то сознания и желания стоять на почве права и не было в тех слоях населения, которым удалось получить в Думе большинство. Это сознание надо было в них еще создавать и воспитывать. А для этого требовались долгие и долгие годы спокойного, творческого труда, а не доктринерского квиетизма[35].

Конституция, самая широкая, не могла бы предотвратить смуты. Конституция, под именем которой русская интеллигенция разумеет обычно парламентаризм, передав власть в руки кадетской группы, подбитой социалистами и подпираемой сзади советами, неизбежно вывела бы Россию на дорогу политики Временного правительства, т. е. разрушения исторических основ порядка и непротиводействия пропаганде крайних элементов.

Парламентское правительство того времени неизбежно осуществило бы следующую государственную программу:

1. Замену полиции милицией, подчиненной органам местного самоуправления.

2. Замену губернаторов лицами, избираемыми земствами, притом сильно демократизированными.

3. Свободу печати, сходок, демонстраций и всякой агитации в тех широких пределах, в каких понимала эти свободы Первая Дума.

4. Допущение советской организации, возникшей еще в смуту 1905 года.

5. Ослабление дисциплины и устойчивости армии путем расширения самостоятельности нижних чинов и сокращения сроков военной службы.

В результате правительство это, а с ним и весь государственный порядок, были бы опрокинуты союзом городского промышленного пролетариата, железнодорожных служащих и разложившейся солдатчины ранее, нежели практика власти внесла бы в мышление общественных деятелей то отрезвление, которое в теории должно было бы вызвать в них чувство ответственности. Этот спасительный перелом мог бы наступить лишь при условии, если бы общественность имела в России широкий фундамент, чего в действительности не было, ибо на месте, внизу, она и ее идея никогда реального значения не имели; все влияние находилось в руках третьего элемента, и возможность говорить с толпою не на барском, а на более понятном ей простом языке давала в руки этого элемента оружие слишком сильное и слишком соблазнительное для того, чтобы им он не воспользовался.

Правительство опиралось на силу, значение которой плохо учитывало, которую долгое время оставляло без ремонта и которою пользоваться не умело, но все же на силу реальную. Кадетская же партия, задававшая тон в Думе, не имела за собою ничего, кроме тумана общественности. Она была уверена в том, что является избранницей народа, но в действительности народ кадетов знать не хотел и сами кадеты народа не понимали.

Издание нового избирательного закона не разрешало еще стоявшей перед правительством задачи. Закон этот как искусственный мог быть только мерой временной. Его основой служило крупное владение, которое быстро разлагалось в условиях переходного времени, а следовательно, и постройка, на нем утвержденная, должна была в более или менее предвидимом будущем потерять свое значение. Задолженность дворянского и вообще крупного землевладения, в связи с деятельностью Земельных банков и общими экономическими условиями, направлявшими сельское хозяйство на путь интенсивного использования земли, имели следствием быстрое раздробление владений и переход земель в руки мелких собственников из крестьян, а в подгородних местностях — и лиц разных других состояний. В соответствии с этим должны были изменять-

ся и результаты выборов, ибо преимущественное влияние переходило к мелкому землевладению, а оно должно было вынести на поверхность политической жизни совершенно другие социальные слои и дать иной состав Думы. Притом процесс раздробления владений, как можно было предвидеть, должен был идти гораздо быстрее, чем политическое воспитание населения; в результате возникало вполне основательное опасение, что последующие Думы вновь дадут преобладание некультурным слоям с их первобытными воззрениями на государство и собственность.

Наряду с этим, становилось все более и более ясным, что сосредоточение к одному месту всех дел по управлению такой громадной империей приводило, с одной стороны, к крайней медленности их разрешения, а с другой,— обобщая формулы их решения для столь различных условий, какие представляли собою отдельные части России, придавало самой постановке всякого вопроса в правительстве, а тем более в Думе, слишком отвлеченный оттенок, имевший следствием склонность законодателя к нивелировке жизни. Ярким примером служил земельный вопрос. Имея для разных местностей разное значение и разный объем, в зависимости от их особенностей, истории и психологии населения, вопрос этот, вместо практического в каждой данной местности решения, ставился общественными кругами во всероссийском масштабе и тем самым склонялся к радикальному разрешению, основанному на идее отвлеченного права каждого человека на участие в пользовании своей долей из совокупности всех земель данного государства.

Но было и еще одно обстоятельство, с которым приходилось считаться. Централизация высшего управления не давала выхода жажде деятельности и порывам честолюбия, накоплявшимся в среде местных интеллигентных классов, быстро возраставших в численности. Хотя Россия в смысле возможности восхождения к власти отдельных лиц была страною едва ли не самой демократической (все высшее чиновничество, не исключая и министров, слагалось, по преимуществу, из лиц невысокого происхождения) и управление империи было наименее классовым, но общее количество его элементов было незначительно. Местные таланты

и честолюбия при всем старании почти не имели возможности пробиться к центру или занять удовлетворяющее их положение на местах. Поэтому они силою вещей становились во враждебное отношение к центральной власти и только путем выхода из-под ее опеки, хотя бы и ценою разрушения строя, могли надеяться найти простор для своего развития и проявления. Обстоятельство это прежде всего сказывалось на окраинах, особенно западных, но сильно чувствовалось и в центре.

Наконец, объединение в одном представительном учреждении всех наиболее деятельных сил оппозиции умножало ее значение и увеличивало затруднения правительства.

Надо было заблаговременно искать выход из этого положения. Могут, конечно, спросить: если государственная власть того времени не считала себя достаточно сильной, чтобы перейти к системе диктатуры, то почему она не уступала места тем общественным силам, которые легче нее могли найти опору в народном представительстве и повести его за собою; иначе говоря, почему не решались перейти к системе парламентарного управления. Оппозиция приписывала это эгоистическому упорству правящих классов, не желавших терять блага, связанные с властью, и нежеланию государя расстаться с призрачным хотя бы самодержавием. Действительная причина лежала, однако, не в этом, а в убеждении как государя, так и правительственных кругов в совершенном отсутствии общественных элементов, сколько-нибудь подготовленных к делу управления и способных отправлять обязанности власти. И последующие события показали, что они были правы. В составе лиц, выдвинутых политическими кругами, деловых людей не оказалось, а оказались либо теоретики и доктринеры, не отдававшие себе отчета в том, что такое управление,— подобные Милюкову, или губернские и уездные пророки, подобные Родичеву и Стаховичу. Революции и последовавшие события сделали это для всех очевидным. Достаточно прочитать характеристику, данную своим человеком — Набоковым *, для того, чтобы потерять вся-

* Архив русской революции. [Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921].— (Прим. сост.).

кие в этом отношении иллюзии. Это были мечтатели, способные разрушать, но не способные управлять. И если бы власть была вручена им в то время, то не подлежит сомнению, что постигшая Россию катастрофа произошла бы десятью годами раньше и не могла не произойти. Эти люди сделали бы и тогда то же, что сделали в 1917 году, т. е., развязав руки социальным агитаторам и открыв им все пути для агитации, противопоставили бы их разрушительному действию только словесные увещания и вопли о «преступлениях старого режима». Не следует забывать, что программа разрушения администрации и полиции с заменой губернаторов земскими комиссарами, а полиции — подчиненной городским и земским управлениям милицией, равно как амнистия и возвращение к деятельности всех политических осужденных, в том числе террористов, осуществленная с места же Временным правительством в марте 1917 года, была не уступкой тогдашним крайним элементам, образовавшим Совет солдатских и рабочих депутатов, на который кадеты сваливают теперь ответственность за свои действия, а основой той самой программы управления Россией, которую в 1906 году представители кадетской общественности выдвигали в переговорах с Столыпиным об образовании общественного кабинета [36].

Выход из создавшегося положения можно было поэтому искать только в децентрализации как управления, так и законодательства, расчленив последнее на общегосударственное и местное, которое являлось бы развитием права обязательных постановлений, предоставленного действующим законом земским собраниям и городским думам. В свою очередь, это начало можно было обосновать лишь на разделении империи на области, представляющие однородное целое, если не в этнографическом, то, по крайней мере, в экономическом и бытовом отношениях, с образованием в них представительных учреждений переходного типа от хозяйственного к политическому. Само собой разумеется, что при этом приходилось считаться с особыми последствиями в отношении окраин, имевших притязания на политическую автономию, к которой подобная мера могла бы являться первым шагом.

Шаг этот вызывал, разумеется, много возражений. Начало единства и неделимости империи было определенно выражено в Основных законах, и общее настроение правящих верхов толковало его широко, считая нарушением всякое местное обособление как наводящее на мысль о федерации и сепаратизме. Точка зрения эта имела свои глубокие корни и в интеллигентных слоях, особенно славянофильских, которые издавна стремились распространить на всю Россию одинаковые порядки; насколько глубоко коренилось это инстинктивное чувство и в остальных слоях образованного общества стало ясно после переворота, когда оно нашло себе выражение, почти болезненное, в несогласии на какие-либо отступления от начала единства, даже ценою помощи окраинных элементов в борьбе с большевиками, от исхода которой зависело самое бытие России как великой державы.

Но система эта имела свои громадные и очевидные преимущества. Замыкая вопросы устройства народной жизни в областные рамки, она придавала практичность их решению и сокращала пределы теоретического размаха мысли. Она раздробляла поле социалистического натиска, выводя из-под воздействия идей рабочей демократии области чисто земледельческие. Она открывала путь к более правильному разрешению земельного вопроса, ограничивая его более узкими рамками. Она открывала простор местным творческим силам и, что имело немалое значение, давала возможность применять в разных местностях разные системы выборов, приспособленные к особенностям их общественного строя. Она ослабляла обостренность национальной борьбы на окраинах, облегчая для правительства возможность отказаться от непременной на всем протяжении империи защиты русского национального интереса как преимущественного (напр[имер] в Польше, в Прибалтийских губерниях) и сосредоточиться на более интенсивной его охране там, где ему угрожала действительная опасность, как напр[имер], в Западном крае. Она открывала, наконец, возможность перевода некоторых местностей на положение колоний с выделением их из общего строя империи.

Одним из существеннейших условий будущего России являлись пределы ее «обрусения», разумея под этим словом распространение русской культуры и господствующего положения русской национальности по всему пространству империи. Первенство языка и внешнего обихода и право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении империи вытекало с необходимостью из ее формального единства и было тесно с ним связано. Если в государстве федеративном вполне понятны местные национальные особенности и никто не может претендовать на то, чтобы повсюду найти привычные условия национальной жизни, то в государстве едином требование первенства господствующей национальности неизбежно.

С точки зрения интересов русского народа как нации и русской империи как единого организма, этим народом созданного, самым выгодным и правильным решением было бы постепенное превращение всех подданных России в национально русских, с возможным подавлением других национальных начал. Эта мысль, если не выражалась прямо, то неизбежно преподносилась умственному взору всех государственных деятелей, стремившихся рассматривать Россию как единое целое. Она нередко становилась и прямою целью нашей внутренней политики последнего столетия, сначала в отношении местностей, где, как в Западном крае, приходилось стремиться к очищению русской национальной почвы от налета польской цивилизации, нанесенного в течение долголетнего политического господствования, а затем, в большей или меньшей степени, и в отношении окраин, где русское население было малочисленно или вовсе отсутствовало.

К сожалению, однако, коренная Россия не располагала запасом сил культурных и нравственных, которые могли бы служить инструментом подобной ассимиляции, тем более, что многие окраины, вследствие особенностей их истории и географического положения, в культурном отношении стояли гораздо выше коренной России. Поэтому усилия, направлявшиеся на их обрусение и сводившиеся преимущественно к мерам насильственного воздействия, оказывались тщетными и лишь озлобляли

местное население. В то же время усилия эти истощали русское национальное ядро, принуждая разбрасывать его малоокрепшие силы на огромном пространстве империи и тем понижать в среднем уровень служилого класса, призываемого к отправлению государственных задач.

Высылаемые на окраины массы русского чиновничества не только стояли на более низкой ступени развития, и умственного, и нравственного, чем соответствующие разряды туземного населения, но со свойственною русской полуобразованной среде наклонностью к анархизму и приверженности крайним социальным и экономическим теориям, приносили эти идеи с собою в местности, ими еще не зараженные. Примером мог служить Туркестан, где выборы в Первую Думу дали самые отрицательные результаты именно благодаря влиянию русских элементов в виде мелкого чиновничества и всякого рода техников, железнодорожных и иных, которые при безлюдии заняли там господствующее и даже командующее положение. Достаточно указать хотя бы на члена Первой Думы Наливкина, который был в Туркестане вице-губернатором, а в Думе оказался едва ли не анархистом.

Необходимость экономии национальных сил и более тщательного их подбора для служения государственным целям повелительно требовала ограничения русификационной политики и привлечения к управлению окраинами местных элементов, что, в свою очередь, предполагало обеспечение им в известных пределах возможности беспрепятственно проявлять свои национальные стремления, не стесняемые подавлением их, хотя бы и чисто формальным, русским национальным началом.

И эта практическая потребность побуждала относиться с большим интересом к постепенной децентрализации империи, которая, по тем же видимо соображениям, хотя и видоизмененным некоторыми личными симпатиями, побуждала еще императора Александра I проектировать дарование окраинам их национального строя с сохранением за коренной Россией значения регулирующего империю центра, главенствующего в ней в военном отношении (военные поселения, входившие в эти планы

в качестве необходимой, по мнению императора, предпосылки, были устраиваемы только в пределах коренной России).

Мысли эти, получившие в свое время выражение в проекте конституции, составленном по указаниям императора Александра I Новосильцевым, и в других мероприятиях, занимавших внимание императора в последние годы его жизни, очень пленяли Столыпина, но говорить о них громко он не решался и, кажется, кроме А. В. Кривошеина, да и то лишь впоследствии, никто в тайну их посвящен не был.

Из них вытекли два составленные мною в 1907—1908 годах проекта: первый — об общем переустройстве управления империей на указанных началах, и второй, представлявший подход к практическому решению в применении к частному случаю, о выделении Холмского края из административных пределов этнографической Польши.

Первый предусматривал разделение империи на одиннадцать областей, с образованием в каждой областного земского собрания и областного правительственного управления с гражданским начальником во главе, имевшим заменить собою генерал-губернатора. Области эти были: Прибалтийская, Северо-Западная, Польша, Правобережная и Левобережная Украины, Московская (центральная промышленная), Верхнее и Нижнее Поволжье, Северная Россия (две области) и Степная (Западная Сибирь). Остальные части империи, т. е. военные казачьи области, инородческие, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым и Кавказ оставались вне этого разделения и вне участия, за исключением двух последних, в общегосударственном представительстве.

Областные земские собрания, образуемые на общих основаниях, принятых для земских выборов, получали широкое право местного законодательства по всем предметам, не имевшим общегосударственного значения, причем решения их должны были приводиться в исполнение, в зависимости от предмета, или с утверждения начальника области, в каковом случае оне имели силу обязательных постановлений, или с высочайшего утверждения, в каковом случае они приобретали значение местных законов.

Общегосударственное законодательство сосредоточивалось в Гос[ударственном] совете, несколько видоизмененном в его составе.

Проект этот обсуждению в Совете министров подвергаем не был и был представлен на высочайшее благовоззрение при обстоятельно мотивированном всеподданнейшем докладе на предмет предварительного одобрения для последующей детальной обработки.

Государю предположения понравились, но и он высказывал опасение, что подобная мера могла бы явиться шагом к нарушению единства. Вопрос был отложен до указаний опыта Третьей Думы.

Подлинный всеподданнейший доклад по этому предмету оставался у Столыпина и был, вероятно, отвезен им, как и многие другие документы секретного свойства, для хранения в личный архив, (в Колнобержах, его Ковенском имении), последний же после занятия этой местности немцами был увезен в Берлин и, как сообщали тамошние газеты, передан по распоряжению императора Вильгельма профессору Шиману, известному специалисту по истории России[37]. Копия доклада и проект должны находиться в архиве Государственного совета, в составе бумаг, сданных мною туда на хранение в 1913 году*.

Второй проект — выделение Холмского края из состава Польши[38] имел нормальное основание в соответствующих ходатайствах местного русского населения, т. е. вернее православного духовенства, являвшегося в качестве выразителя настроений этого населения, поддерживаемых национальными кругами в России, которые надеялись охранить этим путем население от полонизации и слить с общерусской стихией. В действительности же, по первоначальной, официально никогда открыто не высказанной мысли, мера эта имела целью установление национальной государственной границы между Россией и Польшей на случай возможного в будущем предоставления отдельным местностям упомянутой вы-

* К 1915 году этот проект положен был в основание предположений об устройстве управления в Царстве Польском после войны, принятых большинством членов высочайше образованного летом того же года совещания в составе шести русских и шести польских членов обеих законодательных палат, под председательством И. Л. Горемыкина, и в котором фактически пришлось председательствовать мне в качестве заместителя председателя.

ше самостоятельности в устроении местных дел, которая в применении к Польше могла выразиться в даровании царству автономии. На этот случай заблаговременное выделение из него русской области, население которой еще не слилось с польским и могло быть сохранено за Россией, представляло большие удобства, устраняя вместе с тем одно из существенных препятствий для автономии Польши.

С выделением Холмского края в Польше не оставалось бы места русскому национальному интересу, а оставался бы только интерес государственный; в прилегающих же Западных губерниях можно было бы совсем не считаться с польскими национальными интересами.

Сообразно этой мысли, при составлении проекта в состав Холмской губернии выделены были лишь местности, в которых население сохранило русский национальный облик и в большинстве было православным на деле, а не только на бумаге, и где, следовательно, при помощи некоторых мер культурно-административных можно было закрепить их связь с Россией; те же местности, в которых население было ополячено и окатоличено явно или тайно, были оставлены за Польшей. Последовательность требовала, чтобы одновременно с сим к Польше были прирезаны взамен отделяемых частей Седлецкой и Люблинской губерний, прилегающие части Гродненской губернии, а именно некоторые местности Бельского и Белостокского уездов, населенные поляками, чем достигалась бы основная цель размежевания. Но Столыпин на это не решился, опасаясь подвергнуться нападкам со стороны националистических кругов, которые сочли бы недопустимой уступку Польше земель, официально к ней не принадлежавших.

Это было первое отклонение от первоначально намеченных целей; за ним последовали и другие.

Когда дело было внесено в Думу, кажется, уже в конце 1909 г., и поступило на рассмотрение избранной ею комиссии, предположенный правительством объем Холмской губернии подвергся сильной критике со стороны преобладавших в составе комиссии представителей национальной партии. Избранный докладчиком по делу, Н. Н. Чихаев,

человек очень старательный, но узкий и одержимый манией величия, прочитав кое-какие книги по истории края и объехав наскоро его пределы, выступил с рядом предположений о расширении границ будущей губернии, основанных на соображениях об историческом значении того или иного населенного пункта как памятника русского владения краем. На основании этих соображений комиссия стала расширять пределы будущей губернии, включая в состав ее разные местности, связанные с тем или иным историческим воспоминанием, начиная от времени Владимира Святого. И так как на стороне этой мысли стояло большинство членов комиссии, члены же ее — поляки заняли в отношении проекта позицию непримиримую вообще, то все предложения принимались. Мне пришлось присутствовать в комиссии, представляя правительство, но так как от Столыпина даны были указания не идти в разрез с желаниями националистов, то приходилось молчать, и в результате намечены были такие границы новой губернии, при которых русское, т. е. православное население оказалось в меньшинстве, не превышавшем 30 %. И так как в составе большинства находились все экономически влиятельные группы и многочисленные в том крае польские помещики, то русское меньшинство было осуждено на постепенное поглощение. Таким образом, весь смысл меры, с какой бы точки зрения на нее не смотреть, сводился на нет, и она как бы выражала собою лишь одно стремление во что бы то ни стало урезать пределы Польши.

Проект был принят в этом виде как Государственной думой, так и Государственным советом уже после смерти Столыпина. Возлагавшихся на этот закон ожиданий он, конечно не оправдал, тем более, что, как впоследствии выяснилось, православное духовенство, агитируя среди населения в пользу подачи прошений о выделении края из состава административной Польши, не скупилось из-под полы на самые широкие земельные обещания, которые в конце концов принесли населению лишь одно разочарование.

Следующей мерой, задуманной Столыпиным для укрепления административного строя империи, закончившейся его отступлением перед

встреченными препятствиями, были предположения о преобразовании губернского и уездного управления. Сущность этих проектов, получивших окончательную редакцию под личным руководством Столыпина, хотя в большей части унаследованных от прошлого и которым он придавал с полным основанием весьма крупное значение, сводилась к объединению всего управления в губерниях под руководством губернатора, которому проект присваивал значение агента правительства, а не представителя верховной власти, каковым губернатор являлся по букве закона, давно, впрочем, утратившего практическое значение; с другой стороны — в изменении постановки уездного управления в смысле объединения многочисленных уездных присутствий в одно целое с поставлением во главе их и уезда начальника оного и установлением в то же время правильной системы административной юстиции. Вместо потерявшего свое значение уездного предводителя дворянства предполагалось поставить во главе уезда уездного начальника, назначаемого министром внутренних дел и объединяющего в своем лице руководство как уездными присутствиями, так и уездными властями, нечто вроде супрефекта во Франции или ландрата в Германии. Мера эта, как было выше отмечено, вызывалась давно назревшей потребностью, так как при существующем порядке правительство лишено было на местах действительной власти.

Шаг этот представлялся рискованным, ибо вооружал против Столыпина объединенное дворянство, оскорбленное мыслью о потере привилегированного положения, которое оно привыкло занимать в местном управлении. Но он был необходимым, если правительство хотело удержать в своих руках порядок в стране. Дворянство, начавшее утрачивать значение с освобождением крестьян, когда оно лишилось не только имуществ, но и влияния, к концу царствования императора Александра III из положения элемента, поддерживавшего престол, перешло уже на положение государственно призреваемого. Оно требовало для поддержания внешности и видимости непрерывных вспомоществований в той или иной форме из средств государственного казначейства и становилось тунеядцем. Между тем, окружая престол и занимая первое место в уезд-

ном управлении, оно оттесняло другие классы населения, поднявшиеся на степень реальной силы.

Мне пришлось председательствовать при рассмотрении этих проектов в Совете по делам местного хозяйства. О первом из них и о свойстве возникших по нему затруднений я упоминаю подробно в другом месте. Что касается управления уездного, то препятствия заключались, как легко было предвидеть, в оппозиции дворянства. Оппозиция эта имела своим главою А. Д. Самарина и велась, главным образом, за кулисами, вне заседаний Совета, так как против цифр открыто спорить нельзя. А цифры были оглушающие. Из собранных к рассмотрению дела в Совете данных о деятельности уездных предводителей дворянства выяснилась картина, которая даже для нас, чинов министерства, была неожиданностью. Во всей империи (не считая конечно предводителей в Западных губерниях, которые как чиновники на жалованьи, назначаемые правительством, несли службу исправно) оказалось только два уездных предводителя, один Крестецкого уезда Новгородской губернии, другой — не помню какого, которые не пропустили в течение года ни одного заседания состоявших под их председательствованием присутствий. В дальнейшем кривая посещаемости круто шла на понижение и оказывалось, что лишь менее половины предводителей исполняли до 50 % своих обязанностей; около же трети совершенно их не исполняли и около половины не жили в пределах своих уездов, бывая в них лишь наездами. Цифры эти были до такой степени неудобны, что Столыпин распорядился не давать им в Совете огласки, и дело ограничилось словесным докладом мною собранию некоторых общих данных, хотя, конечно, из-под руки все знали, в чем дело.

Предположения были одобрены большинством членов Совета по делам местного хозяйства, но под натиском дворянской оппозиции Столыпин отказался от мысли дать ему ход, и проект был спрятан под сукно. Все осталось по-старому, но с этих пор и политика Столыпина пошла под гору и стала разменяваться на бесполезные выступления с мерами борьбы с Финляндией, по проведению Амурской железной дороги и т. п. Все

это были очень выигрышные выступления, с точки зрения успеха в Думе и обществе, но бесцельные и даже вредные, с точки зрения интереса государственного. В конце концов от всех начинаний Столыпина осталось и прошло в жизнь только одно, правда крупнейшей важности — законы о землеустройстве. Административный же и полицейский фундамент империи остался в архаическом состоянии, совершенно не приспособленным к новым требованиям, выдвинутым жизнью, и государству пришлось тяжело поплатиться за это, когда настали трудные времена.

Уступки и видимое ослабление политики Столыпина ободрили его врагов в Государственном совете, где начался прямой против него поход, имевший следствием отклонение и затяжку в рассмотрении исходивших от него законопроектов, даже таких внеполитичных и вызывавшихся давно назревшей потребностью, как попытка улучшить положение статистической части в империи.

Этим и закончилась попытка укрепления аппарата власти.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

За время состояния в должности товарища министра внутренних дел мне пришлось несколько раз навлекать на себя неудовольствие государя.

Как-то в конце 1907 г. П. А. Столыпин получил от государя поданное неким доктором Кацауровым всеподданнейшее прошение, начинавшееся словами: «Жалует царь, да не жалует псарь». Проситель жаловался, что последовавшее в свое время высочайшее повеление о выдаче ему пособия на издание газеты «отменено» товарищем министра Крыжановским, который не только отказал в пособии, но даже угрожал закрыть газету, а затем все возбуждавшиеся им, Кацауровым, новые ходатайства по тому же предмету оставил без ответа. «Я обратился,— заканчивал проситель к Меншагину,— но и от него ответа не получил».

На прошении этом его величество начертал: «На каком основании Крыжановский позволил себе не исполнить моего повеления, и кто такой Меншагин?»

Дело было так. За несколько месяцев перед тем П. А. Столыпин передал мне полученное им от государя всеподданнейшее прошение того же Кацаурова о выдаче пособия издаваемой им в Ярославле газете «Русский народ»[39]. На прошении была высочайшая резолюция: «Желательно поддержать, если издание того заслуживает». «Посмотрите в чем дело,— прибавил Столыпин,— и поступите в соответствии».

Газета представляла собою бесцветный листок крайнего правого направления, наполненный демагогическими выпадами против правительства, которое именовалось, как называли его когда-то славянофилы, «зловредным средостением между царем и народом» и подстрекательст-

вом рабочих против фабрикантов и всего экономического строя. Одним словом, эта газета относилась к числу тех крайне правых изданий, которые, как например, «Почаевский листок», совпадали в своей социальной программе и в способах воздействия на массы с изданиями крайних левых партий.

Отказав по сему на точном основании высочайшего повеления в выдаче пособия на издание, «как того не заслуживающее», я вместе с тем при свидании с губернатором Римским-Корсаковым обратил его внимание на то, что газету, если она не изменит своего направления, следовало бы прикрыть.

После этого Кацауров несколько раз напоминал мне письмами о ставшей ему откуда-то известной высочайшей резолюции, которую он толковал в смысле повеления выдать пособие, и, не получив ответа, обратился с письмом к курьеру Меншагину, который, как все заинтересованные лица знали, развозил по назначению суммы негласных пособий, назначаемых по разным поводам от министерства внутренних дел.

Все это я изложил в рапорте министру, который, вместе с набором номеров газеты, и был представлен Столыпиным, при его всеподданнейшем докладе, на благовоззрение его величества. Через несколько дней доклад вернулся с знаком высочайшего рассмотрения (палочка и две точки). Объяснения были, видимо, признаны заслуживающими уважения. Кацауров пособия не получил, и газета его заглохла.

Через несколько месяцев после этого в Совете по делам местного хозяйства рассматривался выработанный министерством внутренних дел проект преобразования губернского управления.

Совет по делам местного хозяйства, образованный еще при В. К. Плеве, но созванный впервые Столыпиным, был в то время модным учреждением, как его называли «Преддумьем», так как через него предполагалось проводить все законопроекты, касающиеся местного управления, прежде внесения их в Думу. Он был образован из представителей губернских земств и крупнейших городов, по закону приглашаемых министром внутренних дел, по его усмотрению, в действительности же — избирае-

мых этими учреждениями. В нем участвовали, по особому приглашению, также некоторые губернаторы и предводители дворянства. Столыпин рассчитывал найти в этом учреждении как составленном из деловых земских и городских элементов точку опоры для последующего проведения законопроектов в Государственной думе, где деловитость обсуждения нередко отодвигалась на задний план партийными соображениями и лозунгами.

Мне приходилось обычно председательствовать в Совете, заменяя министра, который являлся председателем его по закону, и я получил инструкции стремиться к возможному согласованию точек зрения в Совете, ни в чем, однако, не стесняя прений и соблюдая всевозможную любезность и предупредительность в отношении местных представителей.

И на этот раз, как обычно, все шло гладко и деловито, прения текли и, наконец, дошли до статьи проекта, определяющей в общем виде права и обязанности губернаторов и их положение в отношении правительства.

Действовавший по этим предметам закон весьма отстал от жизни. Он был издан в то время, когда губерний и губернаторов было мало, когда губернаторы являлись в них полными хозяевами, самые задачи управления были гораздо менее сложны и потому высочайшая власть имела возможность более или менее входить в местные дела и непосредственно руководить деятельностью губернаторов. В соответствии с сим закон давал губернаторам высокое положение в общем кругу государственных установлений и широко очерчивал их полномочия. Закон гласил: «Губернаторы, как непосредственные начальники вверенных им высочайшею государя императора волей губерний, суть первые в оных блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия. Губернаторы получают указы и повеления только от императорского величества и правительствующего Сената, и представляют рапорты и донесения лишь государю императору и правительствующему Сенату».

Время шло, количество губерний умножалось, росли число и сложность местных учреждений, многие из них выходили из-под ведения

губернаторов и становились независимыми, как, например, судебные и контрольные, или лишь состоящими под надзором губернатора, как земские и городские. Вместе с тем, увеличивалась непосредственная зависимость отраслей управления от центральных ведомств, сносившихся с ними, минуя губернатора. В связи с усложнением государственного строя верховная власть теряла возможность непосредственно руководить ходом губернского управления. Положение губернаторов принижалось. Из представителей верховной власти, какими они когда-то были, губернаторы становились органами правительственного надзора, фактически представителями министра внутренних дел, сохраняя прямую власть управления преимущественно лишь в области охраны порядка и спокойствия. Несоответствие этого положения с определением, какое давал положению губернатора закон, в связи с тем обстоятельством, что они продолжали представлять всеподданнейшие отчеты по управлению губерниями непосредственно его величеству, а, следовательно, сохраняли прямые отношения к верховной власти, вносило немало недоразумений, а, случалось, и нарушало дисциплину в управлении ведомством, открывая для губернаторов формальную возможность становиться в оппозицию министру и пытаться проводить личную политику путем непосредственного обращения к престолу.

Исходя из такого положения вещей, проект министерства внутренних дел давал власти губернатора определение в выражениях, более соответствовавших действительному положению, приравнивая его приблизительно к положению, префекта, представителя правительства, первого в губернии чиновника. В новой формуле губернаторской власти не заключалось более и указаний на их первенство в защите на местах прав самодержавия.

Текст статьи вызвал бурные протесты со стороны нашумевшего впоследствии А. Н. Хвостова, в то время нижегородского губернатора, одного из представителей личных устремлений в местной политике.

Это был человек очень неглупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам, и вдобавок совершенно

аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки. Эти печальные свойства характера подчеркивались карикатурной внешностью, напоминавшей облик гориллы или иного антропоида. «Соловей-разбойник», как его называли в губернии.

Он долго декламировал, подымая вопрос на неподобающую высоту и явно стараясь выставить на вид свою исключительную преданность престолу. Никто, однако, даже из числа губернаторов, которые все, разумеется, в душе не одобряли проекта как умалявшего их положение, Хвостова не поддержал, и статья была принята в редакции министерского проекта.

Когда перешли к следующей, в зале появился представитель саратовского губернского земства С. А. Панчулидзев, отставной кавалергард, автор истории полка, человек крайне неуравновешенный, одержимый манией величия. Он стал просить слова и заявил, что, будучи вызван великой княгиней Марией Павловной, не мог вовремя прибыть в заседание и принять участие в обсуждении названной статьи и протестовать против этой части проекта и потому просит вернуться к ее обсуждению.

Закончив рассмотрение очередной статьи, я просил собрание вернуться к предшествовавшей и заслушать мнение Панчулидзева. Оно свелось к тому же примерно, что и мнение Хвостова, только было выражено в еще более крикливой форме. Панчулидзев усматривал в проекте нарушение прав верховной власти и чуть ли не государственную измену. Преувеличенный тон его слов резал ухо и вызвал в собрании ропот неудовольствия. Никто к оратору не присоединился, и мне ничего более не осталось, как еще раз удостоверить, что статья принята Советом, и предложить несогласным, если они пожелают, приложить к журналу свое отдельное мнение, что, сколько помнится, кто-то из них и сделал. Обиженный Панчулидзев демонстративно вышел из зала и более в заседаниях не появлялся *.

* Любопытно отметить, что после революции тот же Панчулидзев немедленно перекинулся на сторону новой власти и стал вместе с Щегловым издавать материалы по Каракозовскому делу, хранившиеся в архиве Государственного совета.

Прошло недели две или более, и вот Столыпин получил от государя записку следующего примерно содержания: «До сведения моего дошло, что в заседании Совета по делам местного хозяйства товарищ министра Крыжановский настоял на изменении закона о губернаторах в смысле отмены обязанности их блюсти права самодержавной власти. Что это значит? Я слышу о его действиях не первый уже раз».

Донося министру рапортом, как происходило дело, я пояснил, что проект губернской реформы был составлен по личным его, министра, указаниям, что он был рассмотрен в Совете министров, причем спорная статья останавливала на себе особое внимание, подверглась всестороннему обсуждению, была одобрена и самый журнал Совета министров по делу с изложенными в нем суждениями был высочайше утвержден. При таких условиях, заступая место министра по председательствованию в Совете, я, если бы и хотел, не имел бы права противиться принятию спорной статьи как высочайше одобренной.

Вместе с тем, ввиду содержавшегося в высочайшей записке прямого указания на то, что действия мои и ранее вызывали неодобрение его величества, я приложил к рапорту всеподданнейшее прошение об увольнении от службы по болезни, прося П. А. Столыпина повергнуть его на благовоззрение государя.

Столыпин повез рапорт к государю и вернул его мне с своей надписью: «его величество изволил признать действия сенатора Крыжановского правильными, а ходатайство его об увольнении от службы повелел оставить без последствий». Очевидно, что на такой именно резолюции Столыпин и должен был настаивать, так как неодобрение моих действий являлось бы прямым осуждением его, Столыпина, политики в довольно для него щекотливом вопросе. Поэтому и высочайшая резолюция, отмеченная Столыпиным, могла быть лишь уступкой со стороны государя его настояниям. Обстоятельство это как бы подтверждалось тем, что Столыпин взял с меня слово сохранить весь этот эпизод в строжайшей тайне.

Кто донес государю подобную нелепость, Хвостов или Панчулидзев осталось невыясненным, так как, по словам Столыпина, государь замял разговор и уклонился от ответа.

Наконец, последний случай из известных мне относится к ряду столкновений с вождем «Союза русского народа», А. И. Дубровиным.

Дубровина я увидел впервые 12 августа 1906 г., в день, когда была брошена бомба на даче мин[истра] вн[утренних] дел, на Аптекарском острове. Утром (я жил тогда на соседней казенной даче) приехал Пуришкевич, которого я давно знал по службе в министерстве, и привез с собой Дубровина, ранее мне не знакомого. Оба они направлялись на прием к Столыпину, намереваясь жаловаться на действия какого-то исправника, чинившего якобы кому-то из них незаконные притеснения. Я стал уговаривать их не беспокоить министра подобными пустяками и обратиться к товарищу министра, ведавшему полицией, но они упорствовали. Во время этого разговора раздался взрыв на министерской даче, и когда мы прибежали на место, то Дубровин, врач по специальности, подал первую помощь пострадавшим, в числе их и детям Столыпина. С этого и началось их знакомство.

Дубровин и Пуришкевич в это время были заняты созданием «Союза русского народа», учреждения, которое, по мысли своей, являлось прототипом союза фашистов, спасшего Италию на наших глазах от захвата власти большевистскими элементами.

Усилия «Союза русского народа» были направлены на защиту русской исторической государственности от внутреннего натиска элементов разрушения, возглавлявшихся партией социал-революционеров,— в области политического террора, и кадетов — в области принципиальной оппозиции и подкапывания власти в общественном мнении. Основная идея Союза — восполнить на началах самообороны, «око за око, зуб за зуб», недостатки правительственной охраны, связанной государственными формальностями; она могла бы, как и показал опыт Италии, принести спасительные результаты, но многие причины помешали ей развиться в полезном для государства направлении.

К числу их относились: неуклюжесть приемов вождей, их упорное стремление связать себя с правительством и вовлечь его агентов в свои организации, а, главное, наклонность к демагогии в направлении, сближавшем их с их противниками. Крайнее правое крыло этого движения усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику. Различие было почти формальное, и в этом обстоятельстве следует, по-видимому, искать объяснение того странного, на первый взгляд, явления, что крайние правые и крайние левые элементы так легко переходили и переходят у нас из одного лагеря в другой.

Иначе, вероятно, вожаки и не могли бы увлечь за собою массы населения, так как последние, по особенностям нашей среды, не понимали иных призывов, кроме обещаний раздела земель — в деревнях и захвата фабрик,— в городах. К этим именно мыслям они были подготовляемы пропагандой интеллигентных классов, начавшейся еще в шестидесятых годах, и текущей проповедью полуинтеллигентов — учителей, статистиков, агрономов и т. п., которая непрерывно текла из школ и из среды «третьего земского элемента», переполненных разного оттенка социалистами.

Но, разумеется, эта сторона деятельности правой демагогии становилась пунктом столкновения с правительством, стоявшим в земельном вопросе на точке зрения мирной эволюции, не нарушавшей начала собственности и стремившейся сохранить крупное культурное землевладение, без которого не может существовать ни сельское, ни государственное хозяйство. Попытки же сдержать пропаганду в необходимых границах имели следствием со стороны вождей движения обращения к престолу, в которых действия правительства подвергались ожесточенной критике, не стесненной истиною, и изображались как признак равнодушия к охра-

не исторических начал и как проявление соглашательства с политическими группами, стремящимися захватить государственную власть в свои руки. Понятно, что такие наветы, часто и настойчиво повторяемые, производили свое действие и вызывали со стороны государя подозрительное отношение к отдельным лицам, входившим в состав правительства, и к их действиям.

Мое положение в этих обстоятельствах было особенно деликатное и невыгодное, так как я ведал фондом, из которого выдавались негласные пособия на надобности, связанные с поддержанием политических партий и лиц, содействующих охранению порядка. В числе их одно из главных мест занимали, конечно, правые партии и их печатные издания. Приходилось делать выбор тех, кто был полезнее, и сообразоваться с размерами имевшихся средств, которых не могло хватать на все нужды, а тем более на все желания. И в то время, как П. А. Столыпин при кратких, по необходимости, беседах с лицами, непосредственно к нему обращавшимися, мог ограничиваться немногими словами и давать широкие обещания, направляя за подробностями и за исполнением этих обещаний ко мне, на мою долю выпадала неблагодарная задача входить в рассмотрение каждого отдельного случая по существу, расценивать обстоятельства и людей, торговаться с ними, нередко отказывать в выдаче денег как по их недостатку, так и по несоответствию просителя или его целей, которое выяснялось при ближайшем ознакомлении; приходилось и прекращать выдачу пособий лицам и изданиям, отклоняющимся от приемлемого для правительства направления деятельности. Наконец, через меня, в связи с выдачей пособий, текли по адресу вождей и выражения неудовольствия правительства и разного рода требования, нередко трудно исполнимые, так как Столыпин отличался повышенной чувствительностью к личным на него нападкам. Отсюда, разумеется, рождалось раздражение против меня всех, кто считал себя обиженным этими разговорами или недостаточно поощренным, и причины своей неудачи склонен был усматривать в личном моем нерасположении или пристрастии.

На этой почве создались вскоре и неприязненные отношения ко мне со стороны А. И. Дубровина. Первое время, по распоряжению Столыпина, ему было назначено пособие на нужды Союза («Союза русского народа».— *А. Л.*) и на издание газеты «Русское знамя»[40], в размере 15 000 руб. в месяц, но вскоре издание это приняло такой тон по отношению к правительству, что пришлось поприжать Дубровина и передать пособие в распоряжение Пуришкевича как проявлявшего более понимания и такта. В дальнейшем правительство обратило главную долю средств, ассигнуемых на поддержку правых партий, в распоряжение наиболее выдававшегося в этой области деятеля о[тца] Восторгова, человека очень властолюбивого и находившегося в неприязненных отношениях с Дубровиным; затем средства начали направляться и в распоряжение Н. Е. Маркова. Дубровин приписал почему-то эти меры моему влиянию и с тех пор начал усиленно жаловаться на меня повсюду, а, в частности, через посредство генерала Дедюлина, в то время дворцового коменданта, и адмирала Нилова, флаг-капитана его величества, людей весьма порядочных, но очень узких, доводить свои неудовольствия до высоты престола, рисуя меня чуть ли не революционером и понося всячески в своей газете; ему вторил по городу и князь Андроников, успевший втереться в круги близкие ко двору.

И вот, однажды, по поводу помещенной в «Русском знамени» статьи, в которой Дубровин изливал жалобы на недоброжелательное, якобы, отношение мое к правому делу и утверждал, что у редакции имеются документальные тому доказательства, последовал со стороны его величества вопрос к Столыпину, сделанный с требованием объяснений и документов, о которых говорилось в статье. Вопрос сопровождался, видимо, выражением крайнего неудовольствия, так как Столыпин был очень озабочен и несколько раз переспрашивал, может ли заверить государя, что у Дубровина нет каких-либо моих писем или иных документов, о которых говорилось в статье. Чтобы успокоить Столыпина, я подал ему официальный рапорт, в котором удостоверил, что заявления Дубро-

вина не соответствуют истине и что у него никаких компрометирующих документов быть не может, ибо таких и не существует.

Всеподданнейший доклад по этому делу был сделан Столыпиным устно и кончилось тем, что он распорядился наложить на газету штраф в размере 3 000 руб. Мера эта, от принятия которой я тщетно его отговаривал, имела, разумеется, следствием усиление агитации в придворных кругах, перешедшей одновременно и на страницы «Гражданина»[41], в котором одна за другой стали появляться статьи, прямо или косвенно направленные против меня.

Издателя этого журнала князя Мещерского мне никогда не приходилось встречать, но он имел и личный против меня зуб, так как однажды, во время отсутствия Столыпина, мне пришлось, по требованию В. Н. Коковцова, поприжать газету в лице ее ответственного редактора за ряд неприличных статей, помещенных в ней против Извольского. Признаться, я сделал это скрепя сердце, но пришлось подчиниться требованию, исходившему от заступающего место председателя Сов[ета] Министров, да и сами статьи действительно были недопустимы в субсидируемом органе печати. Пришлось по этому поводу дать понять редактору, что и пособие (Мещерскому выдавалось по мин[истерству] финансов, на основании высочайшего повеления, кажется, еще императора Александра III по 40 000 руб. в год) может быть от него отнято, и вообще обойтись с ним круто, так как он оказался порядочным нахалом. Обстоятельство это, конечно, не замедлило подлить масла в огонь.

В первых числах сентября 1915 года И. Л. Горемыкин, вызвав меня на дачу на Елагин остров, сказал, что едет на следующий день в Ставку и будет просить государя о назначении меня министром внутренних дел.

Предложение мало меня пленило. Я успел привыкнуть к своей новой, очень приятной должности, и мысль переменить ее на самую беспокойную, притом в такое время и при недоверчивом ко мне отношении государя, не имела ничего привлекательного. Я предупредил Горемыкина, что он встретит, вероятно, со стороны его величества отказ и старался

отговорить его, чтобы не поставить и себя, и его в неловкое положение. Старик, по обычаю своему, прервал с раздражением: «Ну что за глупости Вы говорите! Раз я берусь за дело, то действую не зря, все обдумав и все предусмотрев. Не такое теперь время, чтобы государь стал перечить. Нужно посадить в Министерство того, кто долго там служил и хорошо его знает, а другого нет».

Горемыкин так был уверен в успехе своего ходатайства, что брался одновременно переговорить с его величеством о мерах, которые я считал условием успешного исполнения обязанностей, лежащих на министре внутренних дел. Сюда относилось, прежде всего, немедленное и весьма значительное усиление столичной полиции с образованием в составе ее специальных частей, поставленных, как в Париже, на военную ногу, сформированных из отборных офицеров и нижних чинов, способных к подавлению мятежных движений не только среди фабричных рабочих, но и среди запасных войск С.-Петербургского гарнизона, в то время уже затронутых пропагандой. Мера эта была столь очевидно необходима, что ни один человек, знакомый с положением в столице и с тем, что происходило в России в 1905 году, не мог без нее по чистой совести принять назначения, которое предлагал Горемыкин.

По желанию Горемыкина я послал ему наутро вдогонку программу ближайших подсобных мер, необходимых для поддержания порядка и укрепления положения правительства в Думе, которая сводилась к следующему:

1) разгрузить немедленно Петербург и его ближайшие окрестности от запасных войск.

2) на время впредь до преобразования и усиления полиции вернуть в Петербург на отдых гвардейскую кавалерию.

3) договориться с поляками — членами Государственного совета и Государственной думы и ценою уступок в вопросе о будущей судьбе Польши оторвать их от оппозиции и привлечь на сторону правительства.

4) прекратить немедленно нелепое гонение на русских немцев, вчиненное по настоянию или по примеру (точно не знаю) союзников* и подогретое нашими шовинистами, запрятать это дело в долгий ящик, договорившись на этой почве с членами Думы, явно и тайно в том заинтересованными, а их было много, и обеспечить правительству их голоса.

Думаю, что совокупности этих нехитрых мер, при условии, разумеется, оказания Думе всяческого внимания и при разумной внутренней политике, было бы достаточно, чтобы дотянуть благополучно до конца войны, не подвергаясь риску волнений в Петербурге**.

Через два дня Горемыкин вернулся из Ставки с известием о назначении А. Н. Хвостова. При встрече в тот же день в Совете министров он молча поздоровался со мною и развел руками. Я не стал его расспрашивать. Лодыженский же, управляющий делами Совета, по-видимому, метивший на мое место, передавал мне со слов Горемыкина, что тот встретил у государя неожиданный резкий отпор.

На 1-ое января 1916 года я был пожалован в статс-секретари его величества, как я имел основание думать, по настоянию Горемыкина.

Явившись однажды к государю с всеподданнейшим докладом, я застал его читающим книгу. Заметив невольно брошенный на нее взгляд, государь показал книгу и спросил: «Читали ли Вы?». Это был нашумевший в свое время рассказ полковника Родионова «Наше преступление». Я ответил, что не только читал, но и знал местность, к которой относится действие рассказа. Родионов описывал в своей книге быт южной части Боровичского уезда, прилегающей к уезду Валдайскому, где я начал в

---

* Глупейшие меры эти имели следствием разорение десятков тысяч образцовых хозяйств, лишили нас в самое трудное время обильного источника продовольствия и снабжения, ударяли по двумстам тысячам лиц немецкого происхождения, состоявшим в рядах армии, и дали первый толчок к массовым беспорядкам и разграблению имуществ в Москве и С.-Петербурге; мало того, поднятая ими волна начинала хлестать и по ступеням трона тем более, что в составе лиц, входивших в царскую семью в ее широком понимании, были подпадавшие под действие этих мер (герц[оги] Мекленбург-Стрелецкие).

** Имей правительство в своем распоряжении 27 февраля 1917 года четыре полицейских батальона и десяток броневиков, и бунт был бы подавлен в зародыше; волнения же вне столицы особого значения не имели, и к ним можно было относиться спокойно.

1889 году службу в должности судебного следователя. «Неужели правда то, что здесь написано? Мне не хотелось бы верить». На мой ответ, что в книге, как водится, сгущены краски, но описанные в ней проявления деревенского хулиганства представлялись для данной местности явлением обыденным уже и в мое время, а за последующее, с общим ростом распущенности, случаи вероятно участились, государь выразил недоверие: «Нет, я все-таки этому не поверю. Человек, который это написал, просто не любит народа»[42].

МОЯ ВСТРЕЧА С ИМПЕРАТРИЦЕЙ АЛЕКСАНДРОЙ ФЕДОРОВНОЙ

В 20-х числах ноября 1916 года, около двенадцати часов ночи ко мне позвонил по телефону инженер П. И. Балинский, прося принять по срочному делу. Балинского я знал по прежней службе в Министерстве внутренних дел, когда он проводил проект устройства в Петербурге метрополитена, знал за человека очень умного и талантливого, но уже лет десять-пятнадцать совсем потерял из виду и лишь изредка встречал на улице. Хотелось спать, и я пытался отделаться от посетителя и перенести его на утро, но Балинский настаивал, говоря, что дело близко касается моих интересов и не терпит отлагательства. Я уступил, и он приехал ко мне в первом часу ночи.

Балинский объяснил, что прислан с доверительным поручением статс-дамой Е. А. Нарышкиной по поводу совершенно необыкновенному. Она получила, якобы, из Ставки, где в те дни находилась императрица, телеграмму с поручением устроить свидание мое с Распутиным, дабы сообщить его впечатления. По словам Балинского, в Ставке были суждения о переменах в составе правительства, в связи с чем и стоит поручение. Он, видимо, полагал, что это сообщение должно быть мне очень приятно.

Я ответил, что будучи верным слугою государя, готов нести всякие обязанности, какие его величеству угодно будет на меня возложить, но лично ничего не ищу и ничего не сделаю для того, чтобы получить то или иное назначение, сколь бы оно почетно ни было. Если государь прикажет мне принять Распутина, то я его приму гласно и открыто, как и всякого другого; подвергаться же его обозрению в предлагаемых условиях не согласен, и самую мысль проходить чрез подобные испытания

считаю для себя обидною. Балинский сказал, что Е. А. [Нарышкина], предвидя подобный ответ, поручила ему осведомиться, не соглашусь ли я на то, чтобы где-либо в частном доме «например у меня,— сказал он,— Распутин мог бы, хотя издали, вас увидеть, пройдя лишь через комнату, в которой вы будете находиться, дабы он имел возможность удостоверить, что вас видел и знает». Разумеется, я и от этого отказался, с чем Балинский и уехал. Весь его рассказ оставил впечатление чего-то недоговоренного.

Спустя несколько дней, вернувшись домой к завтраку, я узнал, что в мое отсутствие дважды заезжал митрополит Питирим и просил дать знать ему по телефону, как только я вернусь домой. Митрополита я видел лишь раз примерно за год перед тем, когда он приезжал ко мне в Мариинский дворец, место моей службы, справляться о деловых и нравственных качествах служившего в Государственной канцелярии князя Н. Д. Жевахова, впоследствии товарища обер-прокурора Св. Синода и произвел впечатление очень умного человека, резко выделявшегося из общего уровня наших иерархов; тогда, между прочим, в разговоре он спросил меня, не согласился ли бы я занять должность обер-прокурора Синода, на что я ответил, конечно, отрицательно, обратив весь разговор в шутку; через день я отдал митрополиту визит и провел у него минут десять с Э. Б. Войновским-Кригером, которого там застал. Этим отношения наши и ограничились. Я позвонил к митрополиту, и тот сообщил, что приезжал по высочайшему повелению переговорить «о деле государственной важности», как сказал он; просил его принять.

Мне не хотелось, чтобы его карету лишний раз видели у моего подъезда, а потому сам отправился к нему в Лавру.

Митрополит сказал, что государь поручил ему переговорить со мною доверительно о следующем. Его величество озабочен приисканием подходящего лица на должность председателя Совета министров, которую он находит необходимым, по обстоятельствам военного времени, соединить непременно с должностью министра внутренних дел. Он имеет в виду несколько кандидатов, но прежде, чем решить, к кому обратиться, жела-

ет заранее знать отношение их к некоторым вопросам, чтобы избежать затем неприятных разговоров, так сильно, по словам митрополита, надоевших его величеству. «Этими вопросами являются,— продолжал владыка,— отношение к Протопопову — раз, и к известному лицу — два». «Т. е. к Распутину,— спросил я,— да, к Григорию Ефимовичу».

Вопросы, как и весь разговор, были для меня неожиданностью, тем более, что личное недоверие государя было мне хорошо известно и государь всего лишь год назад отклонил вторичную просьбу Горемыкина о назначении меня министром вн[утренних] дел. Может быть, поэтому именно я запомнил точно свой ответ. Я ответил, что вполне доволен своим теперешним положением и ничего не ищу, а потому скажу свое мнение откровенно. Протопопова я считаю человеком совершенно ничтожным, лишенным к тому же всякой подготовки и знаний и не способного быть не только министром, но и делопроизводителем в любом министерстве. Он не более, как пустое место, ничего не делает и делать не может, все сбросил на руки товарищей, и сам занимается одной болтовней. Практически он совершенно безвреден, но агитация, поднятая против него бывшими думскими друзьями, основанная, без сомнения, на том, что он принял назначение, не спросивши их, и повернул направо, а, может быть, и потому, что они боятся Протопопова как человека, знающего много лишнего, делает пребывание его в среде правительства совершенно нежелательным.

Митрополит пояснил на это, что его величество сам сознает непригодность Протопопова как министра, но не считает возможным теперь же его уволить, вся поднятая против него травля исходит, по убеждению государя, от тех самых лиц, которые, как Родзянко, только что перед тем советовали назначить Протопопова министром торговли и всячески его хвалили и которые все ополчились против, как только государь, по своему почину, дал ему другое назначение. «Стоило мне его назначить,— сказал, по словам Питирима, государь,— как тотчас Протопопов оказался сумасшедшим». Поэтому его величество хотел бы несколько отсрочить выход Протопопова из состава правительства, но так как

он находит необходимым соединить должности председателя Совета с министром внутренних дел в одном лице, то предполагает поместить Протопопова на должность министра иностранных дел.

Я ответил, что назначение Протопопова министром иностранных дел представлялось бы уже совершенно невозможным как потому, что придаст новую пищу толкам о намерении правительства заключить сепаратный мир, так и потому, что в роли министра иностранных дел Протопопов способен причинить своею невоздержанной болтовнею величайшие осложнения. Поэтому, раз его величеству угодно отсрочить увольнение Протопопова, то я предпочел бы сохранить его еще некоторое время министром внутренних дел с тем, чтобы мне было предоставлено право избрать ему товарищей министра по моему усмотрению; этим путем я мог бы держать министерство в руках до времени, когда удастся убрать Протопопова окончательно; мне при этом пришло в голову имя М. Э. Ячевского, петрковского губернатора, который, будучи назначен товарищем министра, ведающим полицией, превосходно справился бы с этой, первенствующей задачей ведомства, да, кстати, как человек очень ловкий, нашел бы способ выжить поскорее Протопопова.

Что касается «известного лица» сказал я, то я смотрю на дело так. Государь волен совещаться с кем ему угодно и о чем ему угодно, в том числе и с Распутиным, и никто не вправе в их отношения вмешиваться. Если, однако, лицо, с которым государь частным образом совещается, станет выносить секрет этих отношений на улицу, а тем более похвалятся своим положением, лезть к министрам и расточать обещания, то при этих условиях служить на ответственном месте я не счел бы возможным. Вообще же, если бы государю, к величайшему моему смущению, угодно было возложить на меня те обязанности, о которых идет речь, то я очень просил бы его величество облегчить мне на первых порах их выполнение, согласившись на временный отъезд Распутина из столицы, а, главное, разрешив обезвредить тот круг проходимцев, которые эксплуатируют «старца» в своих видах, путем административной их высылки на время войны в места более или менее отдаленные.

Вместе с тем, идя навстречу пожеланиям государя в этих двух вопросах, как затрагивающих его личные чувства, я должен был бы заранее просить соизволения его величества на осуществление некоторых мер, необходимых для обеспечения государственного и общественного порядка в переживаемое тяжелое время.

Я просил бы, прежде всего, изменить, хотя бы на время войны, существующий порядок всеподданнейших докладов в том отношении, чтобы за исключением министров императорского двора, военного и морского, один лишь председатель Совета имел бы у его величества личный доклад; всеподданнейшие же доклады всех остальных министров производились бы ими совместно в заседаниях Совета министров под личным его величества председательством, и лишь в крайних случаях единолично, но в присутствии председателя Совета. Во-вторых, чтобы Петербург был изъят из подведомственности военным властям и подчинен на общем основании гражданской власти с предоставлением председателю Совета министров голоса в вопросах о расквартировании резервных войск, скорейшее сокращение численности коих вообще и в Петербурге и его окрестностях, в частности, я считал бы первейшим условием порядка; далее, чтобы наиболее надежные части гвардии были немедленно возвращены в Петербург или поставлены по-близости к нему и, наконец, чтобы немедленно же были образованы специальные полицейские батальоны из отборных второсрочных солдат, предназначенные для поддержания порядка и свободные от посылки на фронт,— одним словом, это были большею частью меры, необходимость коих сознавалась всеми и которые как бы висели в воздухе.

Митрополит все это тут же записал на бумажке, и мы на этом расстались. Он обещал постараться устроить так, чтобы в случае, если его величеству угодно было ко мне обратиться, Распутин уехал бы на более или менее продолжительное время из Петербурга и вообще сидел бы смирно. На мой вопрос, кто такие другие кандидаты, имеющиеся в виду его величества, он сказал, что знает только одного, а именно графа

А. А. Бобринского, который очень домогается назначения и, как выразился митрополит, «в ногах валяется» — у кого не сказал.

Ответ его величества митрополит обещал дать через несколько дней.

Вечером в тот же день ко мне явился директор одной из петербургских гимназий, фамилию которого, по настоятельной его просьбе, я обещал не называть и сказал, что Гр[игорий] Распутин поручил ему осведомиться, не соглашусь ли я встретиться с ним, чтобы поговорить по делу. Директор так был полон своею миссией, что, по-видимому, не допускал мысли о возможности отказа. Я, разумеется, отказался и в довольно резкой форме выпроводил посетителя *.

Спустя несколько дней, кажется три или четыре, митрополит уведомил меня, что государь изволил изъявить согласие на изложенные выше предположения, касавшиеся Протопопова, равно как на изменение порядка всеподданнейших докладов, каковое он признал вполне целесообразным, за исключением, впрочем, докладов министра иностранных дел, в отношении коих государю угодно было сохранить существующий порядок. Что касается остальных предположений, то его величество не счел возможным допустить какое-либо вмешательство гражданской власти в расквартирование резервных войск, опасаясь трений, которые отсюда могут возникнуть, и не согласен перевести части гвардии в Петербург, чтобы не обидеть армии поставлением их в льготное положение; по тем же причинам он не согласен и на укомплектование воинскими чинами особых батальонов столичной полиции с освобождением их от службы на фронте. Митрополит пояснил, что по его мнению, государь в этих вопросах не пойдет ни на какие уступки.

---

* Не без удивления я прочел впоследствии в показаниях Манасевича-Мануйлова, данных Чрезвычайной Следственной Комиссии под титулом «интриги Крыжановского», фантастический рассказ о том, будто бы я имел свидание с Распутиным в поезде Николаевской дороги по пути в Москву; это относилось, впрочем, к другому времени. Распутина я в действительности никогда не видел, как никогда не видел Манасевича-Мануйлова, состоявшего, если не ошибаюсь, агентом департамента полиции.

Мне осталось лишь просить митрополита доложить его величеству, что при таких условиях я не считал бы себя вправе согласиться по доброй воле на назначение, которое, возлагая на меня ответственность за поддержание порядка, в то же время не облекало бы меня необходимыми для сего средствами и полномочиями.

Питирим выразил сожаление обороту, какой принимает дело, но вместе с тем и уверенность, что все в конце концов образуется. При этом он сказал, что на случай, если бы мое назначение все же состоялось, он взял с Распутина клятву на кресте и Евангелии, что он немедленно уедет домой или на богомолье, никогда не будет искать встречи со мною и не беспокоить министров своими просьбами; взамен этого Распутин просил обеспечить ему личную безопасность и оградить от покушений.

Прощаясь, я невольно спросил митрополита, чем я должен объяснять его видимое расположение ко мне, человеку ему совершенно не знакомому, проявившееся в заботе устранить с пути такой камень преткновения, каким является Распутин. Питирим ответил, что имеет по отношению ко мне личные виды, ради которых и старается. Он надеется при моем содействии осуществить свою заветную мечту — добиться утверждения в законодательном порядке Положения о православном приходе, воссоздание которого считает первым условием оздоровления и церковной и общественной жизни [43]. Надежда эта возникла у него после того, как он узнал, что еще при Столыпине был мною составлен проект приходского управления, экземпляр которого он получил от В. К. Саблера и который вполне соответствует его пожеланиям. Он прибавил, что хорошо знал моего покойного отца, с которым познакомился в старые годы, когда тот, по поручению К. П. Победоносцева, ездил в Лифляндию исследовать положение православных эстонских приходов (Питирим оказался сыном священника откуда-то из под Риги и там священствовал сам).

Эти его слова давали основание думать, не являлась ли моя столь неожиданная кандидатура результатом подсказки с его стороны и действительно ли он был уполномочен государем на переговоры в такой определенной форме, как он это утверждал. Я высказал эти сомнения,

но Питирим заверял, что говорит по прямому уполномочию его величества. Сам, однако, государь, у которого я был с докладом, правда, уже в конце декабря, ни одним намеком не дал оснований предполагать, чтобы он поручал вести подобные переговоры *. Это был мой последний всеподданнейший доклад; было это вскоре после убийства Распутина. Приехав во дворец в Царском Селе, я думал найти там следы передряги, но, к удивлению, ничего заметно не было. Дежурный флигель-адъютант сказал, что все эти дни государь был непроницаемо спокоен, как будто ничего не случилось. Таким я его и нашел, как всегда любезным и приветливым, с меньшей, хотя это, быть может, мне и показалось, стеклянной заслоненностью взгляда и улыбки, обычно ему присущей.

Спустя несколько дней после свидания с митрополитом, упомянутый князь Н. Д. Жевахов сообщил мне по телефону, что государыня, при свидании с ним накануне, выразила желание меня видеть, чтобы поговорить по делу ее интересующему, но вызывать стесняется, а хочет, чтобы я попросил ее о приеме, позвонив лично по телефону. Опасаясь, не кн[язь] Жевахов ли, по каким-либо личным соображениям старается подстроить это свидание, доложив императрице, что я ищу случай ей

---

* Впоследствии, уже в эмиграции, мне передавал князь Н. Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода, ранее состоявший помощником статс-секретаря Государственной канцелярии, человек близкий митрополиту Питириму и, по всей вероятности, имевший отношения и к «старцу», со слов митрополита о сцене, происходившей якобы в связи с этими разговорами. Рассказ этот настолько фантастичен, что записываю его лишь как курьез, характерный для рассказов и легенд, доходивших в то время и встречавших доверие даже в кругах более осведомленных. Дело было будто бы так. Его величество устроил нечто вроде семейного совета, на котором присутствовали императрица с дочерьми, граф Фредерикс, А. С. Танеев и Распутин. Государь, якобы, показал Распутину список, в котором были отмечены разные имена, и спросил: «Скажи, Григорий, кого мне взять. Распутин просмотрел и указал на мое имя. Государь пристально на него взглянул и спросил: «А ты его хорошо знаешь». Распутин сказал, что лично не видал, но знает от людей, которым верит. «Почему же ты не повидал» — «Потому что он меня не принял». Тут будто бы вскочила с места великая княжна Анастасия Николаевна и набросилась на Распутина: «Если он тебя не принял — значит он тебя боится, а если боится — значит он нам враг. Как же ты его папе советуешь». Государь, с своей стороны, обратился к Распутину с подобным же упреком. Распутин не смутился и, отступив несколько шагов, сказал. «Я указал тебе потому, что он меня не принял. Другие вот, которые на бумажке записаны, в ногах у меня валяются, а этот не принял. Значит, он человек верный, не станет фальшивить». Государь задумался, опустив голову на руки, и сказал «Не могу, слово дал». «Спокаешься, да поздно будет»,— ответил будто бы Распутин и, повернувшись, вышел...

представиться, я ответил, что не решаюсь беспокоить ее величество, а потому, если ей угодно меня видеть, буду ждать вызова. На следующий день кн[язь] Жевахов принес мне письмо к нему А. А. Вырубовой, которая спрашивала, почему от меня не было телефона, что государыня накануне ждала и огорчена, усматривая в этом признак нежелания иметь с нею дело. Положение получалось весьма неловкое. Я позвонил к секретарю императрицы графу Я. Н. Ростовцеву, рассказал ему в чем дело и просил совета, как поступить. Я[ков] Н[иколаеви]ч ответил, что сообщение Вырубовой должно быть понимаемо как требование императрицы и что без всяких колебаний я должен позвонить ей по телефону. Я так и сделал. У телефона оказалась великая княжна Ольга Николаевна, которая подтвердила, что государыня меня ждет и, переговорив с нею, сообщила, что она примет меня в тот же день в пять часов. Кажется, это было седьмого декабря.

В назначенный час я явился в Царское Село, во дворец, и был принят императрицей в ее маленькой гостиной. Императрицу Александру Федоровну мне приходилось неоднократно видеть ранее как на официальных представлениях, так и в заседаниях Комитета помощи раненым в Японскую войну, в котором мне приходилось иногда заменять министра внутр[енних] дел, а в последнее время — в заседаниях Верховного Совета по призрению пострадавших в войне с Германией и Австрией, в котором я был членом и председателем одной из комиссий. Во всех этих случаях императрица являлась нам в виде замкнутой, хмурой и молчаливой женщины, изредка произносившей полушепотом несколько малоразборчивых слов. Ее скорбный вид, сжатые, тонкие губы и малая приветливость создавали впечатление не то брезгливой презрительности, не то какого-то недоброжелательства. Общее отношение к ней было отчужденное, и к рассказам приближенных о том, что Александра Федоровна — женщина с чутким и горячим сердцем, отзывчивая и благожелательная, все относились с недоверием. С таким же недоверием переступал и я порог ее гостиной, невольно поглядывая кругом, не сидит ли где-нибудь в углу, как то утверждала молва, знаменитый «старец».

Тем большим было мое удивление. Я увидел перед собою совершенно другую женщину — простую, приветливую и доброжелательную. Не было и следа тех неприятных впечатлений, которые неизбежно сопутствовали ей раньше. После нескольких мгновений неловкого молчания (я не начинал разговора, выжидая, что она скажет), государыня сказала, что собирается просить меня помочь ей в деле, в котором, как она слышала, я мог бы быть ей полезен. Дело в том, что она хотела бы создать из подведомственных ей различных комитетов и учреждений, ведающих делами призрения, Верховный Совет, Попечительство о домах трудолюбия, Общество материнства и младенчества и т. п. особое ведомство наподобие ведомства учреждений императрицы Марии, так, чтобы в нем было сосредоточено управление всею благотворительною помощью и всем делом общественного призрения в империи, во всех его видах. «Чтобы это было как министерство под моим управлением»,— сказала государыня. Она выражала надежду, что я составлю ей соответствующий проект.

Я ответил, что нахожусь, конечно, всецело в ее распоряжении и что составить проект дело не трудное, но весь вопрос в том, как провести его в жизнь. «То есть как? — удивилась государыня,— его величество утвердит, и все будет сделано». Пришлось, не без некоторого смущения, объяснить государыне, что дело не так просто. Учреждения императрицы Марии представляют собою лишь совокупность отдельных воспитательных и благотворительных заведений, управление коими объединено в подобие особого ведомства, с предоставлением ему некоторых привилегий и особых финансовых источников; ведомство это не получает прямых кредитов из казны и является чем-то вроде автономной корпорации, но этим и объясняется его обособленное положение в кругу целых установлений, отнюдь не органом государственного управления. Между тем, для осуществления мысли императрицы о подчинении ей всего общественного призрения, которое частью возложено, в качестве обязательной повинности, на сословные общества, частью же предоставлено попечению общественных учреждений, распределяется, в порядке

подведомственности, между разными ведомствами и регулируется, хотя и очень несовершенными, но весьма многочисленными законами. Придется все эти законы изменять, возбуждая множество сложных и спорных вопросов и создавая учреждение, резко уклоняющееся от общего типа государственных установлений; кроме того, потребуется и отпуск на это дело из казны ежегодных довольно значительных кредитов. При таких же условиях проведение дела в законодательном порядке через Государственную думу и Совет представляется неизбежным и в то же время почти безнадежным.

Государыня заволновалась: «Неужели Вы думаете,— сказала она — что этого нельзя сделать только потому, что я хочу стать во главе учреждения?» Я стал объяснять, что не в лице причина, а в системе, что нельзя ожидать согласия не только законодательных учреждений, но даже и правительства, если ему предоставлено будет высказаться, на выделение целой отрасли государственного управления в управление как бы частное, каким неизбежно явится ее ведомство, и на освобождение его от контроля правительства, что также неизбежно вытекало бы из факта неприкосновенности и безответственности лица, коему учреждение подчинено, и именем которого будут прикрываться все действия подчиненных исполнителей, проверять кои лично она не будет иметь между тем возможности.

Разгорелся спор, убедивший меня, что Александра Федоровна, при всех ее прекрасных порывах, была совершенно чужда элементарных представлений о государственном порядке, быть может, потому что никто и не пытался объяснить ей значение государственной механики и смысл управляющих ею начал. Вместе с тем, однако, я вынес и другое впечатление, что сама по себе природа государыни, при всей страстности ее отношения к делу и порывистостью характера, представляла благодарную почву для убеждения, если вести его систематически, в спокойном тоне и с принятием на вид ее совершенного незнакомства со всеми этими вопросами, требующего известной элементарности в ходе рассуждения. По крайней мере, может быть, это и была простая случайность, но после

спора, продолжавшегося не менее часа, мне удалось убедить ее отказаться от задуманного преобразования, ограничившись пока развитием тех учреждений, которые состояли уже в ее ведении. Разговор этот она не раз прерывала словами: «Это удивительно. Мне никто раньше не объяснял».

Между прочим, государыня спросила: «И зачем Дума, неужели нельзя было править без нее?» И вот мне пришлось выступать в роли, которая очень удивила бы кадетов — защитника Думы. Я сказал, что Думу надо твердо отличать от думцев и от их возмутительного поведения, и объяснил ту обстановку, в которой возникла мысль о созыве Думы и основания к этому шагу. Сущность этих объяснений, приспособленных к слушателю, сводилась к тому, что с ростом и развитием образованных классов, без которых современное государство технически существовать не может, рождается у них потребность принять участие в управлении. Потребность эта столь же неистребима, как стремление есть и пить, и как бы к ней ни относиться, но считаться с ней приходится. Неудовлетворение потребности влечет за собою попытки насильственного вмешательства в государственную жизнь в форме революционной агитации и политических преступлений. Пока явления эти были слабы и захватывали ограниченные слои общества, с ними боролись обыкновенными средствами ограждения государственного порядка. Когда движение расширилось, пришлось прибегнуть к созданию исключительных положений и к массовой изоляции неспокойных элементов путем административной их высылки в места, где, предполагалось, их деятельность не будет иметь почвы под ногами. Но наступило время, когда и эти меры оказались недостаточными. Административная высылка распространялась все шире и шла вглубь, захватывая низшие классы населения. Число высланных увеличивалось настолько, что в местах своего пребывания они становились угрозой порядку и источником политической заразы. Способы борьбы оказывались недостаточными. Необходимо было поэтому или перейти к более решительным, т. е. к системе правительственного террора, убивающего культурную и хозяйственную жизнь, или

попытаться, удовлетворив политические домогательства образованной части общества, разъединить либеральное течение от социалистическо-революционного и привлечь первое на сторону престола. Это последнее соображение взяло верх и имело следствием создание Государственной думы. В постановке ее допущено, конечно, много ошибок, дано на первых же порах чересчур большое участие крестьянскому элементу, чего нигде на свете не было и что внесло стихийное начало в отношения Думы к правительству. Неправильна в таком громадном и разнородном государстве, как наше, и централизация народного представительства, которая имела следствием склонность к разрешению всех вопросов с чисто теоретической точки зрения, облегчала возможность объединения против правительства всех оппозиционных элементов. Но все же в конце концов одна из целей была достигнута — общественные страсти были до известной степени канализованы в Думе, как в сточной трубе. Кроме того, Дума, и в этом ее главное значение, явилась весьма удобным инструментом для воздействия на настроение страны, которую через ее посредство легче утвердить в убеждении о необходимости принимаемых мер, чем прямыми приказами власти. Но, разумеется, на этом инструменте надо было уметь играть, а этого умения не оказалось, так как Дума после Столыпина была брошена на произвол судьбы и все связи с нею были утеряны.

Но, как бы то ни было, прибавил я, теперь, во время войны, приходится с особой осторожностью относиться к всякой силе, могущей затруднить положение правительства. И так как власть не может висеть в воздухе, то необходимо постараться установить с Думой возможно лучшие отношения, раз власть не считает себя достаточно сильною, чтобы, по примеру Австрии, с самого начала обойтись совсем без Думы, взяв на время войны опасных главарей под замок, что было бы, пожалуй, самое лучшее. Создавшееся же положение самое невыгодное, так как ведет только к усилению взаимного раздражения и ослабляет власть в общественном сознании.

Государыня слушала внимательно и тоже заметила, что этого ей раньше не разъясняли в таком виде, но мне показалось, что эта часть нашей беседы имела менее успеха, чем предшествующая, и она перевела разговор опять на благотворительные темы.

Разговор перешел на призрение пострадавших в войне с Германией, и государыня стала с жаром говорить о своей мысли, которую она старалась проводить в Верховном совете, о необходимости поставить дело так, чтобы все раненые и увечные были возвращены к трудовой жизни, приспособленной к их новым физическим условиям, с доведением их производительности до возможного максимума, и с тем, чтобы те, которым трудоспособности вернуть нельзя, были помещены на дожитие в прекрасно обставленных приютах (проекты таких приютов, не помню кем составленные и одобренные государыней, предполагали для их постройки, не считая содержания, затрату в размере более 3 000 руб. на каждого призреваемого).

Она спросила мое мнение. Мне пришлось и в этом случае возразить против столь широкой постановки дела. Мы слишком бедны,— сказал я,— для такой роскоши, ибо на нее никаких денег не хватит, а их у нас очень мало и без того, тем более, что после войны придется нести чудовищные расходы на возобновление разрушенного хозяйственного оборудования страны. Как ни желательно сделать все возможное для облегчения участи пострадавших от войны, но не следует увлекаться мечтами, которые нельзя осуществить. Положение раненых и увечных надо, разумеется, скрасить, как только можно, но в общем их приходится, скрепя сердце, рассматривать, как людей, попавших под колесо истории, и скинуть со счета; силы же и средства направить на другую, более важную для государства и более осуществимую задачу, а именно на призрение сирот, которые останутся после убитых, и на воспитание из них здоровых и надежных пахарей и солдат, в замену погибших.

Государыня опять заволновалась: «Что Вы говорите, как денег нет? А контрибуция, которую мы получим! Государь дал мне слово, что вся она пойдет на то, чтобы облегчить положение пострадавших от войны,

и я не позволю хоть одну копейку из нее обратить на что-либо другое!» Разговор носил такой откровенный характер, что я не выдержал и спросил: «Неужели Вы верите, государыня, что контрибуция будет?» Она вспыхнула и вскочила со стула: «Не смейте и сомневаться, мы победим, я верю, что мы победим, а раз будет победа, то будет и контрибуция!» В ее голосе было столько искренности, что сомневаться в правде ее чувства не было бы никакой возможности. Это была русская царица, а не немка или англичанка.

Било восемь часов. Я поспешил откланяться и унес с собою чувство глубокого уважения к этой женщине, одаренной несомненно высокой душой, но такой неопытной, легкой добыче для всякого, кто сумеет завладеть ее доверием. Более я ее не видел. 17 декабря убит был Распутин, Александра Федоровна замкнулась дома и перестала где-либо появляться.

СИПЯГИН

Дмитрий Сергеевич Сипягин был человек цельный и крупный. Это был прямой потомок той московской знати, полурусской, полутатарской, крепкой телом и духом, и твердой в вере и в преданности царю, которая строила великорусское государство. Это был, как кто-то удачно сказал, последний боярин старой Московской Руси.

Большого роста, грузного сложения, с крупными чертами лица, большим носом и оттопыренными ушами, он являл все признаки благообразного татарского типа. В мурмолке и в халате он выглядел бы подлинным мирзою или ханом, но душа у него была русская.

Глубокая, хотя, быть может, и формальная религиозность и нелицеприятная преданность царю проникали все его существо в те годы, когда мне пришлось его знать.

Мало кто так твердо, как он, знал церковный устав, так чинно стоял в храме, так истово молился и клал поклоны, так чтил по-старинному свои святыни. Дом его был полон икон, и на груди под рубахой на толстом шелковом гайтане носил он целый пук талисманов: тут были крестики, образки, какие-то кольца, вероятно, родительские венчальные, мешочки, ладанки и многое множество всякого рода других освященных предметов.

Он свято почитал всякий старинный обряд, твердо держал посты, и на столе его можно было видеть и вяленую сырть, и шемаю, и ржевскую пастилу, и соленья, и моченья и всякую иную старинную снедь. И ел он по-старинному, в огромном, мало кому доступном количестве.

Став министром внутренних дел, Сипягин принес в центральное управление тот стиль власти, который более или менее свойствен был всем

министрам из губернаторов и местных деятелей. Он хотел все знать, за всем следить, все видеть, самому все разобрать, войти во все мелочи местной жизни — одним словом, быть губернатором всероссийским. Задача была неосуществима, но Сипягин настойчиво стремился к своей цели, изводя и себя, и своих подчиненных.

Каждый губернатор или иной старший чин, ему представлявшийся по случаю приезда в Петербург, обязан был заранее доставить директору канцелярии список дел и вопросов, о которых он собирался докладывать министру, и по всем этим предметам в департаментах составлялись справки, которые Сипягин тщательно изучал перед аудиенцией. И так как приезжие, желая проявить свое рвение к службе, вносили в списки как можно больше пунктов, то труд по составлению справок, всегда притом крайне срочных, ложился тяжелым бременем на департаменты, приостанавливавшие в разгар губернаторского сезона всякую иную деятельность. Помимо сего, директора и вице-директора должны были все это время заботиться об «осведомленности», т. е. знать и помнить о всех мелких переписках, поступивших с мест, чтобы быть готовыми во всякое время подать справку на письме или по телефону. «Неосведомленности» Сипягин очень не одобрял.

Проводя последовательно эту точку зрения, Сипягин решил обозреть всю Россию в натуре, дабы обо всем иметь непосредственное впечатление. Для этой цели Россия была подразделена на двенадцать очередей, которые Сипягин предполагал объехать в течение двенадцати лет, по одной ежегодно. В первой и единственной из этих поездок пришлось принять участие и мне. Она охватила губернии фабричного Поволжья: Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую и Владимирскую. Предполагалось обозреть их во всех отношениях, но главной целью было ознакомление с положением фабрик и рабочих в связи с выдвигавшейся тогда мыслью о передаче фабричной инспекции в ведение министерства внутренних дел[44].

Надо заметить, что время, когда Сипягин был министром внутренних дел, было временем обостренной борьбы за власть. Необходимость

объединения деятельности министерств в одно целое с особой силой сказывалась в условиях нашей жизни, и все крупнейшие министры: Витте, Сипягин, Плеве стремились, каждый на свой лад, занять первое место и подчинить себе другие ведомства путем постепенного отвоевания от них отдельных частей. У Сипягина, в силу его природы, это стремление, как и все другие, выражалось в несколько архаических формах. Идеалом его был век царя Алексея Михайловича и главной мечтой — стать «ближним боярином» при царе, посредником между страною и монархом, ближайшим его советником и носителем дум и ближайшим же их исполнителем. Идею эту Сипягин лелеял издавна и до конца от нее не отказался. Вся его деятельность была проникнута ею, и эта же мысль неуклонно предносилась ему и во время поездки.

Три месяца готовили мы: Г. Г. Савич, А. Д. Арбузов и я справки по всем предметам, могущим остановить внимание министра при объезде губерний, и повезли с собою чемоданы всяких материалов.

Первой губернией на пути была Ярославская, где сидел губернатором Б. В. Штюрмер, большой ловкач по обстановочной части и мастер пускать пыль в глаза, в то время еще свежий и энергичный человек, крепко державший губернию в руках.

Зная хорошо Сипягина и его слабости, Штюрмер, с самого прибытия нашего на станцию Мологу, окунул его в гущу местной жизни и ее дрязг. Все подвергалось обозрению и изучению и всюду шли доклады и заранее срепетованные и обставленные совещания и, по преимуществу, на тему всего более волновавшую Сипягина,— кто-то и где-то кому-то «сопротивлялся»: тут городское управление, уклоняющееся от оплаты арестного при полиции помещения, там земство, не исполняющее требования о починке дороги; здесь столкновение уездных чинов или учреждений между собою. Все это прославливалось посещением храмов и исторических зданий, обозрением археологических достопримечательностей — все большие слабости Сипягина.

Положение его как посланца государя и «ближнего боярина» особенно при этом подчеркивалось и, надо сказать, с большим умением.

Казалось, все население губернии стремилось видеть министра, и все ликовало. Мы плыли на пароходе вдоль берегов, усеянных народом, проезжали длинной вереницей экипажей по деревням, расцвеченным флагами, входили в храмы и фабрики и выходили из них при радостных кликах толпы.

В Ростове, в торжественном заседании местной Археологической комиссии, устроенном в честь Сипягина, профессор Демидовского юридического лицея И. Я. Гурлянд, состоявший одновременно и секретарем губернского по земским и городским делам присутствия («мыслительный аппарат Б. В. Штюрмера», как говаривал о нем впоследствии В. К. Плеве), провел обширный доклад на тему «Приказ тайных дел царя Алексея Михайловича», в котором подчеркнута была с большим искусством идея «ближнего боярства» и проведены тонкие параллели, сближавшие ее с современностью. Это был елей на душу Сипягина. Он был в полном восторге. «Гурлянд — какая сила»,— восклицал он потом, перебирая в Петербурге воспоминания о поездке.

Вначале сам Сипягин несколько подозрительно оглядывался кругом, опасаясь стать жертвою мистификации, и, собрав по прибытии в Ярославле своих спутников, просил предупредить его при малейшем признаке фальши. Но уже спустя несколько дней обаяние обстановки так его захватило, что когда один из спутников попытался высказать сомнения, то они были встречены столь неблагосклонно, что попытки более не повторялись. Б. В. Штюрмер, с своей стороны, принял меры, чтобы истина не могла проникнуть в свиту министра, и все мы были поставлены под надзор его чиновников особых поручений, всюду за нами следовавших и не отстававших ни на шаг. Отделываться от них было очень трудно.

Под конец пребывания в Ярославской губернии Сипягин посетил Ростов Великий, слушал на монастырском дворе знаменитый ростовский «малиновый» звон — для чего ложился даже на спину среди двора, как того требовал древний обычай от знатоков, желавших возможно лучше воспринять этот звук.

Вечером был обед в тереме ростовских князей, составленный по старинной, княжеских времен, программе. Ели «взвар» и пирожки с гречневой кашей, рассолы, «верченых» кур и т. п. На другой день поехали в село Великое, знаменитое своими огородами и зеленым горошком. Поездка напоминала в уменьшенном виде путешествие Екатерины Великой по Новороссии. Мы плыли по какой-то речушке в ладьях, устланных коврами, слушая пояснения местных археологов — Титова и еще какого-то, фамилии не припомню, повествовавших о далекой ростовской старине. И вот на повороте речки, за стеною камышей, открывается живописная лужайка, и на ней трое пастушков играют на свирелях старинные напевы. Восторг Сипягина. Другой поворот и открывается другая лужайка — на ней снова группа пастухов, играющая что-то на рогах и т. п. Село Великое расцвечено флагами и ликует. Сошедшего с лодки Сипягина окружают с поклонами старики. «А как батюшка наш, государь, его величество»? «А государыня, матушка, здоровье как»? Сипягин все это принимал за чистую монету, вразумительно со стариками беседовал и таял от удовольствия.

Осмотрев консервные заводы, огороды и фруктовые сады, действительно замечательные, Сипягин сел со свитою в ладьи, провожаемый громким «ура» столпившегося на берегу народа. Крики повторялись очень правильно и дружно и, обернувшись, мы, свита, легко распознали причину. На берегу из-за толпы показался у воды на бревне урядник. Он взмахнул рукой и тотчас же скрылся, видимо, присел. Грянуло «ура». Немного погодя урядник снова показался на бревнах, снова взмахнул рукою и снова раздались ликующие клики, и еще, и еще. И долго, пока ладьи не скрылись за поворотом реки, видна была рука урядника и слышалось «ура». Но Сипягин был в упоении и ничего не заметил.

Судьба не пощадила, однако, Сипягина, и в конце поездки истина открылась ему во всей своей неприглядной наготе. Правда, это было не в Ярославской, а во Владимирской губернии, где губернатор Цеймерн, русский немец, в астраханской казачьей форме, с виду Тарас Бульба,

по прозванию «Мазепа», оказался не столь распорядителен, как Штюрмер.

Мы ехали длинным поездом экипажей и тарантасов из Владимира в Суздаль, тщательно объезжая попадавшиеся на пути земские мосты, и вступили в какое-то большое село. На площади ожидала, по обычаю, толпа народа, разодетого по-праздничному, старики впереди с хлебом и солью. Сипягин вышел из коляски и начались обычные расспросы: «Сколько душ в волости? Каковы хлеба? Есть ли подсобные промыслы?» и т. п. Когда темы были исчерпаны, один из стариков бросился к Сипягину. «Так значит теперь, батюшка, ваше превосходительство, разрешите нам и по домам разойтись?» — «Да... конечно. Но почему спрашивать? Что такое?» — «А так, что, хлеб на полях обсыпается (дело было во второй половине июля), а нас тут вот третий день, как собрали и держат твою милость встречать. Да на хлеб-соль, полотенце, да на блюдо велено по целковому с души сложить». Тут вмешались бабы: «А нам, батюшка, ваше превосходительство, не знаем, как еще тебя величать, сарафаны новые пошить приказали, совсем разорение».

С Сипягиным чуть удар не случился. Все очарование поездки было разрушено. Он тотчас распорядился уволить виновного в неуместном усердии земского начальника Рагозина и уплатить крестьянам 300 руб. за убытки, сарафаны, хлеб и соль. Мрачный ходил он весь день и, сократив программу поездки, поспешил в Москву.

Вообще же поездка не могла не оставить тяжелых впечатлений в душе Сипягина. Противоречие между растущим богатством промышленных классов и обнищанием поместного дворянства в связи с изменением облика крестьянской жизни в фабричном районе и явной враждебностью рабочего класса, сильно тронутого социалистической пропагандой, особенно больно действовали на Сипягина, воплощавшего идеологию дворянской, помещичьей России и жившего надеждой воскресить и укрепить старый уклад русского быта.

В Романово-Борисоглебском уезде, на пристани его встретил уездный предводитель дворянства — полуглухой, дряхлый старичок, явно не

способный ни к какой ответственной роли и с трудом объяснявшийся при помощи слухового рожка. В Ростове Великом уездный предводитель Энгельгардт — врач по образованию — совмещал обязанности предводителя с вольной акушерской практикой в своем уезде. Остальные впечатления дворянской жизни в уездах, за малыми исключениями, были того же порядка. Всюду чувствовалось дворянское оскудение, и материальное, и личное, не оказывалось ни людей для службы, ни средств у них. Наряду с этим, растущее богатство фабричной аристократии: прекрасные дома, больницы, приюты, школы, пышные обеды и приемы, явное обилие денег, заискивающая заносчивость новой знати, начинавшей чувствовать себя «первенствующим сословием».

Плохое в общем, а на фабриках старозаветных купцов, напр[имер] бр[атьев] Моргуновых, даже отвратительное положение рабочих, хмурые лица, местами косые взгляды, придавали неприглядный оттенок многим впечатлениям, хотя конечно, все это яснее бросалось в глаза нам, свите, шедшим сзади, где официальная улыбка уже сбегала с лица. «Собачья свадьба»,— крикнул кто-то из толпы вслед нашему каравану, когда мы проезжали через какой-то фабричный поселок.

Особенное впечатление произвел на Сипягина волостной старшина знаменитого кустарного села Павлова, Нижегородской губернии, встретивший его на пристани во фраке. Сипягин даже отшатнулся, так был поражен этим зрелищем. В том же селе прием местных нотаблей и завтрак происходили в доме того же старшины, которого поэтому волей-неволей пришлось посадить за стол. Сипягин морщился, но все же переломил себя и, выходя из-за стола, благодарил хозяина и даже подал ему руку. Это было с его стороны большой уступкой новым веяниям. Крайне неприятно поразил Сипягина и вид «Вестника Европы», который оказался на столе у старшины.

Единственной светлой точкой на общем фоне грустных впечатлений был дворянский обед во Владимире, во время которого играл помещичий струнный оркестр, вероятно, последний в этом роде, принадлежавший какому-то отставному гусару, кажется, Храповицкому, и все было очень

нарядно и торжественно. Сипягин был так растроган, что на несколько минут утратил обычную свою сдержанность и сановитость, стал поводить под музыку плечом и притаптывать. При выходе у крыльца — хмурая и враждебная толпа любопытных, и сразу было видно, что не Штюрмер тут губернаторствует.

К числу комических по неожиданности впечатлений относилась и беседа Сипягина с крестьянами-переводчиками. В Ярославском уезде имелось несколько сел, усвоивших своеобразный отхожий промысел — службу переводчиками в иностранных портах: в Швеции, Норвегии, Англии, а также в Финляндии, куда они отправлялись на обучение мальчиками и откуда приезжали от времени до времени на побывку, а когда прикопляли денег и приходили в возраст, то окончательно возвращались домой и садились на хозяйство. Переводчики эти были представлены Сипягину как живое доказательство талантливости русского человека.

Их проэкзаменовали, и они твердо отвечали на разных языках. Большинство обучалось своему ремеслу в Финляндии. «Ну что, плохо там было, утесняли вас?»,— спросил Сипягин.

«Никак нет,— последовал ответ,— очень даже хорошо, жили свободно, порядки хороши, много лучше наших».

Месяца четыре по возвращении из поездки Г. Г. Савич и я строчили всеподданнейшие отчеты о ней. Получилось несколько обширных фолиантов, в которых изложены были впечатления министра по всем отраслям управления, отмечены в подробности все останавливавшие на себе его внимание вопросы и вытекавшие отсюда его предположения. Создан был целый план законодательных и административных работ, на осуществление которых требовались бы долгие годы. Все это Сипягин тщательно просматривал и исправлял и затем представил его величеству для прочтения.

Что он докладывал государю на словах в дополнение к официальному отчету и что говорил о вынесенных им впечатлениях, не знаю, но нам, спутникам, при расставании в Москве, он определил их словами: «Мы

стоим на вулкане». Слова эти тогда показались нам большим преувеличением, но теперь вижу, что он правильнее нас расценивал положение.

Вопреки ходившим рассказам и анекдотам, рисовавшим его лентяем, кутилой, пустым и бездельным, и даже глупым человеком, Сипягин был, по крайней мере за время своего министерства, на редкость усердным и внимательным работником. Надо думать, что и раньше он много работал, так как в приемах сказывалась прочная привычка к труду и уменье распределять время. Он крайне добросовестно занимался, всюду и во всем стараясь вникнуть в дело и дойти до корня. Труда и здоровья он не жалел. Просиживая до глубокой ночи за письменным столом, он рано утром был уже на ногах, позволяя себе лишний час сна только по воскресеньям. От природы он обладал большим запасом здравого смысла и способностью легко разбираться в обстановке, но образование его было очень поверхностное, и отвлеченная или непривычная мысль давалась ему с трудом. В стараниях понять он хмурился, затылок краснел, к лицу приливала кровь, казалось, он сердится; видно было, что мысли, как тяжелые жерновы, вращаются в голове. Но вот кровь сбегала, лицо прояснялось — он понял и потом уже твердо держал нить мысли.

Сипягин был в университете, кажется, Московском, и, вращаясь в среде любителей русских древностей и истории, таких, как семья гр[афов] Шереметевых, усвоил любовь к этим отраслям знания и, по-видимому, довольно близкое знакомство с русской стариной, ее внешностью и символикой. Этим однако его образование и ограничивалось, если не считать той практической, жизненной школы, которую он прошел как помещик, предводитель дворянства и губернатор. Области идей и изящной литературы он был совершенно чужд и под веселую руку признавался, что не прочел ни одной страницы, даже Тургенева. В общем же, это была цельная и искренняя натура, прочно сидевшая на немногих простых, но глубоко укоренившихся понятиях. Шутники утверждали даже, что все его мировоззрение стародворянской складки сводилось к мысли: «Побольше денег дворянину — побольше палок мужику»,— но

думаю, что они были неправы, так как и по убеждению и по характеру он был человек и справедливый и благородный.

Сипягин слишком недолго оставался министром внутренних дел для того, чтобы могла выясниться линия политики, которую он усвоил бы окончательно.

Основная идея, или, вернее, основной инстинкт его действий, была централизация власти, стремление подтянуть к рукам все нити местного управления, не различая существенного от мелочного. Эта тенденция ясно выразилась и в проекте, уже впоследствии при Плеве получившем силу закона,— образования полуадминистративного земства в Западных и Восточных губерниях, и в законе о предельности земского обложения, возносившем на рассмотрение центральных ведомств вопросы о нередко мелких местных расходах, и в не получившем движения проекте закона об утверждении министром внутренних дел земских и городских гласных и т. п. Никогда ни до, ни после Сипягина не получала такого широкого распространения практика отмены постановлений земств и городских дум, по нарушению ими интересов местного населения, доходившая до самых смешных проявлений. Отменялись дважды постановления городской думы Ростова Великого о сдаче в аренду покосов, расположенных в черте города, у стен Кремля, пространством что-то около десятины, о сдаче в аренду незначительной водяной мельницы и т. п.

То же стремление подтянуть всю власть к своим рукам проявлял он и в области центрального управления.

Как сказано было выше, то было время обостренной борьбы за первенство во власти, которая невольно накладывала свой отпечаток на все действия и программы правительственных лиц. Отсутствие единства в действиях и взглядах правительства вытекало из самой организации высшего управления, которое формально возглавлялось государем, в действительности же, за невозможностью для него вникать во все дела управления, выливалось в «борьбу ведомств», наполнявшую собою целые периоды. Министры подкапывали друг друга у престола, поносили в обществе, обменивались полемическими трактатами и даже переноси-

ли свои распри на страницы периодической печати. В министерствах особо ценились чиновники, искусившиеся в междуведомственных препирательствах, мастера изготовлять в любезной форме уничижительные послания от одного министра к другому. Многие на этом делали карьеру (не скрою, что я принадлежал к их числу); случалось, что допекаемый министр стремился обезвредить противника, переманив к себе на службу, с повышением, его искусных сотрудников.

Все это, в связи с быстрым развитием государства и усложнением его задач, давно уже выдвигало мысль о преобразовании Комитета министров в смысле подчинения их деятельности руководству первого министра. К этому положению всегда стремились более энергичные из них, по преимуществу, министры внутренних дел как начальники ведомства, имевшего наиболее широкие и наименее определенные в их границах предметы попечения. Эта цель была заветной мечтой и Сипягина, который издавна подходил к ней, облекая свои стремления в излюбленные им археологические формы. Стать «ближним боярином» он замыслил еще в бытность главноуправляющим канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых. Став министром внутренних дел, он еще настойчивее повел свою линию, не упуская ничего, чем можно было бы выдвинуть на вид свое положение первенствующего министра. Начал он с квартиры, перестроив на дворцовый лад старинное и неудобное помещение в Шефском доме на Фонтанке и отделав его с невиданной для таких помещений роскошью. Все было густо и довольно аляповато раззолочено, уставлено антикварной мебелью и бронзой, а столовая отделана под старинную палату, с окованными железом дверьми, стрельчатым окном, стенной живописью, изображавшей венчание на царство Михаила Федоровича, и огромной люстрой в виде паникадила, приобретенной за большие деньги у московского старьевщика. Мебель в столовой была крыта торжковской кожей с вышитыми на ней вензелями Сипягина. Все это стоило очень дорого, возбудило много нареканий, а приближенными объяснялось намерением Сипягина делать в этом доме приемы в высочайшем присутствии, что впоследствии и подтвердилось.

Той же цели — выдвинуть свое положение на первый план служило и учреждение разных высоких совещаний под его председательством. В одном из них и мне пришлось принять участие в качестве делопроизводителя. Предметом было упразднение тотализатора, о чем настойчиво просили Петербургское и Московское городские управления. В составе совещания было много народа, несколько министров и два великих князя — явление до того, кажется, небывалое.

Совещание ознаменовалось забавным эпизодом, рисовавшим нравы времени. Голосовалось, не помню уже какое положение, поддерживаемое Сипягиным. Большинство совещания было с ним против представителей Москвы и Петербурга и еще кого-то. «Принято единогласно»,— провозгласил, не обратив на них внимания, Сипягин.— «Позвольте, ваше высокопревосходительство»,— запротестовали Д. Н. Шипов и его единомышленники,— «мы не согласны». Сипягин побагровел: «Я сказал — единогласно». «Так и запишите» — обратился он к делопроизводству. Недовольные умолкли и, сколько помнится, отдельного мнения по журналу не заявили.

Смерть застигла Сипягина неожиданно, в то самое время, когда он, казалось, подходил к заветной цели. Это еще не была высшая власть — «ближнее боярство», но было преддверие к ней. Мечта увидеть в своем доме царя сбывалась. Государь принял приглашение отобедать у Сипягина на новоселье.

Вся хозяйственная часть министерства приведена была в действие. Управляющий ею Григорьянц рыскал по городу, разыскивая розы для убранства стола. Из Астрахани выписана была салфеточная икра к горячим калачам, из Рыбинского — шекнинские стерляди, и из Москвы — цыганский хор. Но как раз накануне торжественного дня полоумный мальчишка Балмашев выстрелом из револьвера смертельно ранил Сипягина в приемной Мариинского дворца. Его перенесли в Максимилиановскую лечебницу. Умирая, он выразил желание видеть государя и проститься с ним. П. Н. Дурново поехал в Зимний дворец, но, пока успел доложить о случившемся, Сипягин скончался.

П. А. СТОЛЫПИН

Петр Аркадьевич Столыпин был в нашей государственной жизни явлением новым. Он первый сумел найти опору не только в силе власти, но и в мнении страны, увидевшей в нем устроителя жизни и защитника от смуты. В лице его впервые предстал пред обществом вместо привычного типа министра-бюрократа, плывущего по течению в погоне за собственным благополучием, каким их рисовала молва, новый героический образ вождя, двигающего жизнь и увлекающего ее за собою. И эти черты действительно были ему присущи.

Высокий рост, несомненное и всем очевидное мужество, уменье держаться на людях, красно говорить, пустить крылатое слово — все это, в связи с ореолом победителя революции, довершало впечатление и влекло к нему сердца.

Никому из крупных предшественников Столыпина: ни Сипягину, ни Плеве, ни Дурново нельзя отказать ни в личном мужестве, ни в спокойном достоинстве, с которым они встречали смерть, ежечасно глядевшую в глаза, ни в готовности жертвовать собою ради долга. Дурново к тому же был выше Столыпина и по уму, по заслугам перед Россией, которую спас в 1905 году от участи, постигшей ее в 1917-м. Но ни один из них не умел, подобно Столыпину, облекать свои действия той дымкой идеализма и самоотречения, которая так неотразимо действует на сердца и покоряет их. И кривая русская усмешка, с которой встречалось прежде всякое действие правительства, невольно стала уступать место уважению, почтению и даже восхищению. Драматический темперамент Петра Аркадьевича захватывал восторженные души, чем, быть может, и объяс-

няется обилие женских поклонниц его ораторских талантов. Слушать его ходили в Думу, как в театр, а актер он был превосходный [45].

Столыпин был баловень судьбы. Все то, чего другие достигали ценою бесконечных усилий и загубленного здоровья и что приходило к ним слишком поздно, все это досталось ему само собою и притом во время и в условиях наиболее для него благоприятных. Достигнув власти без труда и борьбы, силою одной лишь удачи и родственных связей, Столыпин всю свою недолгую, но блестящую карьеру чувствовал над собою попечительную руку Провидения. Все складывалось для него как-то особо благоприятно, и даже физические недостатки и несчастия и те шли ему на пользу. Короткое дыхание — следствие воспаления легких и спазм, прерывавших речь, производили впечатление бурного прилива чувств и сдерживаемой силы, а искривление правой руки — следствие операции костяного мозга, повредившей нерв, придавало основание слухам о том, что он был ранен на романической дуэли; наконец, взрыв на даче на Аптекарском острове и тяжелое ранение детей, которые как бы пали жертвой его преданности долгу, привлекло к нему со всех сторон широкие симпатии сострадания.

К власти Столыпин пришел в то самое время, когда революция, охватившая окраины, а отчасти и центр России, была уже подавлена энергией П. Н. Дурново, а поднявшаяся против нее волна общественного порыва только еще нарастала. И эта волна сразу вознесла Столыпина на огромную высоту, с которой он и себе и другим казался великаном. И сознание это бодрило и окрыляло его.

Самая смерть застигла его на верху удачи, власти и влияния, в обстановке совершенно исключительной, и как раз накануне дня, когда его положение должно было пойти на убыль. Он был убит в Киеве, матери городов русских, в крае, только что возвращенном им к сознательной национальной жизни и полном благодарных чувств. Он пал от рук предателя-еврея в торжественном собрании, на глазах царя и всей России и, смертельно раненный, благословляющий ослабевшей рукой государя, был вынесен из зала под звуки народного гимна. Вся Россия провожала

его до могилы, и погребен он был в ограде Киевской Лавры, рядом со старыми борцами за русское великодержавие — Кочубеем и Искрой. Такой смерти и таких похорон не удостоился никто из его предшественников и вообще никто из правительственных лиц России.

А между тем, останься он жив, и судьба его была бы, вероятно, иная. Звезда Столыпина клонилась уже к закату. Пять лет тяжелого труда подорвали его здоровье, и под цветущей, казалось, внешностью он в физическом отношении был уже почти развалиной. Ослабление сердца и Брайтова болезнь [46], быстро развиваясь, делали свое губительное дело, и, если не дни, то годы его были сочтены. Он тщательно скрывал свое состояние от семьи, но сам не сомневался в близости конца.

С другой стороны, и положение его к тому времени пошатнулось. Смута затихала, а с успокоением ослабевало и то напряжение общественного чувства, которое давало опору Столыпину. Политика его создала немало врагов, а попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении, которую он, правда, не решался довести до конца, подняла против него и такие слои, которые имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали. Давление, которое Столыпин производил на государя в дни, когда решался вопрос об его отставке, в связи с провалом в Государственном совете закона о земстве в Западных губерниях, не могло не оставить осадка горечи и обиды в душе государя [47]. Повышенная же настойчивость, которую он привык проявлять в отношении к верховной власти, укрепляла это настроение. Наконец, и в политике своей Столыпин во многом зашел в тупик и последнее время стал явно выдыхаться.

Предстояло медленное физическое угасание, потеря сил и способности работать, а весьма возможно и утрата власти и горечь падения. Соперники, и какие соперники! — начинали уже подымать головы из разных углов. Предстояло увидеть, как другой человек сядет на место, которое он привык считать своим, и другая рука, быть может, рука ничтожного человека, одним презрительным движением смахнет все то, что он считал делом своей жизни. Для такого самолюбивого человека,

как Столыпин, эта мысль была хуже смерти. И потому смерть принесла ему избавление.

Что касается политики Столыпина, то она не была так определенна и цельна, как принято думать, а тем более говорить. Она проходила много колебаний и принципиальных, и практических и в конце концов разменялась на компромиссах.

В Петербург Столыпин приехал без всякой программы в настроении, приближавшемся к октябризму. Известен был его отказ, в бытность саратовским губернатором, принять меры к правительственной агитации среди крестьян, избранных от этой губернии в члены Первой Государственной думы, и те несколько таинственные обстоятельства, при которых получило огласку в губернии содержание секретного письма, посланного ему по этому поводу П. Н. Дурново через А. А. Лопухина.

Первое время своего министерства он был очень скромен, почти робок в непривычном ему столичном служебном мире. Став председателем Совета министров, он старался привлечь к себе общественные элементы, на которые привык опираться в Саратове, хотел видеть в должности управляющего делами Совета общественного деятеля Н. Н. Львова. Отказался он от этой мысли, узнав, что должность эта была значительно понижена в ранге и правах по сравнению с соответствующей ей ранее должностью управляющего делами Комитета министров; предлагать Н. Н. Львову положение чисто бюрократическое он не находил возможным. Затем, после неудачных попыток сговориться с другими общественными деятелями и привлечь их в состав кабинета, особенно же после впечатления, произведенного взрывом на даче, Столыпин повернул направо, а затем под влиянием близких к нему людей склонился к национальной политике и держался этого направления до конца.

В области идей Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа была получена им в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П. Н. Дурново или иной, кто стал бы во главе. Совокупность устроительных мер, которые Столыпин провел осенью 1906 года,

в порядке 87 ст. Основных государственных законов, представляла собою не что иное, как политическую программу князя П. Д. Святополк-Мирского, изложенную во всеподданнейшем докладе от 24 ноября 1904 года, которую у него вырвал из рук граф С. Ю. Витте, осуществивший часть ее в укороченном виде, в форме указов 12 декабря того же года. В частности, предусмотренное программой Святополк-Мирского упразднение общины и обращение крестьян в частных собственников, так называемый впоследствии «закон Столыпина», был получен им в готовом виде, из рук В. И. Гурко. Многое другое — законопроект об устройстве старообрядческих общин, об обществах и союзах, проект переустройства губернского и уездного управления и полиции Столыпин нашел на своем письменном столе в день вступления в управление Министерством внутренних дел. Оставалось лишь принять или отвергнуть их. И Столыпин принял и, в большей части, провел.

Сохранил он и основной недостаток полученной в наследство программы устроения России — отсутствие в ней мер к усилению защиты государственного строя от посягательств и потрясений. Он полностью разделил в этом отношении ошибку предшествовавших реформаторов (кн[язя] Мирского и гр[афа] Витте), полагавших центр тяжести в удовлетворении общественного мнения и видевших гарантии порядка не столько в организации и усилении власти, сколько в идеях и поддержке общества. Все попытки, не раз возобновлявшиеся, встать на путь органического переустройства аппарата власти успеха не имели. Он боялся пойти вразрез с настроениями в Думе и оттягивал решение; дело это свелось к разработке проекта переустройства полиции, вытекавшего еще из работ комиссии графа А. П. Игнатьева (1904—1905 гг.), да и тот осуществления не получил. В результате по уходе Столыпина Россия осталась при той же архаической и бессильной администрации и при том же несовершенстве средств внутренней охраны, как и в момент его появления на государственном поприще. И даже земельная реформа оказалась построенной на песке, так как не было власти, способной охранить

новый порядок и дать ему время подняться на степень действительного оплота государственности.

Полицейская защита порядка в столице империи по-прежнему была в пять раз менее действительна, чем в столице Франции, и в семь раз слабее, чем в столице Англии. В результате при первом порыве революционной бури столица оказалась во власти безоружных почти толп запасных солдат и черни, и в наступившем параличе власти рушился весь государственный строй, а с ним и все результаты земельной реформы. Хуторяне и отрубники были лишены своих владений при молчаливом одобрении масс сельского населения, не успевших еще воспользоваться землеустройством.

То же, что возникло впоследствии как бы из личного почина Столыпина: законы о Финляндии, закон об образовании Холмской губернии могут считаться, первый по существу, второй по форме и способам проведения не только излишними, но и прямо вредными мерами. Впрочем, и тут Столыпин был не самостоятелен, а действовал под давлением обстоятельств. Финляндские законопроекты были выдвинуты группой влиятельных финноедов, образовавшейся в сферах задолго до появления Столыпина у власти. Проект земства в Западных губерниях возник в результате настояний национальной группы Государственной думы, на которую Столыпин опирался и которой ядро состояло из русских помещиков Западного края.

Закон о Холмской губернии явился результатом компромисса между планом областного устройства России, выработанным в 1907—1908 г., предполагавшим в будущем возможность автономии Польши и ее государственного отграничения от России, и настояниями холмского духовенства во главе с епископом Евлогием, нашедшим способы заинтересовать этим вопросом государя.

Во многом Столыпин отступил при первом же сопротивлении, угрожавшем его положению у престола, от первоначально усвоенной программы. Наиболее резким примером является судьба проекта преобразования губернского и уездного управления, который был провозглашен

очень торжественно, с созывом для сего впервые Совета по делам местного хозяйства — этого, по выражению Столыпина, «преддумия» и от которого он тотчас же отказался, как только столкнулся с оппозицией объединенного дворянства. Нельзя, конечно, и ставить эти колебания в вину человеку, который всю предшествовавшую служебную жизнь провел в кругу местных интересов и отношений и сразу, без всякого перехода, попал в водоворот событий государственного значения, притом в такое смутное и напряженное время. Многое следует отнести и на долю утраты равновесия духа — следствие ослабления здоровья и разочарования в связи с политическими неудачами последнего периода.

Страстная натура Столыпина, склонная всегда к некоторому преувеличению защищаемой темы, и слабость, которую он питал к аплодисментам и к успеху, побуждали его к увлечению выигрышными вопросами, не имевшими действительного государственного значения. Отсюда и острота, которую он придал своей неудаче в деле проведения закона о земстве в Западном крае, и необычайные меры воздействия на своих противников в Государственном совете — П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова, которые он исторг у государя, что в корне испортило его отношения и с Государственным советом и с Государственной думой.

Но не в идейном творчестве заключалось значение Столыпина. Оно лежало, прежде всего, в области государственной психологии — создания атмосферы, благоприятной правительству и его начинаниям. Блеском своего таланта и обаянием своей личности, умением идеализировать свою деятельность, подымать идеи на пьедестал Столыпин вдохнул жизнь в завещанную прошлым программу устроения России, сумел освоить ее и слить с своею личностью. Он сумел привлечь к своей деятельности доверие общества, втянуть его в орбиту своих мыслей, создать в глухой провинции, вне поля зрения официального Петербурга, новую общественность, ставшую для него опорою. Он первый внес молодость в верхи управления, которые до тех пор были, казалось, уделом отживших свой век стариков. И в этом была его большая и бесспорная государственная заслуга.

Столыпину удалось то, что не удавалось ни одному из его предшественников. Он примирил общество, если не все, то значительную часть его с режимом. Он показал воочию, что «самодержавная конституционность» вполне совместима с экономической и идейной эволюцией и что нет надобности разрушать старое, чтобы творить новое.

И как бы ни расценивать Столыпина, одно бесспорно, что он работал для будущего России, и не какой-нибудь, а России великой, и немало успел для этого сделать. Он разрушил общинный строй, так много вреда приносивший современной ему России, открыв выход для накопившихся в крестьянстве деятельных сил и направил их на путь хозяйственного развития и нравственного укрепления. Он разрушил тем и главную преграду — обособленность прав, отделявшую крестьянские массы от слияния с остальными слоями народа в одно национальное целое. Он правильно понимал и значение заселения Сибири и деятельно его поддерживал. На тучном черноземе сибирских полей, где народ наш завершал свой исторический путь на Восток «навстречу солнцу», вдали от отравленных социальной завистью равнин старой России он стремился вырастить новые, более здоровые поколения борцов за русское великодержавие в тех европейских столкновениях, грозный призрак которых уже надвигался. Он укрепил нравственные устои престола и дал мощный толчок развитию национального сознания.

В лице его сошел в могилу последний крупный борец за русское великодержавие. Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покатилась под гору и сама Россия.

Рецензия П. Н. Милюкова на воспоминания С. Е. Крыжановского, опубликованная в журнале «Русские записки» (Париж) за 1938 г. № 8—9. С. 199—202.

Мы уже привыкли к тому, что самыми суровыми обличителями старого режима являются в своих воспоминаниях те, кто стоял к нему всего ближе и служили ему всего усерднее. Члены царской семьи, высшие сановники, исполнители их распоряжений — вот состав этих свидетелей перед историей. К их числу надо присоединить теперь С. Е. Крыжановского — лицо, гораздо менее известное широкой публике, чем он того заслуживает. Небольшая книжка изданных после его смерти «Воспоминаний» содержит в себе богатейший материал, значения которого автор не мог не понимать. «Старый строй не имел от него тайн, и в этом ценность его воспоминаний»,— говорит он сам о себе в своем «Вступлении». Теперь он эти «тайны» открывает.

Но между другими, более высокопоставленными свидетелями, и Крыжановским имеется существенная разница. Он не был «своим» в этой среде и не несет ответственности за замыслы и за руководящие идеи; но он в полной мере ответственен за исполнение. Инициаторы замыслов обыкновенно плохо владели головой. У Крыжановского голова была на месте, и она была хорошо начинена университетскими курсами и прилежным чтением серьезной юридической литературы. У него были в голове и полезные для родины идеи. Но они не понадобились. То, что ему поручалось, было направлено не к улучшению, а к искажению благих начинаний и к умалению их добрых последствий. Эти поручения он исполнял с полной добросовестностью и с полнейшим служебным безразличием. Для своих работодателей он был чернорабочим; но он был незаменим, так как он один знал, как сделать то, что было им нужно. Естественно, что его и не вводили в «свою» среду. Влиятельных светских

салонов он не посещал не только потому, что не хотел, но и потому, что его туда не приглашали. Его место было в канцелярии, и вызывали его туда обыкновенно спешно, ad hoc — в последнюю минуту. Его проекты потом обсуждались в совещаниях сановников, иногда под председательством государя: он видел, что прения в этих совещаниях ведутся случайно, что большинство ничего не понимает и только портит; ему же потом возвращали испорченное для исправления. Понятно, какое мнение он должен был составить себе относительно среды, для которой работал.

Между тем, это были годы коренных перемен в государственном строе России — 1904—1907 гг., и к ним именно относятся «Воспоминания». Первоначальное учреждение Государственной думы и избирательный закон для нее, потом поправки к нему, исподтишка проведенные через Сенат, затем — уже на всей своей воле — избирательное «положение» для Третьей Думы, которое среди «своих» получило шутливое прозвище «бесстыжего», и царь с этим, шутя, согласился,— все это было делом рук Крыжановского. Ему принадлежит систематическая и сознательная порча первоначальных планов реформы... Теперь он рассказывает об этом с тем же невинным цинизмом, с каким тогда служил дурному делу.

Была ли, по крайней мере, для этого какая-нибудь польза для тех, кто все это задумывал? Крыжановский был достаточно умен и образован, чтобы понять, что пользы не будет и что все им задуманное суть только временные преграды историческому потоку. Он работал для крупных дворян-землевладельцев и сам же предсказывал, что весь этот социальный слой будет сметен, даже не революцией, а внутренним процессом оскудения. Он был против введения в Думу в усиленном числе крестьян и священников, и сам открывал им туда доступ. Он служил «расслабленным старцам» и видел, как они «мертвят» всякое живое дело. Он любовался типом «ближнего боярина» времен царя Алексея Михайловича, какой разыгрывал из себя Сипягин, участвовал в его театральной поездке по России, напоминавшей «потемкинские деревни» Екатерины II, и сам сделал из этого торжественного путешествия тот же

вывод, к которому пришел декоративный министр: «Мы стоим на вулкане». Единственное противоядие, которое он знал против грозившей катастрофы,— это насильственное разрушение общины; но ему пришлось признать, что выполненное по этому (чужому) плану здание Столыпина — было «построено на песке». Он усердно создавал для Столыпина правительственные партии, получил даже в свое распоряжение трехмиллионный фонд, ассигнованный для этой цели,— и должен был сознать, что для их успеха не хватало в России ни талантов, ни знаний, ни моральных качеств,— и деньги тратились зря, на авантюристов политики, подкапывавшихся под правительство и доносивших на Крыжановского в высшие сферы. Сам Столыпин, по его отзыву, ничего нового не сделал, нашел все готовым — и испортил своими компромиссами,— умер вовремя для себя, был «последним борцом за самодержавие». Орудиями его личной борьбы за самодержавие были, по Крыжановскому, только «красное слово» и «героическая» поза...

В этой среде Крыжановский напрасно пытался провести свои собственные идеи, которые должны были тоже служить сохранению старого строя,— но посредством его оздоровления. Нужно было противопоставить, по его мнению, «разрушительному действию вновь введенного представительства сильную административную власть на местах и разгрузить центральную власть от безмерного накопления дел, оставив за нею лишь общегосударственные функции и передав «местное» законодательство местным людям и учреждениям. Но первый план был представлен царю, как попытка отнять у него часть «самодержавной» власти, а второй был заподозрен в «федерализме» и повел только к искажению частной мысли Крыжановского — провести этнографическую границу между империей и будущей автономной Польшей. Вместо того думские националисты создали Холмскую губернию с 30 % православного населения. Общий план областного деления России остался в портфеле.

Довольно естественно, что Крыжановскому, несмотря на все его заслуги, все же не доверяли. Так не доверяют и боятся примитивные люди шамана, не зная источника его заклинаний, но все же в них нуждаясь. Крыжановский сам говорит, что «не поднимался выше постов второстепенных». Когда Горемыкин задумал в тревожное время просить

государя о назначении Крыжановского министром внутренних дел, Крыжановский предупредил его о неудаче. Так и вышло: Николай II наотрез отказал. А через год он сам обратился к Крыжановскому с таким же предложением, с тем, чтобы, став министром внутренних дел, он занял и пост председателя Совета министров. Крыжановский прекрасно понимал ответственность кандидатуры в связи с серьезностью положения, и потому, не отказываясь прямо, поставил условия, которые, несомненно, не могли быть приняты: удаление Протопопова, высылка Распутина и окружающих его «проходимцев» и — особенно — усиление обороны Петербурга от предстоявших «волнений», с передачей защиты столицы гражданской власти. Все было очень умно и, кто знает, могло бы предупредить, если не революцию, то внешний вид ее начала. Николай II не согласился. «Спокаешься, да поздно будет»,— сказал, будто бы, Распутин на состоявшемся на эту тему семейном совещании. Так, по крайней мере, рассказывал еще один «свидетель», Жевахов, товарищ обер-прокурора, уже в эмиграции...

Надо думать, серьезность положения, быстро ухудшавшегося, придала исполнительному чиновнику, привыкшему к «второстепенным постам», смелость откровенности, на какую не оказались способны претенденты на звание государственных людей. Ту же смелость Крыжановский обнаружил и при свидании с царицей, пригласившей его написать проект о создании ее собственного «министерства» по делам благотворительности. Крыжановский терпеливо доказывал ей, что затея ее — детская и неосуществимая, что ни Дума, ни даже правительство на это согласиться не могут,— прочел длинную лекцию о том, для чего нужна Дума и почему от нее нельзя отделаться. Императрица слушала с недоумением: «Мне этого никто не объяснял», волновалась, сердилась — и была бессильна перед стеной элементарных фактов, о которых не подозревала. Это происходило за десять дней до убийства Распутина, как и отказ царя от борьбы с революцией совершился за два месяца до ее начала.

Умный Крыжановский должен был понимать, что история не обойдет его свидетельства.

П[авел] М[илюков]

Примечания

[1] Холмщина — территория Люблинской и Седлецкой губерний, населенная преимущественно православными и русскими. Законом 23 июня 1912 г. (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), III собрание, т. XXXII. № 37411) из восточных частей этих губерний была образована Холмская губерния с центром в г. Холм, не входящая в состав Царства Польского. Создание Холмской губернии — одна из реформ П. А. Столыпина, подготовленная при ближайшем участии С. Е. Крыжановского.

[2] В дореволюционной России, согласно Судебным уставам 1864 г. расследованием преступлений занимались судебные следователи, состоящие при окружных судах. Прокуратуры как отдельного ведомства не было: министр юстиции являлся одновременно генерал-прокурором. Прокуроры состояли при окружных судах и судебных палатах и занимались поддержкой обвинения в суде.

[3] Чиншевики — лично свободные крестьяне в Литве и западных районах Белоруссии, присоединенных к России; являлись бессрочными наследственными арендаторами земель помещиков, которым они платили специальный денежный оброк — чинш, упраздненный в 1860-х гг.

[4] Проект земской реформы 1864 г. предусматривал введение земств в 44 губерниях. Однако Положение о земских учреждениях 1 января 1864 г. было введено лишь в 34 губерниях. Земская реформа не коснулась 9 западных губерний: Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской. Правительство отказалось также от введения земств в ряде окраинных губерний, сравнительно мало населенных, со слабо развитым помещичьим землевладением: Архангельской, Астраханской, Оренбургской. Однако на протяжении 1870—1880-х гг. вопрос о необходимости введения земских учреждений в тех или иных губерниях, не охваченных реформой, не раз ставился по инициативе губернских властей или местного дворянства.

В 1897 г. по поручению главы МВД И. Л. Горемыкина было разработано «Положение о введении земских учреждений в Западных и Восточных губерниях империи», составленное Крыжановским. Документ не получил одобрения при обсуждении в министерствах. Особое сопротивление оказал министр финансов С. Ю. Витте, подготовивший специальную печатную записку «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений». В ней доказывалось, что «самоуправление не соответствует самодержавному строю». В ответ на нее в феврале 1899 г. в Хозяйственном департаменте министерства внутренних дел была подготовлена новая записка Горемыкина. Она не имела общего названия, но уже заглавие первого раздела: «Местное самоуправление как основание государственной администрации России» — свидетельствовало и о ее направленности, и о том, что это ответ министру финансов. Возражая Витте, Горемыкин утверждал, что «местное самоуправление не стоит в противоречии с началом самодержавной монархии», он подчеркивал самобытность русского

самодержавия, укоренившегося «на глубоких нравственно-религиозных основах». Автором записки также был Крыжановский.

В результате острой полемики по данному вопросу, отражавшей борьбу в верхах, в октябре 1899 г. Горемыкин был отправлен в отставку. (См.: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 430—434.)

Таким образом, с первых лет службы в МВД Крыжановский оказался участником соперничества министров в борьбе за влияние.

[5] До 1916 г. вопросы здравоохранения входили в компетенцию МВД.

[6] При министерстве юстиции Временного правительства 4 марта 1917 г. была учреждена «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». Эта комиссия состояла из председателя (московского адвоката кадета Н. К. Муравьева), двух товарищей-сенаторов и нескольких членов, в т. ч. представителя Петроградского совета. О работе комиссии Н. К. Муравьев докладывал на I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов. (См.: Муравьев Н. К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии: Доклад на Первом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.)

Следственная комиссия просуществовала до Октябрьской революции; ее деятельность в основном заключалась в допросах высших царских чиновников (министров, их товарищей, сенаторов, губернаторов, директоров департамента полиции и других деятелей политического сыска), генералов, придворных лиц, а также некоторых лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий (последних как свидетелей). Председатель и члены комиссии интересовались связями царского двора с Германией и Австро-Венгрией, ролью и значением распутинщины, деятельностью департамента полиции и другими вопросами. Допросы тщательно стенографировались и обрабатывались в особые «стенографические отчеты», главным редактором которых был поэт А. А. Блок. Заседания проходили частично в Зимнем дворце, частично — в Петропавловской крепости, где находилась под стражей группа высших сановников и некоторых других лиц. В общей сложности комиссия провела 88 допросов 59 человек. 10 июля 1917 г. в комиссии был допрошен С. Е. Крыжановский. В 1924—1927 гг. часть отчетов была опубликована: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П. Е. Щеголева. Л.; М., 1924—1927. Материалы комиссии хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

[7] С. К. Глинка-Янчевский был автором двух книг, посвященных проблеме законодательства: «Пагубные заблуждения. По поводу сочинений К. Ф. Хартулари: „Право суда и помилования, как прерогатив российской державности": Критический обзор юридических новшеств». (СПб., тип. Э. Арнгольда, 1899. 189 с.) и «Во имя идеи». (СПб., тип. Э. Арнгольда, 1900. 196 с.), в которой он полемизировал с критиками своей первой

работы. Оба издания являются книгами, а не брошюрами. Очевидно, П. Д. Святополк-Мирский был знаком с их содержанием лишь понаслышке.

[8] После убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II правительство взяло курс на жесткое подавление революционного движения. Согласно «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. (ПСЗ, III. Т. I. № 350), на местах могла быть временно (на три года) введена «для водворения полного спокойствия и искоренения крамолы» одна из двух стадий «исключительного положения»: усиленной или чрезвычайной охраны. В местности, которая объявлялась на положении «усиленной охраны», местному администратору, генерал-губернатору (губернатору) или градоначальнику предоставлялись широкие полномочия: закрывать собрания, торговые и промышленные заведения, запрещать органы печати, арестовывать, штрафовать и высылать (по согласованию с МВД) в административном порядке разных «подозрительных» и «вредных» лиц. В местности, объявленной на положении «чрезвычайной охраны», вся полнота власти передавалась генерал-губернатору или специально назначенному главноначальствующему, которому подчинялся весь местный гражданский, а нередко и военный аппарат. Он мог учреждать особые военно-полицейские команды, передавать в военный суд любое дело, устранять от должности чиновников, а также должностных лиц земского и городского самоуправления, налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество.

4 сентября 1881 г. Александр III издал указ, в котором говорилось, что «действие постоянных законов, сообразованных с обычным состоянием мирного общежития, недостаточно для охранения порядка и спокойствия, нарушаемых прискорбными событиями чрезвычайного свойства». Этим же указом объявлялись на положение «усиленной охраны» 10 губерний Европейской России, а также города Одесса, Ростов-на-Дону, и др. (ПСЗ, III. Т. I. № 382).

«Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. (ПСЗ, III. Т. 12. № 8757) устанавливали еще одну стадию «исключительного положения» — военное положение, когда вся полнота власти передавалась военным учреждениям и в отношении к гражданским лицам широко применялась военная юрисдикция. Правительство широко применяло «исключительное положение» в борьбе как с либеральной оппозицией, так и с рабочим и крестьянским движением. В период Первой русской революции меры, предусмотренные в «исключительных положениях», применялись на большей части страны. Многочисленные требования оппозиции отменить эти законы, дающие властям возможность прибегать к силовым методам, оставались без внимания, и «исключительные положения» просуществовали до 1917 г.

[9] Земский начальник — должностное лицо из потомственных дворян. С 1889 г. избирался помещиками и утверждался министром внутренних дел, обладал дисциплинарной, судебной и полицейской властью над крестьянами в земском округе, вплоть до права телесных наказаний, ареста, смещения выборных должностных лиц крестьянского самоуправления, приостановки решений сельских сходов и волостных судов, контролировал начальные школы. Одновременно были упразднены выборные мировые судьи и мировые

посредники, а также уездные присутствия по крестьянским делам. Введение института земских начальников — одна из контрреформ Александра III, направленная на усиление административного аппарата на местах и сокращение полномочий земств и органов городского самоуправления.

[10] Государственный совет в России впервые был учрежден в 1801 г. В 1810 г. он стал высшим законосовещательным учреждением Российской империи. Все законы должны были обязательно обсуждаться в нем перед утверждением императором. Решения Совета не были обязательными для монарха. Манифест 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и Государственной думы» (ПСЗ, III. Т. 25. № 27425) и новая редакция Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. определяли учрежденный 24 апреля 1906 г. Государственный совет (ПСЗ, III. Т. 25. № 27808) как законодательный орган — верхнюю палату первого российского парламента, наряду с нижней палатой — Государственной думой. Государственный совет состоял из равного числа назначаемых императором и избираемых членов. Выборные члены Государственного совета избирались: от губернских земских собраний — по 1 человеку на 3 года; от губернских и областных дворянских обществ — 18 человек; от Российской Православной церкви — 6 человек, избиравшихся Синодом по представлению епархиальных архиереев; советов и местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ — 12 человек; от Академии наук и университетов — 6 человек; от Финляндского сейма — 2 человека. В 1914 г. Государственный совет состоял из 188 человек. Члены Государственного совета (за исключением членов от губернских земских собраний) избирались на 9 лет; каждые 3 года обновлялась треть состава. В Государственный совет не могли быть избраны лица, не имевшие права участвовать в выборах в Государственную думу, лица моложе 40 лет или не окончившие курса в средних учебных заведениях. После Февральской революции 1917 г. Государственный совет не функционировал.

До 1906 г. в высших сферах неоднократно рассматривался вопрос о привлечении в той или иной форме выборных в состав Совета, однако такие предложения вызывали неодобрение Николая II.

[11] Комитет министров — высший административный орган Российской империи, совещательный орган при императоре. Учрежден Александром I в 1802 г., первоначально состоял из министров и государственного казначея. С 1810 г. в него входили председательствовавшие в департаментах Государственного совета, а с 1812 г.— отдельные лица по назначению монарха. На заседания Комитета министров всегда приглашался обер-прокурор Синода. Рассматривались дела, которые министры не могли решить из-за отсутствия законов, или дела, в которых участвовало не одно ведомство. С 1872 г. Комитет министров также был высшей цензурной инстанцией. Указом от 23 апреля 1906 г. (ПСЗ, III. Т. 26. № 27804) Комитет министров был упразднен, часть его функций была передана реформированному Совету министров.

Полномочия председателя Комитета министров были весьма скромными. По сути дела это было лицо, которое по поручению императора лишь председательствует в Ко-

митете министров, но не является первым министром. Большинство дел главы ведомств решали непосредственно с императором. Когда в 1903 г. С. Ю. Витте с поста министра финансов был назначен председателем Комитета министров, в бюрократическом мире шутили: «Витте упал вверх».

[12] 18 февраля 1905 г. Николай II подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором говорилось о готовности монарха к «совместной работе правительства и зрелых сил общественных» с привлечением «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений», т. е. о создании представительного законосовещательного учреждения. Разработка «путей осуществления» воли императора поручалась Особому совещанию под председательством Булыгина («Правительственный вестник». 19 февраля 1905 г. № 40).

[13] Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (ПСЗ, III. Т. 24. № 25495) предусматривал проведение большей части предложений, содержащихся в «докладе Мирского». В документе в общей форме упоминалось о разрабатываемых мерах по «устроению крестьянской жизни» и изменению законодательства о крестьянах, содержались обещания расширить права земских и городских учреждений в области местного благоустройства, ввести государственное страхование рабочих, сократить применение положений об исключительной охране, устранить некоторые стеснения печати, ввести начала религиозной терпимости, обеспечить самостоятельность судов и равенство перед ними лиц различных состояний. Обещанное «охранение полной силы закона» определялось в указе как опора престола, «важнейшая в самодержавном государстве».

Пункт о привлечении выборных в Государственный совет в тексте указа отсутствовал, вычеркнутый в последний момент Николаем II. Реализация положений содержащихся в указе, возлагалась на Комитет министров.

[14] Интересно отметить, что Крыжановский с самого начала стремился максимально сократить полномочия проектируемой Государственной думы. Вот что говорится об этом в воспоминаниях В. Н. Коковцова, занимавшего в то время пост министра финансов: «Как известно, этот рескрипт (Николая II А. Г. Булыгину.— *А. Л.*) положил начало выработке проекта о созыве Государственной думы законосовещательного характера, который получил утверждение 6 августа после длительного и мучительного процесса подготовительной стадии, в котором самое деятельное участие приняли: со стороны Министерства внутренних дел — С. Е. Крыжановский, со стороны Министерства финансов — директор общей канцелярии А. И. Путилов, стяжавший впоследствии известность в качестве председателя правления Русско-Азиатского банка, в особенности в пору нашего общего беженства. Оба эти лица вели прямо противоположную политику в их предварительной работе. Крыжановский тянул вправо, тогда как Путилов явно шел влево, и не проходило дня, чтобы мне не приходилось встречаться с сетованиями Булыгина на то, что работа не подвигается вперед из-за нескончаемых споров с моим представителем. Булыгин, совершенно несклонный к захвату власти и поддерживавший со мной самые дружеские отношения еще со времени прежней нашей совместной служ-

бы в Главном тюремном управлении в начале 80-х годов, приехал даже однажды ко мне и показал свой письменный всеподданнейший доклад с изложением целого ряда спорных пунктов по разногласию между Крыжановским и Путиловым, с отметками государя в смысле полного несогласия его с взглядами Путилова. В результате этого мне пришлось дать Путилову прямые указания идти в согласии с указаниями государя, у нас произошло крупное объяснение, и Путилов должен был подчиниться, а потом указывал постоянно, что если бы его послушали, то все дело приняло бы совсем иной оборот и не потребовалось бы ни Манифеста 17 октября, ни усмирения Московского вооруженного восстания (Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания. 1903—1919. М., 1992. Т. 1. С. 71).

[15] 18 февраля 1905 г. Николай II издал указ, разрешающий подачу петиций на «высочайшее имя», что ранее запрещалось законом (ПСЗ, III. Т. 25. № 25863) и возлагавший на Совет министров рассмотрение и обсуждение поступающих от частных лиц и учреждений материалов, касающихся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». В данном случае речь идет о материалах, поступивших в правительство после издания этого указа.

[16] Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг. 1917.

[17] 6 августа 1905 г. были опубликованы Манифест «Об учреждении Государственной думы» (ПСЗ, III. Т. 25. № 26656), «Учреждение Государственной думы» (ПСЗ, III. Т. 25. № 26661) и «Положение о выборах в Государственную думу» (ПСЗ, III. Т. 25. № 2662). Дума получила статус высшего законосовещательного органа империи. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. Дума получила законодательные права, а состав избирателей был расширен.

[18] Земства — выборные органы местного самоуправления в России. Введены Земской реформой 1864 г. Гласные (депутаты) уездного земского собрания избирались на трех избирательных съездах — землевладельцев, городских собственников и крестьян (выборных от волостных сходов). Разряд крестьян при этом определялся по сословному принципу, а все другие деревенские жители (помещики) и горожане — на основе имущественного ценза. Уездные земские собрания избирали гласных губернского земского собрания. Поскольку социальной опорой земств считалось русское поместное дворянство, земства не были введены в районах, где отсутствовало дворянское землевладение (Север, Сибирь, Западные губернии, казачьи земли). Работа земств контролировалась Министерством внутренних дел и губернаторами, имевшими право отмены их постановлений. Земства сыграли большую роль в создании сети школ, больниц в деревне (получили название земских). В 1871 г. в районах, не имевших государственных почт, начала создаваться земская почта, располагавшая собственными конторами и транспортом.

Никакой принудительной власти земства не имели и для приведения в исполнение своих решений должны были обращаться к органам администрации и полиции. Новое положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. усилило правительственный надзор за ними. Губернатор осуществлял надзор уже не только за «законностью», но и за «целесообразностью» действий земств. В помощь ему было создано состоящее в основном из

чиновников учреждение — губернское по земским делам присутствие, преобразованное в 1892 г. — губернское по земским и городским делам присутствие.

Закон 12 июня 1900 г. устранил земства от продовольственного дела. Этим же законом была введена предельность земского обложения, стеснявшая финансовую базу земской деятельности. Все эти ограничения превратили земства в исполнительные хозяйственные органы при местных администраторах. Даже сами чиновники называли земскую контрреформу 1890 г. «шагом по пути к упразднению земских учреждений».

[19] 17 октября 1905 г. Николай II, напуганный размахом революционного движения, под давлением С. Ю. Витте и ряда лиц из своего окружения подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (ПСЗ, III. Т. 25. № 26803) в котором, в частности, говорилось:

«Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законномерностью действий постановленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Подготовка манифеста велась в условиях строжайшей секретности, до последнего момента Николай II колебался в выборе политического курса: пойти на уступки и подписать манифест или объявить диктатуру подавлять антиправительственные выступления военной силой. Из-за этих причин издание данного акта явилось полной неожиданностью не только для губернаторов, но и многих высших должностных лиц, включая министра внутренних дел.

[20] Следует отметить, что Булыгин тяготился своей должностью. Еще 21 мая он подал императору прошение об отставке и получил от него категорический отказ: «Возвращаю прошение Ваше об увольнении от должности, — писал ему Николай II 22 мая.— Мы живем в России, а не в какой-нибудь республике, где министры ежедневно подают прошение об отставке. Когда царь находит нужным уволить министра, тогда только последний уходит со своего поста. Мое доверие к Вам нисколько не поколеблено, Вы мне еще нужны, и поэтому Вы останетесь» (Российский архив. М., 1991. С. 188).

[21] Из-за опасности покушения на свою жизнь С. Ю. Витте по предложению Николая II 27 октября 1905 г. переехал из своего особняка на Каменноостровском проспекте на запасную половину Зимнего дворца, где находился рабочий кабинет председателя Совета министров и проходили отдельные заседания правительства. Необходимость переезда Витте мотивировалась тем, что его особняк удален от министерств и центра города, а это затрудняло охрану министров и сановников, которые должны были регулярно к нему ездить (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 126—127).

[22] Н. Н. Кутлер занимал должность не министра земледелия, а главноуправляющего землеустройством и земледелием.

[23] Крестьянские волнения, охватившие в 1905 г. всю страну, побудили правительство на разработку мер по решению земельного вопроса. По заданию С. Ю. Витте Н. Н. Кутлер подготовил аграрный проект, основной задачей которого было «устранение в крестьянской среде мысли о даровом приобретении земли в целях расширения надельного землевладения». В объяснительной записке к проекту Кутлер отмечал, что «современное положение вещей грозит землевладельцам полной потерей всего их имущества, и лишь решительные меры в направлении принудительного отчуждения дадут им возможность сохранить известную часть своих земель и получить за остальное справедливое вознаграждение». При всей своей ограниченности этот аграрный проект вызвал активное противодействие дворянства, лишающегося, хотя и за вознаграждение, части своих земель. В январе 1906 г. Николай II удалил Кутлера с поста главноуправляющего, а Совет министров отверг его проект. Попытки Витте устроить отставленного Кутлера в Государственный совет или Сенат окончились неудачей. В результате, лишенный средств к существованию и обиженный на Николая II, Кутлер оказался в рядах кадетской партии, был депутатом II и III Государственной думы, автором кадетской аграрной программы, занимался бизнесом. После Октябрьской революции Кутлер остался на родине, неоднократно арестовывался ВЧК и, в конечном счете, стал сотрудничать с советской властью, был членом правления Госбанка, автором денежной реформы в СССР 1924 г.

[24] 11 декабря 1905 г. Николай II издал указ «Об изменении порядка выборов в Государственную думу» (ПСЗ, III. Т. 25. № 27029), по которому к землевладельческой, городской и крестьянской была добавлена рабочая курия. Для рабочих были установлены трехстепенные выборы. Право голосовать получали рабочие (мужчины) с предприятий, насчитывающих от 50 до 1000 лиц наемного труда. Они выбирали одного уполномоченного. Крупные предприятия выбирали по одному уполномоченному на каждую тысячу рабочих. Уполномоченные всей губернии собирались на губернское собрание

уполномоченных от рабочих, на котором избирали выборщиков. По городской курии в число избирателей включались мелкие ремесленники, квартиронаниматели и чиновники-пенсионеры. Было увеличено число мест для крестьянской курии. Куриальная система приравнивала 1 голос помещика к 3 голосам городской буржуазии, 5 голосам крестьян и 45 голосам рабочих.

По данному закону проходили выборы в I и II Государственную думу.

[25] «Учреждение Государственной думы» было принято 20 февраля 1906 г. (ПСЗ, III. Т. 25. № 26661). Срок деятельности Думы определялся в пять лет. Император мог досрочно распустить Думу, одновременно назначив выборы и сроки созыва Думы нового состава. Продолжительность ежегодных сессий и сроки перерыва в работе Государственной думы устанавливались монархом. «Учреждение Государственной думы» узаконивало и предметы ведения Думы. Первая статья этого закона определяла их как «обсуждение законопредложений, восходящих к верховной самодержавной власти». Предметами ведения Думы были: а) вопросы, требующие издания законов и штатов, а также их изменении, дополнения, приостановления действия и отмены; б) государственная роспись доходов и расходов с финансовыми сметами министерств и главных управлений; в) отчеты государственного контролера по исполнению государственной росписи; г) дела о постройке железных дорог за счет казны; д) дела об учреждении компаний на акциях; е) дела, рассматриваемые по повелению самого царя.

Думе принадлежали законодательные права, право законодательной инициативы по изданию законов, штатов, их изменений, право обсуждения бюджета государственных и отдельных ведомств, верховный надзор за государственным контролем. Также определялось, что Государственная дума может возбуждать дела об отмене или изменении действующих и издании новых законов за исключением Основных государственных законов.

По «Учреждению» 20 февраля 1906 г. аппарат Думы состоял из общего собрания и канцелярии, а также отделов и комиссий. Члены Государственной думы распределялись по партийным группам — фракциям. Общее собрание ежегодно выбирало из своей среды председателя и двух его товарищей; по истечении года они могли быть переизбраны. Для управления канцелярией на все пять лет из состава Думы избирался секретарь и его товарищи. На председателя Думы возлагались ведение прений в общем собрании, наблюдение за порядком, руководство сношениями Думы с другими правительственными учреждениями, назначение пристава Думы и его помощников для поддержания порядка и доклад о действиях Думы царю. Для разрешения общих вопросов деятельности Государственной думы при председателе создавалось совещание или президиум.

На заседаниях Думы могли присутствовать и выступать министры и главноуправляющие (в голосовании они не участвовали). Статья 33 «Учреждения» давала право группе депутатов (не менее 50 человек) интерпеллировать (обращаться с запросом) к председателю Совета министров, министрам, главнокомандующим.

[26] 23 апреля 1906 г. Николай II утвердил «Основные государственные законы» (ПСЗ, III. Т. 26. № 27805), своего рода конституцию Российской империи, закрепля-

ющую новые политические реалии. Они подтверждали священность и неприкосновенность особы императора, его право в окончательном утверждении законов, в верховном руководстве внешними сношениями, армией, флотом, в назначении высших чиновников, руководстве финансами и т. п. Законодательная власть Государственной думы и Государственного совета закреплялась статьей 86: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора». Однако согласно ст. 87 Основных законов в случае прекращения или перерыва деятельности Думы и Совета, «если чрезвычайные обстоятельства вызывают необходимость», предусматривалась возможность проводить после обсуждения законопроектов в Совете министров их последующее утверждение императором в форме «высочайших указов», которые сразу же вступали в силу. Действие каждого «высочайшего указа» носило временный характер, и он подлежал утверждению в Думе и Совете в течение двух месяцев после возобновления их деятельности.

Кроме того, пользуясь неопределенностью в русском государственном праве понятий «закон» и «указ», самодержавие могло проводить законы и по статье II «Основных государственных законов» в форме единолично утверждаемых императором «актов верховного управления».

Основные законы определяли взаимоотношения Государственной думы и Государственного совета. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли быть снова вынесены на рассмотрение только с разрешения императора.

[27] I Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Выборы проходили в феврале—марте 1906 г., наибольшего успеха добилась конституционно-демократическая партия. Вследствие неодновременности выборов работа Думы проходила при неполном составе, ее пополнение шло в ходе работы. На момент роспуска в ней было 499 депутатов: кадеты — 161: трудовики — 97; мирнообновленцы — 25; социал-демократы — 17; партия демократических реформ — 14; прогрессисты — 12; беспартийные — 103; партия союза автономистов: польское коло — 32, эстонская группа — 5, латышская группа — 6, группа западных окраин — 20, литовская группа — 7. Председатель — С. А. Муромцев (кадет). Комиссии Государственной думы работали над законопроектами о неприкосновенности личности, свободе совести, собраний, об отмене смертной казни. Но центральным вопросом был аграрный инициированный депутатами-крестьянами. Кадеты 8 мая внесли в Думу «проект 42-х», предлагавший дополнительное земельное наделение крестьян за счет казенных, монастырских, церковных, удельных и кабинетных земель, а также частичное отчуждение помещичьей земли за выкуп «по справедливой оценке». 23 мая фракция трудовой группы выступила со своим проектом («проект 104-х»), в котором требовала отчуждения помещичьих земель, превышающих «трудовую норму», создание «общенародного земельного фонда», введения уравнительного землепользования по «трудовой норме». 8 июня 33 депутата внесли еще один аграрный законопроект, требовавший немедленного уничтожения частной собственности на землю. 20 июня правительство выступило с заявлением, в котором категорически

высказывалось за неприкосновенность частнособственнических земель. 8 июля 1906 г. Государственная дума была распущена и назначены выборы в Думу второго созыва.

[28] При допросе 10 июля 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Крыжановскому был предъявлен фрагмент его записок, захваченных во время обысков, где говорилось о депутатах I Думы из крестьян, ведущих себя недостойно, пьянствующих, дебоширящих, нанимавшихся швейцарами, дворниками и т. п. На вопрос Н. К. Муравьева, откуда ему известны эти факты, допрашиваемый ответил, что «основывался на том, что передавал мне Столыпин из данных, которые у него были от полиции» (Падение царского режима... Л.; М., 1926. Т. 5. С. 400).

[29] Роспуск I Государственной думы, о котором было объявлено утром 9 июля 1906 г., стал для депутатов сюрпризом: они пришли в Таврический дворец на очередное заседание и наткнулись на запертые двери. Рядом на столбе висел манифест о прекращении работы I Думы, так как она, призванная «вносить спокойствие» в общество, лишь «разжигает смуту».

Около 200 депутатов, основную массу которых составляли трудовики и кадеты, незамедлительно выехали в Выборг, чтобы обсудить текст воззвания к народу «Народу от народных представителей». Уже вечером 11 июля текст отпечатанного документа сами депутаты начали распространять, возвращаясь в Петербург. Воззвание, подписанное 180 депутатами, призывало к гражданскому неповиновению в ответ на роспуск Думы. В воззвании говорилось:

Народу от народных представителей

Граждане всей России!

Указом 8-го июля Государственная дума распущена.

Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законы о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда Правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию.

Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой, непреклонной волей народа никакая сила устоять не может.

Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе, ваши выборные люди будут с вами.

9-го июля 1906 года. 180 подписей.

Депутаты, подписавшие этот документ, были подвергнуты уголовному преследованию и навсегда лишались права избрания в Думу. Реакция в стране на Выборгское воззвание была спокойной, лишь в некоторых случаях были попытки арестовать депутатов, распространявших его текст.

[30] Ст. 87. Основных законов формулировалась так:

«Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная дума или Государственный совет».

[31] Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» предусматривал пересмотр узаконений о правах раскольников, и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям. 17 апреля 1905 г. был опубликован указ «Об укреплении начал веротерпимости» (ПСЗ, III. Т. 25. № 26125), а также утвержденное императором положение «Об укреплении начал веротерпимости» (ПСЗ, III. Т. 25. № 26126), предусматривающие, что: 1) отпадение от православия в другое христианское исповедание или вероучение ненаказуемо; 2) при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание несовершеннолетние дети остаются в прежней вере, а при таком же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, свыше 14 лет — остаются в прежней своей религии; 3) лица, числящиеся православными, но в действительности исповедую-

щие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных; 4) разрешение христианам всех исповеданий принимаемых ими на воспитание некрещеных подкидышей и детей неизвестных родителей крестить по обрядам своей веры. Далее было установлено различие между вероучениями, соединенными под наименованием «раскол», разделивший их на 3 группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений, «сама принадлежность к которым наказуема в уголовном порядке». Наименование «старообрядцев», взамен прежнего названия «раскольников», присвоили всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы православной церкви, но не признали некоторых ее обрядов и отправляли свое богослужение по старопечатным книгам. Помимо устройства молитвенных домов, скитов и обителей и избрания духовных лиц, настоятелей и наставников, старообрядцам и сектантам разрешалось устройство особых кладбищ, начальных школ. Старообрядцы и сектанты были уравнены в правах с лицами инославных исповеданий в отношении заключения с православными смешанных браков. Отменялись и некоторые другие ограничения.

17 октября 1906 г. было утверждено «Положение о старообрядческих общинах» (ПСЗ, III. Т. 26. № 28424), дополнившее акты 17 апреля 1905 г. Оно подробно определяло порядок образования и действия старообрядческих и сектантских общин, а также права и обязанности входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов. Общиной почиталось «общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в храме, молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещении». Членами общины считались: 1) лица, подписавшие заявление об образовании ее, 2) лица, изъявившие желание присоединиться к общине и принятые общим собранием ее, и 3) лица, записанные в книгу рождений общины. Устройство общин разрешалось в месячный срок губернским (областным) правлением, по заявлению, подписанному 50 лицами; жалобы на постановления губернского правления приносилось в Сенат. Зарегистрированные в установленном порядке общины пользовались правами юридического лица: им предоставлялось избирать духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружать храмы, молитвенные дома, учреждать богоугодные заведения и школы, приобретать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договоры и обязательства, подавать иски и отвечать в суде. Сооружение храмов, молитвенных домов, скитов и обителей разрешалось губернаторами или градоначальниками. Если в деятельности общины обнаруживались противозаконные действия, то губернатор (градоначальник) мог приостановить ее деятельность. Делами общины заведовали общее собрание членов общины и совет общины, который мог быть заменен, по усмотрению общего собрания, духовным лицом, настоятелем или наставником. Члены совета не подлежали утверждению правительственной власти, но для избрания духовных лиц, настоятелей и наставников устанавливался ряд требований: грамотность,

25-летний возраст, несудимость, согласие губернатора. Избранным лицам дозволялось употребление церковного облачения, а также духовного и монашеского одеяний; среди старообрядцев поповщинских согласий их духовные лица могли пользоваться соответствующим старообрядческим наименованием. Духовные лица, наставники и настоятели старообрядцев и сектантов, наравне с духовенством вообще, освобождались от призыва на военную службу, пользовались соответствующими правами относительно удостоверения духовных завещаний и освобождались от присяги на суде. Был также определен порядок ведения метрических книг старообрядцев и сектантов. В общинах, признающих духовных лиц, ведение книг возлагалось на этих лиц, под контролем советов общин. В общинах, не признающих духовных лиц, метрические книги велись в городах — городскими управами или городскими старостами, в уездах — волостными правлениями, т. е. светскими учреждениями.

[32] В связи с подобными случаями позднее был принят закон, запрещавший государственным служащим заниматься политической деятельностью.

[33] Острые дебаты во II Думе и выдвинутые ею радикальные требования, особенно по аграрному вопросу, сильно встревожили правительство. Именно обсуждение аграрного вопроса в Думе и явилось главной причиной ее разгона. «На нем (этом вопросе) конфликт неизбежен, говорил Столыпин,— а тогда к чему тянуть». Но распустить Думу из-за того, что она хочет дать землю народу, явилось бы «опасным орудием в руках революции». Решено было пойти на провокацию. В департаменте полиции была заготовлена фальшивка об «антиправительственном заговоре» депутатов социал-демократической фракции. 1 июня 1907 г. на закрытом заседании Думы Столыпин выступил с заявлением об имеющихся в распоряжении следствия материалах, якобы указывающих на наличие этого заговора, и потребовал исключить из состава Думы 55 депутатов социал-демократической фракции, 16 из них лишить депутатской неприкосновенности и дать санкцию на их арест.

На заседании Думы по предложению кадетской фракции срочно была создана специальная думская комиссия для выяснения основательности обвинений, предъявленных депутатам социал-демократической фракции. Комиссия выявила массу подлогов следствия. Но, не дожидаясь ее решения, власти в ночь на 3 июня арестовали этих депутатов. Они были преданы суду, который признал их виновными в «антиправительственном заговоре» и приговорил часть из них к каторжным работам, а остальных — к ссылке на поселение.

3 июня 1907 г. были обнародованы Манифест (ПСЗ, III. Т. 27. № 29240) и указ (ПСЗ, III. Т. 27. № 29241) о роспуске Думы, а также новое положение, изменившее порядок выборов в Думу (ПСЗ, III. Т. 27. № 29242). Издание нового избирательного закона одной волей монарха явилось грубым нарушением Манифеста 17 октября 1905 г. и обнародованных 23 апреля 1906 г. «Основных государственных законов», согласно которым «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы». Тем самым был совершен акт государственного пе-

реворота. Он знаменовал собой поражение революции 1905—1907 гг. и наступление реакции. Манифест 3 июня 1907 г. гласил:

Объявляем всем нашим верным подданным:

По повелению и указаниям нашим со времени роспуска Государственной думы первого созыва, правительство наше принимало последовательный ряд мер к успокоению страны и установлению правильного течения дел государственных.

Созванная нами вторая Государственная дума призвана была содействовать, согласно державной воле нашей, успокоению России: первее всего работой законодательной, без которой невозможны жизнь государства и усовершенствование его строя, затем рассмотрением росписи доходов и расходов, определяющей правильность государственного хозяйства, и, наконец, разумным осуществлением права запросов правительству, в целях укрепления повсеместно правды и справедливости.

Обязанности эти, вверенные нами выборным от населения, наложили на них тем самым тяжелую ответственность и святой долг пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утверждение державы российской. Таковы были мысль и воля наши при даровании населению новых основ государственной жизни.

К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства. Деятельность этих лиц в Государственной думе послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе. В среду самой Думы внесен был дух вражды, помешавший сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать на пользу родной земли.

По этой причине выработанные правительством нашим обширные мероприятия Государственная дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением или отвергала, не остановившись даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках. Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству, и Россия продолжает переживать позор преступного лихолетия. Медлительное рассмотрение Государственной думой росписи государственной вызвало затруднение в своевременном удовлетворении многих насущных потребностей народных. Право запросов правительству значительная часть Думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения.

Наконец, свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебной властью был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная дума не исполнила немедленного законного требования властей, не допускавшего никакого отлагательства.

Все это побудило нас указом, данным правительствующему Сенату 3 сего июня, Государственную думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 г.

Но, веря в любовь к родине и государственный разум народа нашего, мы усматриваем причину двукратного неуспеха деятельности Государственной думы в том, что по новизне дела и несовершенству избирательного закона законодательное учреждение это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных.

Посему оставляя в силе все дарованные подданным нашим манифестом 17 октября 1905 г. и основными законами права, восприяли мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранников.

Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную думу должны быть временно приостановлены.

Все эти изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избрания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым.

От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим. Перед престолом его мы дадим ответ за судьбы державы Российской. В сознании этом черпаем мы твердую решимость довести до конца начатое нами дело преобразования России, и даруем ей новый избирательный закон, обнародовать который повелеваем правительствующему Сенату.

От верных же подданных наших мы ждем единодушного и бодрого, по указанному нами пути, служения родине, сыны которой во все времена являлись твердым оплотом ее крепости, величия и славы.

[34] Новый избирательный закон существенно ограничивал избирательные права крестьян и рабочих. Общее количество выборщиков по крестьянской курии было сокращено в 2 раза. Крестьянская курия, таким образом, имела лишь 22 % от общего числа выборщиков (против 41,4 % по Положению о выборах в Государственную думу 6 августа 1905 г.). Число выборщиков от рабочих составляло 2,3 % от общего числа выборщиков. Значительные изменения были внесены в порядок выборов от Городской курии, которая была разделена на 2 разряда: первый съезд городских избирателей (крупная буржуазия) получил 15 % всех выборщиков и второй съезд городских избирателей (мелкая буржуазия) получил лишь 11 %. Первая курия (съезд земледельцев) получила 49 % выборщиков (против 34 % по положению 1905 года). Рабочие большинства губерний

России (за исключением 6) могли участвовать в выборах только по второй городской курии — как квартиронаниматели или в соответствии с имущественным цензом. Закон 3 июня 1907 г. предоставлял министру внутренних дел право изменять границы избирательных округов и на всех стадиях выборов делить избирательные собрания на самостоятельные отделения. Резко сократилось представительство от национальных окраин. Например, от Польши раньше избирали 37 депутатов, а теперь 14, от Кавказа раньше 29, теперь же только 10. Мусульманское население Казахстана и Средней Азии вообще лишалось представительства.

Общее число депутатов Думы сокращалось с 524 до 442.

[35] Квиетизм (от лат. quies — покой) — религиозно-этическое учение, представители которого провозглашают полную пассивность и спокойствие, подчинение божественной воле, равнодушие к добру и злу, отречение от мира и др. В переносном смысле — «квиентизм» означает созерцательный образ жизни, бездеятельность.

[36] В июне — начале июля 1906 г. П. А. Столыпин вел переговоры с Д. Н. Шиповым, П. Н. Милюковым, П. А. Гейденом, Н. Н. Львовым и др. общественными деятелями о возможности формирования коалиционного правительства из лиц, назначенных императором, и представителей думского большинства. Организацией этих переговоров занимался С. Е. Крыжановский. Параллельно аналогичные переговоры с представителями либеральной оппозиции вел дворцовый комендант Д. Ф. Трепов. Никаких результатов они не имели, 8 июля I Государственная дума была распущена.

(См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М, 1990. С. 386—399; Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 540—542).

[37] Версию о том, что отдельные важные документы, отсутствующие в государственных архивах, в частности о расходовании секретного фонда МВД, П. А. Столыпин отвозил в свое имение Колноберже, расположенное в Ковенской губернии, Крыжановский впервые выдвинул при допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 10 июля 1917 г. Он заявил, что по его сведениям, Вильгельм II передал захваченный немцами в 1914 г. архив Столыпина известному специалисту по истории России, профессору Теодору Шиману. До настоящего времени эти документы не обнаружены, не исключено, что Крыжановский сознательно ввел следствие в заблуждение, а затем повторил это в своих воспоминаниях.

[38] Об этом см. комментарий к п. 1.

[39] «Русский народ» — газета, издававшаяся И. Н. Кацауровым в Ярославле с марта 1906 г. по декабрь 1910 г. Орган ярославского «Союза русского народа». Издание субсидировалось из Секретного фонда МВД.

[40] «Русское знамя» — газета, выходившая в ноябре 1905 г.— феврале 1917 г. в Петербурге. Главный орган праворадикального «Союза русского народа». Издание субсидировалось из Секретного фонда МВД.

[41] «Гражданин» — газета-журнал, издававшаяся в Петербурге князем В. П. Мещерским в 1872—1914 гг. Издание субсидировалось из Секретного фонда МВД.

[42] Родионов И. А. (1866—1940), полковник царской армии, писатель, журналист. Автор нашумевшего романа «Наше преступление», описывающего дикие нравы новгородского крестьянства. Первое издание вышло в 1909 г. в Петербурге. Его перу также принадлежит книга «Тихий Дон: очерки истории Донского казачества», опубликованная в 1913 г. и переизданная в Санкт-Петербурге в 1994 г. После 1920 г. в эмиграции. По мнению ряда специалистов, Родионов — настоящий автор «Тихого Дона» М. А. Шолохова. «Наше преступление» было переиздано в России в 1997 г. (Родионов И. А. Наше преступление. М.: Глосса, 1997).

[43] В конце XIX — начале XX в. в правительственных сферах неоднократно обсуждался вопрос о реформировании православного прихода. Поскольку в дореволюционной России церковь не была отделена от государства, финансирование на содержание православных церквей выделялось из государственного бюджета. Несмотря на то что ежегодные ассигнования по смете Синода составляли весьма значительную сумму, выделяемых денег не хватало для обеспечения священникам достойного уровня жизни: они были вынуждены брать с прихожан плату за проведение различных обрядов и другие поборы, что вызывало недовольство населения. Различные проекты реформирования православного прихода предусматривали его наделение правом юридического лица, правом самообложения, заведования церковным имуществом и т. д. по примеру церковной организации в Западной Европе. Эта реформа преследовала цель, с одной стороны, улучшить материальное положение священников и повысить авторитет церкви, а с другой, снизить расходы по смете Синода.

[44] Фабричная инспекция — надзорный орган, созданный, согласно закону «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июля 1882 г. для контроля за претворением закона в жизнь. В 1884 г. Россия была разделена на 9 фабричных округов.

В 1890-е г. фабричная инспекция уже не только занималась защитой малолетних рабочих, но стала основным государственным органом, призванным регулировать взаимодействие между рабочими и владельцами предприятий.

Фабричные инспекторы были постоянными участниками взаимоотношений между рабочими и предпринимателями. Олицетворяя государственный контроль на фабриках и заводах, фабричные инспекторы одновременно и реализовывали нормы законодательства, водворяя законность на фабриках и заводах, и участвовали в создании и публикации многочисленных исследований и статистических материалов, всесторонне характеризующих взаимные отношения рабочих и предпринимателей.

Важными вехами становления социального законодательства были закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» 2 июня 1897 г. и закон «О страховании рабочих на случаи болезни и о страховании рабочих от несчастных случаев» 23 июня 1912 г., проводниками которых были все те же фабричные инспекторы.

Важный источник по истории фабричной инспекции — работы первых фабричных инспекторов: И. И. Янжула «Из воспоминаний переписки фабричного инспектора перво-

го призыва» (СПб., 1907), А. К. Клепикова (писал под псевдонимом С. Гвоздев) «Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.)» (М., 1911), Е. М. Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» (М., 1893).

[45] Столыпин действительно обладал даром оратора, на его выступлениях некоторые даже рыдали. В то же время, все свои речи он всегда читал по тетради. Некоторые источники с известной долей уверенности позволяют предположить, что автором выступлений Столыпина, включая его знаменитые слова: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!», «Не запугаете!» и т. п. был чиновник особых поручений при министре внутренних дел И. Я. Гурлянд. (См.: Ганелин Р. Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С. 166). Косвенно на это намекает и Крыжановский, обращавший в своих воспоминаниях внимание на актерские способности Столыпина, а не на содержание его выступлений.

[46] «Брайтова болезнь» (гломерулонефрит) — аллергическое заболевание почек.

[47] Согласно действовавшему в то время закону, в губерниях, где не было земств, выборы в Государственный совет, по одному члену от губернии, проводились губернскими съездами землевладельцев, обладавших высоким земельным цензом. В девяти западных губерниях — Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Киевской, Подольской и Волынской крупное землевладение находилось в основном в руках поляков. И, если в первых трех из перечисленных губерний и крестьянская масса была в основном польской и литовской, то в остальных шести подавляющее большинство населения состояло из русских, белоруссов и малороссов. Тем не менее, представителями этих губерний в Государственном совете становились исключительно поляки.

В начале 1909 г. редактор консервативной газеты «Киевлянин», профессор Д. И. Пихно, один из лидеров русских националистов, предложил реформировать выборы в Государственный совет от Западного края. Предлагалось выделить поляков в отдельную курию, а большинство мест предоставить русским. П. А. Столыпин активно поддержал эту идею, считая, что необходимо распространить земское самоуправление на губернии Западного края. Был разработан законопроект, предусматривающий разделение избирателей на две курии — польскую и русскую, причем русская избирала большее число гласных. Особые правила закрепляли преобладание русских в земских управах и в составе земских служащих. Для русской курии избирательный имущественный ценз был существенно ниже, чем для польской. Землевладельцам — полякам принадлежали в крае огромные земельные пространства, а численно преобладающее русское большинство являлось малоземельным. Поэтому законопроект и предложил принять во внимание не только имущественный признак, но и признак национальный. Предлагаемое понижение имущественного ценза в пользу мелких землевладельцев означало ущемление прав аристократии, и вокруг одобренного Думой законопроекта в Государственном совете развернулась ожесточенная борьба.

4 марта 1911 г. Государственный совет 92 голосами против 68 отклонил основной пункт законопроекта об образовании национальных курий. Этим крайне правые наносили удар не только по западному земству, но и лично по Столыпину, по всей его государственной программе. 5 марта 1911 г. Столыпин, считавший, что отклонение закона — выпад лично против него, потребовал от Николая II утвердить этот Закон с использованием исключительных положений согласно 87 статьи Основных законов. В противном случае Столыпин был готов уйти в отставку. 14 марта Николай II утвердил Положение о введении земств в Западном крае, а основным противникам его принятия — П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову повелел выехать из столицы и до конца года не посещать заседаний Государственного совета.

Однако формальная победа Столыпина на деле оказалась поражением: он утратил поддержку большей части Государственного совета, аристократии и влиятельных придворных кругов. Николай II также был чрезвычайно недоволен ультиматумом Столыпина.

Именной указатель

Акимов М. Г., (1847—1914), государственный. деятель, сенатор, в 1905—1906 гг. министр юстиции, в 1907—1914 гг. председатель Государственного совета. *77, 83*

Аладьин А. Ф., (1873—?), депутат I Государственной думы от крестьян Симбирской губ., один из лидеров группы трудовиков. *92*

Александр I, (1777—1825), российский император с 1801 по 1825 г. *121, 122*

Александр II, (1818—1881), российский император с 1855 по 1881 г. *55*

Александр III, (1845—1894), российский император с 1881 по 1894 г. *11, 53, 83, 126, 139*

Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская), (1872—1918), российская императрица, супруга Николая II (с 1894). *37, 38, 151, 153, 157*

Алексей Михайлович, (1629—1676), русский царь с 1645 по 1676 г. *14, 160, 161, 179*

Анастасия Николаевна, (1901—1918), великая княжна, дочь императора Николая II. *150*

Андроников М. М., (1875—1919), князь, политический авантюрист, один из представителей придворной камарильи, входил в окружение Г. Е. Распутина, в феврале 1916 г. выслан в Рязань. *138*

Арбузов А. Д., (1859—?), в 1905—1914 гг. директор департамента общих дел МВД, затем сенатор. *19, 160*

Балинский П. И., (1860—?), инженер путей сообщения, один из первых теоретиков отечественного метростроения, автор проектов строительства метрополитенов в Петербурге и Москве, являлся членом правления различных промышленных предприятий, принадлежал к окружению Г. Е. Распутина. *143, 144*

Балмашев С. В., (1882—1902), эсер., смертельно ранил министра внутренних дел Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г. *15, 169*

Блинов Ф. А., (1827—1902), купец, изобретатель-самоучка. Видный старообрядец, член совещания по выработке «Положения о старообрядческих общинах» (1906). *100*

Блок А. А., (1880—1921), русский поэт. *39*

Бобринский В. А., (1868—1921), граф, крупный землевладелец, один из лидеров Всероссийского национального союза, член II, III и IV Государственной думы. *84, 148*

Богданович А. В., (?—1914), хозяйка столичного политического салона, жена Е. В. Богдановича. *24, 29*

Богданович Е. В., (1832—1914), генерал от инфантерии, член совета министра внутренних дел, староста Исаакиевского собора, издавал на средства МВД литературу для народа, муж А. В. Богданович. Содержал собственный политический салон. *49*

Богров Д. Г., (1887—1911), с 1906 г. эсер-максималист, затем член киевской группы анархистов-коммунистов; с 1907 г. сотрудничал с Киевским охранным отделением (кличка «Аленский»); с 1910 г. с Петербургским охранным отделением (кличка «Надеждин»). 1 сентября 1911 г. в Киевском городском театре смертельно ранил председателя Совета министров П. А. Столыпина. *37*

Бугров Н. А., (1837—1911), нижегородский купец, промышленник-миллионер. Видный старообрядец, член совещания по выра-

ботке «Положения о старообрядческих общинах» (1906). *100*

Булыгин А. Г., (1851—1919), государственный деятель. В январе—октябре 1905 г. министр внутренних дел. С октября 1905 г. член Государственного совета. *21, 22, 24, 25, 62—71, 73, 74*

Ватаци Э. А., (1856—1920), высокопоставленный чиновник МВД, в 1904—1905 гг. директор департамента общих дел, один из ближайших сотрудников П. Д. Святополк-Мирского. В 1915 г. вышел в отставку и поступил на частную службу. *57*

Вернадский В. И., (1863—1945), ученый и общественный деятель, академик. В 1898—1911 гг. профессор Московского университета. В начале XX в. один из лидеров либерального движения, член «Союза освобождения», один из организаторов кадетской партии (1905), член ее ЦК. После Октябрьской революции — организатор и директор ряда академических научных учреждений. *9—12*

Вернадский Г. В., (1887—1973), историк, общественный деятель, автор фундаментальных работ по истории России. В 1913—1917 гг. приват-доцент Петербургского университета, с 1920 г. в эмиграции. Сын В. И. Вернадского. *11, 12*

Вильгельм II, (1859—1941), германский император в 1888—1918 гг. *123*

Витте С. Ю., (1849—1915), граф, государственный деятель, в 1892 г. министр путей сообщений, в 1892—1903 гг. министр финансов, в 1903—1905 гг. председатель Комитета министров, в 1905—1906 гг. председатель Совета министров. Инициатор введения винной монополии (1894), проведения денежной реформы (1897), строительства Транссибирской железной дороги и др. Подписал Портсмутский мир (1905), завершивший русско-японскую войну. Инициатор издания Ма-

нифеста 17 октября 1905. Автор воспоминаний. Племянник Ф. Ф. Витте. *10, 14, 20, 22, 26—29, 36, 37, 39, 47, 57—59, 62, 67, 72, 75, 77—84, 86, 87, 89, 91, 160, 174*

Витте Ф. Ф., (?—1879), юрист, доктор международного права, в 1852—1862 гг. чиновник МИД, в 1862—1864 гг. попечитель Киевского учебного округа, в 1864—1879 гг. главный директор Комиссии по народному просвещению в Царстве Польском. Дядя С. Ю. Витте. *6*

Владимир Александрович, (1847—1909), великий князь, третий сын императора Александра II, генерал от инфантерии (1880). В 1884—1905 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. 9 января 1905 г. отдал приказ о применении оружия против мирной манифестации рабочих. *58*

Владимир Святой, (960—1015), киевский великий князь, при котором произошло крещение Руси. *125*

Водовозов В. В., (1864—1933), публицист, юрист, участник народнического революционного движения. Подвергался арестам и ссылкам. Автор ряда публицистических работ. С 1926 г. в эмиграции. *9, 11*

Войновский-Кригер Э. Б., (1862—1933), с апреля 1916 г. товарищ министра путей сообщения, с 28 декабря 1916 г. по 28 февраля 1917 г. министр путей сообщения. *144*

Восторгов И. И., (1866—1918), протоиерей, публицист крайне правого направления, один из лидеров «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и Русской монархической партии. *103, 104, 138*

Вуич Н. И., [в тексте мемуаров ошибочно — А. И.] (1863—1917), в 1901—1906 гг. помощник управляющего делами Комитета министров, в 1906—1917 гг. сенатор. *75*

Вырубова А. А., (1884—1964), фрейлина императрицы Александры Федоровны в 1904—1917 гг. Посредница между царской семьей и Г. Е. Распутиным. С 1920 г. в эмиграции. Автор воспоминаний. Дочь А. С. Танеева. *49, 151*

Гессен И. В., (1866—1943), общественный деятель, публицист, юрист, один из основателей и руководителей кадетской партии, редактор партийной газеты «Речь». Депутат II Государственной думы. В эмиграции издавал «Архив русской революции». *33, 39*

Глинка-Янчевский С. К., (1844—1921), военный инженер, публицист, автор ряда работ правомонархического содержания. В 1909—1914 гг. редактор газеты «Земщина». *53*

Глинский Б. Б., (1860—1917), публицист, в 1880-е гг. участник студенческого движения, привлекался к уголовной ответственности. В 1913—1917 гг. редактор «Исторического Вестника». Автор многочисленных работ историко-публицистического характера. *9*

Голицын Н. Д., (1850—1925), князь, государственный деятель. Последний председатель Совета министров Российской империи (27 декабря 1916 г.— 27 февраля 1917 г.). *23, 71*

Горемыкин И. Л., (1839—1917), государственный деятель. В 1895—1899 гг. министр внутренних дел, в апреле—июле 1906 г. и в 1914—1916 гг.— председатель Совета министров. *13, 14, 23, 31, 38, 47, 48, 52, 59, 71, 97, 107—109, 123, 139—141, 145, 180*

Гревс И. М. (1860—1941), историк, педагог. В 1892—1918 гг. профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, в 1899—1941 гг. профессор Петербургского (с 1924 Ленинградского) университета. Автор работ по истории Древнего Рима и медиевистике. *7, 9, 10, 17*

Громеко М. С., (?—?), вторая жена Е. М. Крыжановского с 1872 г. *7*

Громеко С. С., (1823—1877), офицер полиции, публицист, администратор. До 1859 г. служил в полиции и жандармерии, в 1859 г. уволен в отставку за цикл обличительных очерков, автор ряда публицистических работ, был корреспондентом «Колокола» А. И. Герцена. В 1859—1864 гг. в Русском обществе пароходства и торговли в Одессе. С 1864 г. чиновник МВД, в 1867—1877 гг. седлецкий губернатор. *7*

Гурко В. И., (1863—1927), высокопоставленный чиновник МВД, в 1906 г. товарищ министра внутренних дел, с 1912 г. член Государственного совета по выборам от земства. Автор воспоминаний. *18, 95, 99, 174*

Гурлянд И. Я., (1868—?), профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, в 1904—1917 гг. высокопоставленный чиновник МВД, руководитель официозной газеты «Россия», один из ближайших сотрудников П. А. Столыпина. *65, 90, 104, 105, 161*

Гучков А. И., (1862—1936), политический и государственный деятель. Один из создателей и лидер партии октябристов. Депутат и в 1910—1911 гг. председатель III Государственной думы. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции. *80, 84*

Дедюлин В. А., (1858—1913), генерал-адъютант, в 1903—1905 гг. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов, петербургский градоначальник (январь—декабрь 1905), с 1906 по 1913 г. дворцовый комендант. Принадлежал к ближайшему окружению Николая II. *138*

Демчинский Н. А., (1851—1915), инженер путей сообщения, писатель, публицист. Автор беллетристических произведений и исторических исследований, а также популярных работ по гидрометеорологии. В 1900—1903 гг. издавал журнал «Климат», с 1907 г. за счет средств секретного фонда МВД пропаганди-

ровал среди крестьян т. н. «грядковую культуру» выращивания зерновых. *105*

Деникин А. И., (1872—1947), российский военный деятель, генерал-лейтенант, один из руководителей белого движения: с апреля 1918 г. командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России», одновременно с января 1920 г. «Верховный правитель Российского государства», с апреля 1920 г. в эмиграции. Автор мемуаров. *40*

Джунковский В. Ф., (1865—1938), государственный и военный деятель, в 1905—1913 гг. московский губернатор, в 1913—1915 гг. товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов, отправлен в отставку в связи с крайне негативным отношением к Г. Е. Распутину. В 1915—1917 гг. командир 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Автор мемуаров. *34—36*

Добецкий Е. Е. [в тексте мемуаров ошибочно — Добезкий], (1856—?), общественный деятель Царства Польского, гминный (волостной) судья, в 1906—1909 гг. член Государственного совета. *72*

Добровольский Н. А., (1853—1918), государственный деятель, в 1900—1915 гг. обер-прокурор I департамента Сената, с декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. министр юстиции. *111*

Дубровин А. И., (1855—1921), врач, политический деятель, в 1905—1917 гг. лидер праворадикального «Союза русского народа». *33, 34, 49, 103, 135, 138*

Дурново П. Н., (1845—1915), государственный деятель, в 1884—1893 гг. директор департамента полиции МВД, в 1900—1905 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1905—1906 гг. министр внутренних дел, затем член Государственного совета. *11, 29, 46, 77, 85, 87—91, 169—171, 173, 176*

Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский), (1868—1946), церковный деятель. В 1912—1914 гг. первый архиепископ вновь образованной Холмской губернии, в 1914—1917 гг. архиепископ Волынский и Житомирский, с 1920 г. в эмиграции. *175*

Евтифьев А. А., (?—?), чиновник Главного управления по делам местного хозяйства. *110*

Екатерина Великая, (1729—1796), российская императрица в 1762—1796 гг. *162, 179*

Ерогин М. М., (1862—?), депутат I Государственной думы, белостокский уездный предводитель дворянства, полковник в отставке. В апреле—мае 1906 г. содержал на средства МВД т. н. «ерогинские квартиры» — меблированные комнаты в Санкт-Петербурге для депутатов-крестьян I Государственной думы. *89, 90*

Жевахов Н. Д., (1876—1949), князь, государственный деятель, в 1916—1917 гг. товарищ обер-прокурора Синода, был близок к право-монархическому движению. В эмиграции с 1920 г. Автор мемуаров. *144, 150, 151, 181*

Зиновьев Н. А., (1840—1917), государственный деятель, автор книг духовного содержания. В 1901—1903 гг. директор Хозяйственного департамента МВД, в 1902—1904 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1904—1917 гг. член Государственного совета. *24, 52*

Ивановский И. А., [в тексте мемуаров ошибочно — И. М.] (1858—?), юрист, профессор государственного права в Новороссийском, затем в Петербургском университете. *62*

Игнатьев А. П., (1842—1906), граф, генерал от кавалерии, государственный деятель. В 1885—1889 гг. иркутский, в 1889—1896 гг. киевский генерал-губернатор, с 1896 г. член Государственного совета. Убит эсером С. Н. Ильинским. *85, 174*

Игнатьева С. С., (1850—1944), хозяйка столичного политического салона, жена А. П. Игнатьева. В эмиграции. *49*

Извольский А. П., (1865—1923), государственный деятель. В 1906—1910 гг. министр иностранных дел, в 1910—1917 гг. посол во Франции. С 1918 г. в эмиграции. *97, 139*

Икскуль фон Гильденбрандт Ю. А., барон (1852—1918), государственный деятель, в 1899 г. товарищ министра земледелия и государственных имуществ, в 1899—1904 гг. товарищ государственного секретаря, в 1904—1909 гг. государственный секретарь. С 1909 по 1917 г. член Государственного совета *71, 86*

Иоанн (Иустин Авксентьевич Картушин), [в тексте мемуаров ошибочно — Картушев] (1837—1915), церковный деятель, в 1898—1903 гг. старообрядческий архиепископ Московский, в 1903—1905 гг. в ссылке в Туле, в 1906—1907 гг. старообрядческий митрополит Московский. Член совещания по выработке «Положения о старообрядческих общинах» (1906). *100*

Искра И. И., (?—1708), казацкий полковник. В августе 1707 г. передал русским властям донесение об измене гетмана И. С. Мазепы. В результате интриг Мазепы в 1708 г. казнен. Могилы И. И. Искры и В. Л. Кочубея находятся рядом с могилой П. А. Столыпина. *172*

Ислявин М. В., (1864—1942), в 1913—1917 гг. новгородский губернатор, член Совета по делам местного хозяйства МВД. *106*

Каракозов Д. В., (1840—1866), революционер, 4 апреля 1866 г. совершил в Санкт-Петербурге покушение на императора Александра II. *133*

Кацауров И. Н., (1855—1914), врач-офтальмолог, один из деятелей «Союза русского народа». В 1906—1910 гг. за счет секретного фонда МВД издавал в Ярославле газету «Русский народ». *129, 130*

Керенский А. Ф., (1881—1970), политический и государственный деятель, адвокат. В 1917 г. министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), с 8 июля по 25 октября министр-председатель Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. Автор мемуаров. *93*

Клейнмихель М. Э., (1846—?), графиня, хозяйка столичного политического салона, который действовал с начала XX века по 1917 г. Среди его участников были министры, русские и зарубежные дипломаты. Посетители салона в основном обсуждали проблемы внешней политики. В эмиграции. Автор воспоминаний. *49*

Кобеляцкий А. И., (1862—1907), составитель справочников по фабричному законодательству. *66*

Коковцов В. Н., (1853—1943), граф, государственный деятель, финансист. В 1904—1905 гг. и в 1906—1914 гг. министр финансов, в 1911—1914 гг. председатель Совета министров. С 1918 г. в эмиграции, автор мемуаров. *37, 98, 139*

Коломиец, (?—?), чиновник МВД. *110*

Коренев В. И., (?—?), из крестьян, фотограф из Смоленской губернии. В апреле—июне 1906 г. совместно с М. М. Ерогиным занимался организацией специальных квартир для крестьян-депутатов I Государственной думы. *89—91*

Корнилов А. А., (1862—1925), историк, политический деятель. Служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, затем — при иркутском генерал-губернаторе. За участие в оппозиционных выступлениях в 1901 г. выслан в Саратов. Один из организаторов конституционно-демократической партии, в 1905—1908 гг. секретарь ее ЦК. Автор воспоминаний и работ по истории России XIX — начала XX вв. *8, 10, 11*

Короленко В. Г., (1853—1921), писатель и публицист, активный участник революционного народнического движения, в 1881—

1884 гг. в ссылке в Якутии. В 1895—1918 гг. редактор журнала «Русское богатство». *24, 72*

Кочубей В. Л., (1640—1708), украинский государственный и военный деятель. При гетмане И. С. Мазепе занимал высшие должности в Гетманском уряде: генерального писаря (1687—1699), генерального судьи (1699—1708). Кочубей несколько раз предупреждал Петра I о готовившейся измене Мазепы, последний, доверяя гетману, счел эти сведения клеветой и выдал Мазепе бежавших в Россию Кочубея и его единомышленника И. И. Искру, которые были казнены. П. А. Столыпин похоронен рядом с могилами Кочубея и Искры. *172*

Кривошеин А. В., (1857—1921), государственный деятель, в 1904—1905 гг. начальник Переселенческого управления МВД, в 1906—1908 гг. товарищ министра финансов, в 1908—1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием. Руководил проведением столыпинской аграрной реформы. В 1915—1917 гг. член Государственного совета. Активный противник советской власти, в 1920 г. глава «Правительства Юга России», затем в эмиграции. *59, 122*

Крыжановский Е. М., (1831—1888), в 1864—1871 гг. начальник учебной дирекции седлецкой губернии. В 1871—1883 гг. директор I варшавской классической гимназии, 1883—1888 гг. член Учебного комитета Синода. Автор работ по русской церковной истории и вопросам образования. Отец С. Е. Крыжановского. *6, 7, 46*

Кузьмин-Караваев В. Д., (1859—1927), генерал-майор, профессор, земский деятель, публицист. Депутат I и II Государственной думы, один из создателей Партии демократических реформ. *77, 78*

Кузьминский А. М., (1843—1917), судебный деятель, сенатор. В 1881 г. был назначен председателем Петербургского окружного суда, а затем прокурором Петербургской судебной

палаты. С 1900 г. сенатор уголовного кассационного департамента. Проводил ревизии в Баку и Бакинской губернии в связи с армяно-татарской резней, а затем в Одессе в связи с еврейским погромом. *61*

Куманин Л. К., (1869—1920), с 1897 г. в МВД, в 1906—1910 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, в 1910—1917 гг. при председателе Совета министров. В 1906—1917 гг. заведовал т. н. «министерским павильоном» в Таврическом дворце (резиденции Государственной думы). Через собственную агентуру собирал и передавал в МВД информацию о настроениях в думских кулуарах, планах и деятельности фракций и т. п. *74*

Кутлер Н. Н., (1859—1924), государственный деятель, с января по октябрь 1905 г. товарищ министра финансов, с октября 1905 г. по февраль 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием. Уволен в отставку в связи с подготовленным им проектом аграрной реформы. Депутат II и III Государственной думы, кадет. После октября 1917 г. сотрудничал с советской властью. В 1922—1924 гг. член правления Государственного банка РСФСР. Руководил подготовкой и реализацией денежной реформы в СССР 1924 г. *27, 80*

Лауниц В. Ф. фон-дер, (1855—1906), петербургский градоначальник в 1905—1906 гг., член «Союза русского народа», поддерживал различные праворадикальные организации, убит 22 декабря 1906 г. *29*

Леруа-Болье А., (1842—1912), французский публицист, профессор, с 1872 по 1881 г. совершил четыре путешествия в Россию, результаты которых изложил в книге «L'Empire des Tsars et les Russes» («Царская империя и русские») (Париж, 1881—1889) — всестороннем исследовании о государственном и общественном строе России. *112*

Лимарь Я. Я., (?—?), чиновник Главного управления по делам местного хозяйства. *110*

Лодыженский И. Н., (1872—?), в 1914—1915 гг.— управляющий делами Совета министров. *141*

Лопухин А. А., (1864—1927), высокопоставленный чиновник МВД, в 1886—1902 гг. в судебном ведомстве, с 1902 г. по март 1905 г. директор департамента полиции, в марте—октябре 1905 г. эстляндский губернатор, с 1906 г. в отставке. Предал огласке факт провокаторской деятельности Е. Ф. Азефа, за что в 1909—1912 гг. находился в ссылке в Сибири. После октября 1917 г. в эмиграции. *54, 56, 57, 90, 173*

Львов Н. Н., (1867—1944), земский деятель, депутат I, III и IV Государственной думы, кадет, затем прогрессист. *173*

Макаров А. А., (1857—1919), государственный деятель, в 1906—1909 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1909—1911 гг. государственный секретарь, в 1911—1912 гг. министр внутренних дел, с июля по декабрь 1916 г. министр юстиции, член Государственного совета. *37*

Манасевич-Мануйлов И. Ф., (1869—1918), журналист, политический авантюрист. С 1899 г. представитель департамента полиции в Риме, затем Париже. В 1906 г. уволен в отставку. Был причастен к различным махинациям, входил в ближайшее окружение Г. Е. Распутина. *148*

Манухин С. С., (1856—1921), государственный деятель, в 1901—1904 гг. товарищ министра юстиции, в 1904—1905 гг. министр юстиции, с 1906 г. член Государственного совета. В 1912 г. производил официальное расследование обстоятельств Ленского расстрела рабочих. *20, 21, 60, 61*

Мария Павловна, (1854—1920), великая княгиня, жена великого князя Владимира Александровича (брата Александра III). В 1909—1917 гг. президент Академии художеств. В годы

Первой мировой войны возглавляла Комитет по снабжению одеждой нижних чинов. *133*

Мария Федоровна, (1847—1928), императрица, супруга императора Александра III. *87*

Марков Н. Е. (Марков 2-й), (1866—1945), политический деятель, один из лидеров «Союза русского народа». Глава фракции правых в III и IV Государственной думе. С 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. председатель Высшего монархического совета. *138*

Мекленбург-Стрелецкие — герцоги, немецкий владетельный род. Великое Мекленбург-Стрелецкое герцогство располагалось в северо-восточной части Германии со столицей в г. Нойстрелец. В 1801 г. сын герцога Мекленбург-Стрелецкого — Георг Август женился на великой княгине Екатерине Михайловне, положив начало русской ветви Мекленбург-Стрелецкого дома. *141*

Меншагин, (?—?), курьер МВД. *111, 129, 130*

Меньшиков М. О., (1859—1919), писатель и публицист, сотрудник газеты «Новое время». *27, 72*

Мещерский В. П., (1839—1914), князь, литератор, писатель и публицист, хозяин политического салона. С 1872 по 1914 г. выпускал консервативно-монархическую газету-журнал «Гражданин» (Санкт-Петербург). Был близок к придворным кругам, пользовался доверием Александра III и Николая II. *49, 139*

Микешин В. Н., (1856—?), депутат I Государственной думы от Симбирской губернии, кадет. *93*

Миллер О. Ф., (1833—1889), историк русской литературы, фольклорист, профессор Петербургского университета, в 1882—1887 гг. руководитель университетского студенческого научно-литературного общества. *9*

Милюков П. Н., (1859—1943), политический деятель, историк, публицист. Один из создателей (1905), теоретик и лидер кадетской партии. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После октября 1917 г. в эмиграции. Автор трудов по истории России XVIII—XIX вв., мемуаров. *4, 33, 80, 94, 101, 117, 178, 181*

Михаил Федорович, (1596—1645), русский царь с 1613 по 1645 г. Первый царь из династии Романовых. *168*

Михайличенко М. И., (1869—?), рабочий-горняк, депутат I Государственной думы от Екатеринославской губернии. *93*

Муравьев Н. В., (1850—1908), государственный деятель, дипломат, в 1892—1894 гг. государственный секретарь, в 1894—1905 гг. министр юстиции, в 1905—1908 гг. посол России в Италии. *84*

Муромцев С. А., (1850—1910), профессор Московского университета, юрист. Один из лидеров кадетской партии. В 1906 г. председатель I Государственной думы. *79, 80, 92, 95, 96*

Набоков В. Д., (1869—1922), профессор уголовного права, земский деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной думы. Отец писателя В. В. Набокова. *91, 117*

Налбандов В. С., (?—?), чиновник Главного управления по делам местного хозяйства. *72, 74, 88*

Наливкин В. П., (1852—1918), востоковед, педагог, общественный деятель. Депутат II Государственной думы. *121*

Нарышкина Е. А., (?—?), урожденная княжна Куракина, вдова А. Д. Нарышкина, гофмейстерина императрицы Александры Федоровны. *143, 144*

Немешаев К. С., (1849—1927), государственный деятель. В 1896—1905 гг. начальник Юго-Западных железных дорог, в 1905—1906 гг. министр путей сообщения, в 1912—1917 гг. член Государственного совета. *80*

Николай II, (1868—1918), российский император с 1894 по 1917 гг. *14, 17, 19, 21—25, 27, 28, 31—33, 37, 38, 41—48, 83, 87, 181*

Нилов К. Д., (1868—1927), адмирал, флаг-капитан Николая II. Входил в ближайшее окружение императора. После октября 1917 г. в эмиграции. *138*

Новицкая Н. Н., (?—1867), мать С. Е. Крыжановского. *7*

Новосильцев Н. Н., (1768—1838), граф, государственный деятель. Член Негласного комитета. В 1803—1810 гг. президент Петербургской Академии наук. С 1813 г. фактически управлял бывшим Великим герцогством Варшавским, с 1815 г. Царством Польским. С 1832 г. председатель Государственного совета и Комитета министров. *122*

Оболенский А. Д., (1855—1933), государственный деятель, в 1897—1902 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1902—1905 гг. товарищ министра финансов, в 1905—1906 гг. обер-прокурор Синода, в 1906—1917 гг. член Государственного совета, с 1920 г. в эмиграции. *17, 26, 52, 59, 75, 78, 79, 96*

Обольянинов Л. А., (1861—1920-е гг.), гимназический и университетский соученик Крыжановского, член «ольденбурговского кружка». Впоследствии земский деятель. *8*

Ольга Николаевна, (1895—1918), великая княжна, дочь Николая II. *151*

Ольденбург С. Ф., (1863—1934), ученый-востоковед, государственный и общественный деятель, с 1885 г. преподавал в Петербургском университете. С 1893 г. профессор. В 1908 г. избран академиком Императорской Академии наук, с 1904 г. непременный секретарь Академии. Один из руководителей кадетской партии. С июля по сентябрь 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. Брат Ф. Ф. Ольденбурга. *9, 10, 17*

Ольденбург Ф. Ф., (1861—1914), общественный деятель и педагог, один из руководителей студенческого научно-литературного общества Петербургского университета. После окончания университета занимался педагогической деятельностью в Тверской губернии. Участник оппозиционных выступлений. После 1905 г. руководил Тверским губернским комитетом кадетской партии. Брат С. Ф. Ольденбурга. *9, 11, 17, 27, 80*

Онипко Ф. М., (1880—1926), крестьянин, волостной писарь, депутат I Государственной думы от крестьян Ставропольской губ., один из лидеров группы трудовиков. *92*

Панчулидзев С. А., (1855—1917), генерал-майор, историк, общественный деятель. В разное время саратовский уездный предводитель дворянства, в 1909—1917 гг. управляющий делами Постоянного совета Объединенного дворянства, в 1903—1917 гг. управляющий архивом Государственного совета. Автор ряда публицистических и научных работ, в т. ч. «Истории кавалергардов» в 4-х т. (СПб., 1899—1912). *133—135*

Петр I (Петр Великий), (1672—1725), с 1682 по 1721 г. российский царь, с 1721 г. первый российский император. *55*

Петрункевич И. И., (1843—1928), общественный и политический деятель. Организатор нелегальных земских съездов 1870-х гг., в 1904—1905 гг. председатель «Союза освобождения», один из создателей кадетской партии, депутат I Государственной думы, редактор газеты «Речь». С 1919 г. в эмиграции. Автор мемуаров. *91*

Питирим, (Павел Васильевич Окнов), (1858—1919), церковный деятель, в 1915—1917 гг. митрополит Петроградский и Ладожский. В обществе имел репутацию ставленника Г. Е. Распутина. *38, 144, 145, 149, 150*

Плеве В. К., (1846—1904), государственный деятель, в 1885—1894 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1894—1902 гг. госу-

дарственный секретарь, в 1902—1904 гг. министр внутренних дел. Сторонник применения жестких мер к участникам революционного и оппозиционного движения, стачек и крестьянских волнений. Активный сторонник русско-японской войны 1904—1905 гг. Убит эсером Е. С. Созоновым. *5, 16, 17, 53, 56, 106, 130, 160, 161, 167, 170*

Победоносцев К. П., (1827—1907), государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущие императоры Александр III и Николай II). В 1880—1905 гг. обер-прокурор Синода. Один из инициаторов политики контрреформ. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и др. *6, 7, 10, 14, 47, 58, 66, 84, 149*

Подолинский С. С., (?—?), родственник П. А. Столыпина. *105*

Протопопов А. Д., (1866—1918), государственный и общественный деятель. Депутат III и IV Государственной думы от землевладельцев Симбирской губернии, октябрист. В 1914—1916 гг. товарищ председателя IV Государственной думы, в 1916 г. избран председателем совета съездов металлургической промышленности. С сентября 1916 г. управляющий министерством, а с декабря 1916 г. по 28 февраля 1917 г. министр внутренних дел. Основатель и редактор монархической газеты «Русская воля» (декабрь 1916 г. — февраль 1917 г.). Находился в близких отношениях с царской семьей и Г. Е. Распутиным. *145, 146, 148, 181*

Пуришкевич В. М., (1870—1920), помещик, черносотенец, депутат II, III и IV Государственной думы, товарищ председателя «Союза русского народа», затем лидер «Союза Михаила Архангела». *33, 103, 135, 138*

Путилов А. И., (1866—?), в 1902—1905 гг. директор канцелярии Министерства финансов, в 1905—1906 гг. товарищ министра

финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским земельными банками. После отставки в 1907 г. крупный предприниматель. *62, 65, 66*

Рагозин, (?—?), земский начальник Владимирской губ. *163*

Распутин (Новых) Г. Е., (1864 или 1865, по другим данным, 1872—1916), крестьянин Тобольской губернии, получил известность «прорицаниями» и «исцелениями». Оказывал помощь больному гемофилией цесаревичу Алексею, в связи с чем приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. 30 декабря 1916 г. убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина гибельным для монархии. *38, 49, 143—150, 157, 181*

Римский-Корсаков А. А., (1849—1921), в 1871—1905 гг. в судебном ведомстве, в 1905—1909 гг. ярославский губернатор, в 1915—1917 гг. член Государственного совета. Один из идеологов черносотенства, активный деятель «Союза русского народа», «Русского собрания» и др. С 1920 г. в эмиграции. *130*

Родзянко М. В., (1859—1924), один из лидеров октябристов, крупный землевладелец. Председатель Государственной думы III и IV созывов (1911—1917). В феврале—марте 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции жил в эмиграции. *145*

Родионов И. А., (1866—1940), полковник, писатель и публицист. Опубликовал в 1909 г. получивший широкую известность роман «Наше преступление» о диких нравах крестьян Новгородской губернии, выдержавший несколько изданий, а также ряд других произведений, в т. ч. «Очерки по истории Донского казачества». С 1920 г. в эмиграции. По мнению ряда исследователей — настоящий автор романа «Тихий Дон». *141*

Родичев Ф. И., (1853—1932), политический деятель, юрист. Участник земского движения конца XIX — начала XX вв., один из создателей партии кадетов. В марте—мае 1917 г. министр Временного правительства по делам Финляндии. Член I—IV Государственной думы. С 1919 г. в эмиграции. *91, 117*

Ростовцев Я. Н., (?—?), граф, заведующий канцелярией императрицы Александры Федоровны и ее личный секретарь. *151*

Саблер В. К., (с 1914 г. Десятовский) (1847—1918), государственный деятель, юрист. С 1881 г. товарищ обер-прокурора Синода. С 1896 г. сенатор. В 1906—1915 гг. обер-прокурор Синода, продолжал политику своего предшественника К. П. Победоносцева. Автор трудов по уголовному праву, публицист. *149*

Савич Г. Г., (1861—1908), чиновник МВД, составитель сборников законов. *160, 165*

Самарин А. Д., (1868—1932), государственный деятель, в 1911—1914 гг. московский губернский предводитель дворянства, в июле—сентябре 1915 г. обер-прокурор Синода, затем член Государственного совета, правый. *127*

Самарин Ф. Д., (1858—1920), земский деятель, в 1906—1908 гг. член Государственного совета по выборам (группа правых). *62, 63, 98*

Святополк-Мирский П. Д., (1857—1914), князь, государственный деятель, генерал от кавалерии. В 1895—1897 гг. пензенский, в 1897—1900 гг. екатеринославский губернатор, в 1900—1902 гг. командир Отдельного корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел. В сентябре 1902 г. назначен виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором, в августе 1904 г. — январе 1905 г. министр внутренних дел. Рядом либеральных мер (частичная амнистия, ослабление цензуры и др.) пытался привлечь на сторону правительства деятелей оппозиции («эпоха доверия» Святополк-Мирского). После

событий «Кровавого воскресенья» в отставке. *17—20, 22, 26, 47, 52—54, 56—59, 62, 99, 174*

Сергей Александрович, (1857—1905), великий князь, сын императора Александра II, генерал-лейтенант (1896). С 1891 г. московский генерал-губернатор, с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа. Убит эсером И. П. Каляевым. *58*

Сипягин Д. С., (1853—1902), государственный деятель. В 1899—1900 гг. управляющий МВД, с 1900 г. по 1902 г. министр внутренних дел. Инициатор карательных мер против участников рабочего, крестьянского, студенческого движений. Вдохновитель русификаторской политики на национальных окраинах. Убит эсером С. В. Балмашевым. *5, 14, 15, 52, 80, 113, 158—170, 179*

Скоропадский П. П., (1873—1945), военный, политический и государственный деятель, генерал-лейтенант (1916). С октября 1917 г. глава военных формирований Центральной рады. Гетман Украины (1918), провозгласил создание «Украинской державы». С 1918 г. в эмиграции в Германии. *40*

Сольский Д. М., (1833—1910), граф, государственный деятель. В 1878—1889 гг. государственный контролер, в 1889—1910 гг. член Государственного совета, в 1893—1905 гг. председатель департамента государственной экономии Государственного совета, в 1905—1906 гг. председатель Государственного совета. *22, 23, 58, 66—68, 70—72, 87*

Сперанский М. М., (1772—1839), граф (1839), государственный деятель. С 1808 г. ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1812—1816 гг. в результате интриг его противников сослан, в 1819—1821 гг. генерал-губернатор Сибири, составил план преобразования управления краем. С 1826 г. руководил работами по кодификации Основ-

ных государственных законов Российской империи (1832), подготовкой «Полного собрания законов Российской империи». *19, 22, 54, 63*

Стахович М. А., (1861—1925), политический и общественный деятель, один из лидеров Союза 17 октября, затем Партии мирного обновления, депутат I и II Государственной думы, с 1907 г. член Государственного совета по выборам от земства. *79, 96, 117*

Стишинский А. С., (1851—1922), государственный деятель, в 1899—1904 гг. товарищ министра внутренних дел, в апреле—июле 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, в 1906—1917 гг. член Государственного совета по назначению. *52, 85, 86*

Столыпин П. А., (1862—1911), государственный деятель. С 1884 г. служил в министерстве внутренних дел, в 1902—1903 гг. гродненский, в 1903—1906 гг. саратовский губернатор. С апреля 1906 г. по сентябрь 1911 г. министр внутренних дел, с 8 июля 1906 г. по 5 сентября 1911 г. председатель Совета министров. Инициатор проведения аграрной реформы с целью создать социальную опору власти в деревне в лице кулачества, ряда других крупных государственных мероприятий. Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым. *30, 31, 33, 35—37, 39, 40, 46, 59, 90, 91, 95, 97—100, 102, 104—112, 118, 122—131, 134, 135, 137—139, 149, 155, 170—177, 180*

Таганцев Н. С., (1843—1923), известный русский юрист, профессор уголовного права, в 1887—1905 гг. сенатор, в 1905—1917 гг. член Государственного совета. *61*

Танеев А. С., (1850—1918), государственный деятель, в 1897—1917 гг. главноуправляющий собственной его величества канцелярией, в 1907—1917 гг. член Государственного совета по назначению. Отец А. А. Вырубовой. *58, 150*

Титов А. А., (1845—1911), купец, историк, археограф, автор многих научных и популярных работ, посвященных истории, архитектурным памятникам, искусству древнего Ростова и других городов России. С 1878 по 1880 г. был председателем Ростовской уездной управы. *162*

Толстой Л. Н., (1828—1910), граф, русский писатель. *24, 72*

Трепов А. Ф., (1862—1928), государственный деятель, в 1906—1914 гг. сенатор, в 1914—1917 гг. член Государственного совета, в 1915—1916 гг. министр путей сообщения, одновременно с ноября по декабрь 1916 г. председатель Совета министров. *62*

Трепов В. Ф., (1860—1918), государственный деятель, в 1902—1905 гг. таврический губернатор, в 1905—1908 гг. сенатор. С 1908 по 1911 гг. член Государственного совета, один из лидеров правых. Уволен в отставку из-за активной оппозиции Столыпину. *176*

Трубецкой С. Н., (1862—1905), князь, религиозный философ, публицист, общественный деятель. Профессор и в 1905 г. первый выборный ректор Московского университета. Последователь философа В. С. Соловьева, в своей системе «конкретного идеализма» претендовал на преодоление «односторонностей» рационализма, эмпиризма и мистицизма. Автор трудов по истории древнегреческой философии. *79*

Трусевич М. И., (1863—?), в 1906—1909 гг. директор департамента полиции МВД, в 1909—1914 гг. сенатор, 1914—1917 гг. член Государственного совета. Проводил расследование обстоятельств гибели П. А. Столыпина. *97*

Тун А., (1853—1885), немецкий историк, профессор Базельского, а затем Фрейбургского университетов, родоначальник либеральной концепции в истории народничества. Окончил Дерптский университет в 1876 г., до 1880 г. жил в России.

Автор труда «История революционного движения в России» (1883), впервые вышедшего в России в 1906 г. *11*

Тургенев И. С., (1818—1883), русский писатель. *14, 166*

Тхоржевский И. И., (1878—1951), государственный деятель, поэт, переводчик. В 1902—1908 гг. чиновник Комитета, затем Совета министров, в 1908—1913 гг. помощник начальника Переселенческого управления МВД. В 1913—1916 гг. управляющий канцелярией Министерства земледелия. После отставки в 1916 г. занимался банковской деятельностью, в 1920 г. управляющий делами совета министров правительства П. Н. Врангеля в Крыму. Автор поэтических сборников и литературных переводов, в т. ч. «Рубаи» О. Хаяйма. В эмиграции. Автор воспоминаний. *36*

Ульянов А. И., (1866—1887), участник революционного движения в России. Студент юридического факультета Петербургского университета. В конце 1886 г. стал членом «Террористической фракции» партии «Народная воля»; один из авторов ее программы, в 1887 г. арестован и затем казнен за попытку покушения на Александра III. Старший брат В. И. Ульянова (Ленина). *11*

Философов Д. А., (1861—1907), государственный деятель, в 1901—1905 гг. товарищ государственного контролера, в 1905—1906 гг. государственный контролер, 1906—1907 гг. министр торговли и промышленности. *80*

Фредерикс В. Б., (1838—1927), граф, государственный деятель, генерал от кавалерии, в 1897—1917 гг. министр императорского двора, входил в ближайшее окружение Николая II, пользовался его исключительным доверием. В эмиграции с 1924 г. *150*

Фриш Э. В., (1833—1907), государственный и судебный деятель. В 1876—1883 гг. товарищ министра юстиции, в 1883—1906 гг. председатель департамента законов Государственно-

го совета, в 1906—1907 гг. председатель Государственного совета. *58*

Харламов Н. В., (1860—1925), гимназический и университетский соученик Крыжановского, член «ольденбурговского кружка». Впоследствии чиновник МВД. *8*

Хвостов А. А., (1857—1922), государственный и судебный деятель. С 1879 по 1895 г. чиновник министерства юстиции, в 1895—1899 гг. правитель канцелярии министра внутренних дел, в 1900—1902 гг. директор Хозяйственного департамента МВД, в 1905—1906 гг. товарищ министра юстиции, в 1906—1912 гг. сенатор, с 1912 г. член Государственного совета. В 1915—1916 гг. министр юстиции, с июля по август 1916 г. министр внутренних дел. *13, 20, 59, 62*

Хвостов А. Н., (1872—1918), государственный деятель, в 1908—1910 гг. вологодский, в 1910—1912 гг. нижегородский губернатор. В 1912—1915 гг. депутат IV Государственной думы, председатель бюро фракции правых. В 1915—1916 гг. министр внутренних дел. Активный сторонник «Союза русского народа», принадлежал к окружению Г. Е. Распутина. *38, 132, 133, 135, 141*

Цеймерн Н. М., (1839—?), в 1856—1879 гг. на военной службе. В 1879—1883 гг. гродненский, 1884—1888 гг. астраханский, 1898—1901 гг. владимирский губернатор. *162*

Челноков М. В., (1863—1935), один из лидеров кадетской партии, депутат II, III и IV Государственной думы и секретарь II Думы, в 1914—1917 гг. московский городской голова. *95*

Черкас А. К., (?—?), заведующий департаментом МВД по выборам в Государственную думу и Государственный совет. *88, 110*

Чихачев Д. Н., [в тексте мемуаров ошибочно — Н. Н. Чихаев] (1876—1909), член III Государственной думы от Подольской губ. *124*

Шаховской Д. И., (1861—1939), князь, земский деятель, публицист, один из лидеров конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной думы, в 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства. В 1918 г. один из руководителей «Союза возрождения России». С 1920 г. работал в кооперации, в 1939 г. репрессирован. *9, 10, 93, 95*

Шаховской Н. В., (1857—1906), князь, с 1898 по 1900 г. председатель Петербургского цензурного комитета, в 1900—1902 гг. начальник Главного управления по делам печати МВД, в 1902—1906 гг. член совета министра внутренних дел. Погиб при взрыве дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г. *90*

Шванебах П. Х., (1848—1908), государственный деятель, в 1903—1905 гг. товарищ министра земледелия, с мая по октябрь 1905 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием, в 1905—1907 гг. государственный контролер, затем член Государственного совета, правый. *109, 110*

Шереметевы — русский боярский, затем графский род. *166*

Шиман Т., (1847—1921), историк России, заведующий кафедрой восточноевропейской истории Берлинского университета. *123*

Шипов Д. Н., (1851—1920), политический и земский деятель. В 1893—1904 гг. председатель Московской губернской земской управы, в 1905—1906 гг. один из создателей «Союза 17 октября», затем Партии мирного обновления. В 1907—1909 гг. член Государственного совета по выборам от земств. Автор воспоминаний. *27, 77, 79, 80, 84, 169*

Штюрмер Б. В., (1848—1917), государственный деятель, в 1894—1896 гг. новгородский, в 1896—1904 гг. ярославский губернатор, в 1902—1904 гг. директор департамента общих дел МВД. После гибели В. К. Плеве кандидатура Штюрмера рассматривалась на пост министра, но назначен не

был. С 1904 г. член Государственного совета. При поддержке Г. Е. Распутина и императрицы Александры Федоровны в 1916 г. назначен председателем Совета министров (январь—ноябрь), одновременно министр внутренних дел (март—июль) и министр иностранных дел (июль—ноябрь). *23, 24, 71, 90, 160, 161, 163, 165*

Щегловитов И. Г., (1861—1918), государственный деятель, в 1906—1915 гг. министр юстиции, в 1915—1917 гг. член Государственного совета, в 1917 г. председатель Государственного совета. *98*

Щеголев П. Е., [в тексте мемуаров ошибочно — Щеглов] (1877—1931), историк, текстолог, источниковед. В 1906—1907 гг. и 1917—1926 гг. один из редакторов журнала «Былое». В 1917 г. член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После 1917 г. руководил публикацией документов из различных архивов Российской империи. Автор работ о декабристах, петрашевцах, истории тюрем. *133*

Щербатская М. И., (1869—?), жена С. Е. Крыжановского. *41*

Щербатский И. Ф., (1827—1889), действительный статский советник, отец жены С. Е. Крыжановского. *41*

Энгельгард Б. А., (1877—1962), кадет, депутат IV Государственной думы. После Февральской революции председатель Военной комиссии Временного комитета Государственной думы. Уездный предводитель дворянства в Ярославской губ. в эмиграции. *164*

Ячевский М. Э., (?—?), петрковский губернатор Царства Польского. *146*

Николай II

Д. С. Сипягин

П. Д. Святополк-Мирский

В. К. Плеве

А. Г. Булыгин

Д. М. Сольский

К. П. Победоносцев

П. Н. Дурново

С. Ю. Витте

И. Л. Горемыкин

П. А. Столыпин

В. Н. Коковцов в мастерской художника А. В. Маковского

В. М. Пуришкевич

Г. Е. Распутин

Б. В. Штюрмер

М. В. Родзянко

А. Ф. Трепов

П. Н. Милюков

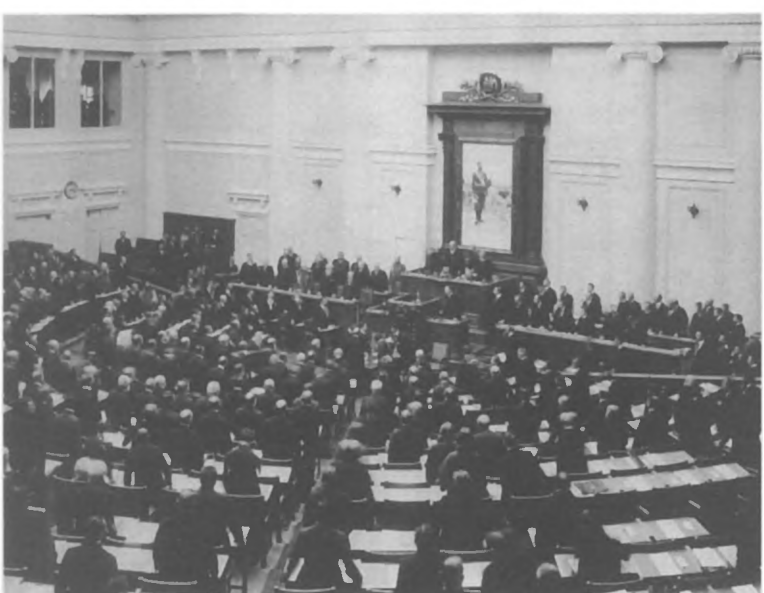
Выборы в I Государственную думу. Рабочий аппарат столичной избирательной комиссии. 1906 г.

Опечатывание урны по окончании голосования по выборам в Государственную думу. 1907 г.

Выступление Николая II перед членами Государственного совета и Государственной думы 27 апреля 1906 г.

Заседание Государственной думы. 1911 г.

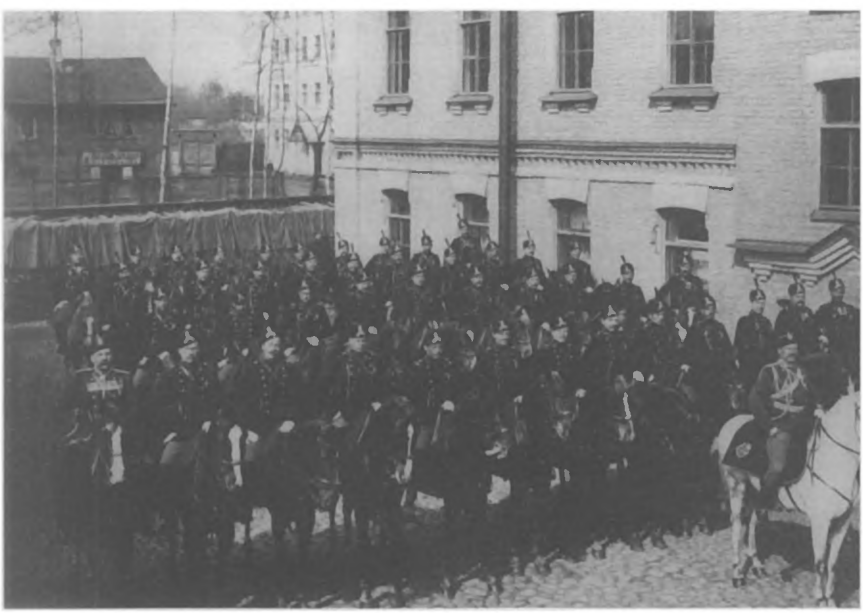
Заседание Государственного совета. 1906 г.

Отправка политических заключенных в ссылку. Николаевский вокзал.
Петербург, 1906 г.

Столовая для бедных в Петербурге. 1911 г.

Отделение конно-полицейской стражи перед выездом в город. 1900-е гг.

Николай II в районе боевых действий. 1915 г.

Солдатская манифестация на Марсовом поле. 1917 г.

С. Е. Крыжановский. 1915 г.

Российская национальная библиотека

ВОСПОМИНАНИЯ:

из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи